СКОТТ МАКЬЮЭН

ТОМАС КОЛОНЬЯР

ЭЛИТНЫЙ СНАЙПЕР

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОДИН КОНЕЦ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Место действия — Ирак, время действия — наши дни, действующие лица — снайперы элитных подразделений армии США. Задание — выявить и ликвидировать неприятельского снайпера. Эта захватывающая книга написана на основе подлинных деталей будней солдат спецназа США в Ираке. Никаких преувеличений, никакого пафоса, только суровая и неприглядная правда войны. Описанные в романе спецоперации происходили в действительности, каждый персонаж имеет реальный прототип. Военный корреспондент, неоднократно побывавший в горячих точках, Скотт Макьюэн не понаслышке знает героев своего произведения. Этот уникальный опыт позволил ему стать соавтором мемуаров самого прославленного снайпера в американской военной истории, знаменитого Криса Кайла, которого можно узнать в одном из героев романа под именем Гил.

- Скотт Макьюэн, Томас Колоньяр
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- 67
- Эпилог
- Об авторах

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

Скотт Макьюэн, Томас Колоньяр Элитный снайпер. Путешествие в один конец

Scott McEwen, Thomas Koloniar Sniper Elite: One-Way Trip

Copyright © Touchstone 2013

First published by Touchstone, a division of Simon & Schuster Inc.

© Баранов А., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Когда я сидел с товарищами — спецназовцами военно-морских сил США в одном из баров Коронадо, они познакомили меня с человеком, которого единодушно описали как самого крутого «морского котика». Тогда я еще подумал, что *самые матерые мужики, которых я знаю, пьют сейчас рядом со мной, но если они утверждают, что этот парень круче их, значит, он — настоящий орел.*

«Героя» звали Гилом; небольшого роста (158 см), крепкий. Разговор начался с формальностей: меня представили как соавтора книги «Американский снайпер» и все такое. После пары кружек пива Гил начал задавать заковыристые вопросы насчет книги. А затем я выяснил, чем он так крут.

В одной из перестрелок, где-то за пределами базы, Гил схлопотал пятнадцать пуль сразу. Выпив еще, Гил показал мне места пулевых ранений. Его тело было буквально изрешечено от шеи до ног. Ранения были нешуточные — их нанесли пули, выпущенные из автомата Калашникова (патроны 7,62 × 39 — «АК-47»).

Больше всего меня поразило, что Гил гордился не своими боевыми шрамами, а тем, что участвовал в сражении до конца, пока его не унесли в санчасть.

Эта книга посвящается «морским котикам» — бойцам спецназа ВМС США, которые продолжают сражаться, несмотря на серьезные ранения и численное превосходство противника. Истории вымышлены, но основаны на реальных действиях спецназа в секретных операциях.

Скотт Макьюэн

1
Монтана

Серую кобылу аппалузской породы[1] звали Тико Чиз, но главстаршина ВМС США Гил Шеннон звал ее просто Тико. Вместе с женой Мари и тещей он отдыхал на ранчо в Боземене, в штате Монтана, но его настоящим домом был военно-морской флот. Большую часть своей жизни Гил провел либо в военно-морском тренировочном центре Хэмптон-Роуд, что в Вирджинии-Бич, либо в отдаленных уголках планеты, занимаясь тем, что Мари (как ему казалось, слишком часто) шутливо называла «*службой великому господину*».

Жизнь любого, так или иначе связанного с армией, нелегка, но чья жизнь на самом деле порой сурова, так это жены спецназовца ВМС США. Гил заметил, что от этого рождалась горечь, которая год от года только углублялась. Масла в огонь подливал и тот факт, что с женой у него было мало общего. Оба любили Монтану, в жилах обоих текла конская кровь, их влекла друг к другу безумная страсть — та, с которой преодолевают силу земного притяжения.

Гил как раз вдел ноги в стремена и устраивался в седле, когда в конюшню вошла Мари, в джинсах, в коричневой куртке Carhartt, в сапогах. Он одобрительно взглянул на нее и, касаясь края своей шляпы, улыбаясь одними голубыми глазами, произнес: «Здравствуйте, мадам».

В ответ она улыбнулась так же застенчиво, как всегда после занятий любовью; ее карие глаза сияли, длинные каштановые волосы выбивались из косы. Ей было тридцать шесть. Будучи на год старше мужа, она, по крайней мере, не уступала ему в интеллекте. Скрестив на груди руки, она прислонилась к столбу, на котором висели хомуты для лошадей.

— Лошадь, должно быть, подзабыла твое имя, пока ты был на службе.

Гил усмехнулся и осторожно направил лошадь к стене, откуда снял винтовку «Браунинг» под патрон.300 Winchester Magnum с 24-кратным ночным оптическим прицелом.

— Думаю, она его и не знала.

Он обтер винтовку и сунул ее в чехол, закрепленный у седла.

— Эгоистичная тварь — эта лошадь.

— Ты же знаешь, здесь тебе ничего не угрожает, — удивилась Мари, заметив, что он берет с собой оружие.

— Да, но я все равно хочу держать оружие при себе, — сказал

Гил тем же ровным голосом. Они и так мало времени проводили вместе, поэтому спорить с женой он не любил.

Она предупреждающе изогнула бровь.

— Может, оставишь оленей в покое, Гил Шеннон?

Он рассмеялся: она попала в точку, угадав его планы. Затем вынул кисет из кармана желто-коричневой куртки Carhartt и скатал сигарету. Эта дзен-буддистская отстраненность помогала ему не захлебнуться в бурных волнах тревоги, которые бились о его панцирь, стараясь пробить оболочку и потопить его. Грустно сознавать, но жизнь на ранчо была для него слишком неторопливой, слишком благопристойной и безопасной, и подчас он ловил себя на мысли, что его душа готова выпрыгнуть из тела от скуки. И Гил, конечно, понимал, почему так происходит. Его отец-военный, один из «Зеленых Беретов» и участник многих операций войны во Вьетнаме, передал сыну по наследству накопленный в боях эмоциональный багаж. Хотя Гил очень гордился добрым именем своего отца, но все же сам сознательно решил стать военным, а это означало покинуть Монтану и провести свои лучшие годы вдали от нее. Монтана никуда не денется, говорил он себе. И, когда он одряхлеет настолько, что не сможет бегать, плавать и прыгать, тогда-то он выйдет со службы в ВМС в отставку и поселится здесь с Мари в полной уверенности, что сделал все возможное для защиты своей великой родины.

Он улыбнулся жене, зажав сигарету между губами.

— Расслабься. Старик Спенсер разрешил мне охотиться на его территории когда угодно.

Мари знала, что у мужа глубоко внутри прячутся демоны. Иногда даже можно было угадать их очертания — в такие мучительные мгновения, как этот, когда он хмурил брови, полагая, что она не замечает.

— Вижу, — задумчиво проговорила она. — Ты отправляешься на пастбище.

Он затянулся и выпустил дым через ноздри.

— Не волнуйся. Дальше снеговой границы я не зайду.

— Я не беспокоюсь за тебя, когда ты дома. — сказала она, отодвигаясь от столба, чтобы коснуться его ноги. — Я уже говорила, что здесь тебе ничего не угрожает. Монтана — твой родной дом, ты здесь черпаешь силы.

Он наклонился поцеловать ее, потом вытянулся в седле и спросил:

— Ты не видела Осо?

— Он, как всегда, сторожит жеребят на улице. Думает, что они его собственность.

Гил подмигнул ей и, дав шенкеля лошади, направил ее к

двери. Завернув за угол, он увидел ретривера чесапикской породы, сидевшего у загона, где паслись две кобылы и их два пестрых жеребенка.

— Осо! — окликнул он собаку, и та потрусила к нему. Ее полное имя было Осо Касадор, что по-испански означало «охотник на медведя». Так ее звал прежний владелец ретривера — Мигель, покойный друг Гила. Он натаскивал пса для охоты на гризли на землях, раскинувшихся за Йеллоустонским парком. Потом Мигель умер от рака, и его дочь Кармен притащила Осо на похороны и упросила Гила приютить собаку на ранчо, сославшись на то, что квартира в Лос-Анджелесе слишком мала для 55-килограммового пса. Гил даже не успел над этим поразмыслить, а Мари уже схватила Осо за поводок и привела в дом. Ретривер неплохо устроился: охранял жеребят, отгонял от них койотов, а во время отъездов Гила присматривал за Мари и ее матерью и, ко всему прочему, обладал недюжинным талантом подмечать дичь даже с далекого расстояния.

По правде говоря, было в Осо что-то от морского пехотинца. Он рьяно — порой даже слишком — охранял Мари, пока Гила не было дома. Когда Осо был чем-то доволен и обнажал зубы, улыбка его становилась зловещей, по-песьи угрожающей, — та улыбка, которую тяжело разгадать. Чем-то он напоминал молодых «морских котиков»[2], работавших с Гилом: такие же отчаянные и преданные, умные, спортивные, бесстрашные и зачастую страшно упертые. И, подобно той же молодежи, Осо оспаривал первенство с Гилом. У Гила была колоссальная сила воли, но, тем не менее, он мог смело доказать свой статус лидера так, как это доказывает самец в животном мире. Железную волю он унаследовал от отца и в своем характере больше всего ценил именно эту черту. Во время службы в DevGru[3] Гил не отличался ни ростом, ни быстротой реакции, ни особенной точностью стрельбы, но в бою его не раз выручали стойкость и выдержка, в то время как прославленные обладатели физических достоинств оказывались не у дел.

Именно поэтому в спецоперациях он оказался незаменимым бойцом.

Гил осадил лошадь, и она пустилась рысью к пастбищам. Было прохладно, но Осо предпочитал бежать в тени лошади. И хотя Гила одолевали сомнения, он считал, что лучше, если солнце не слепит глаза собаке.

За двадцать минут он доскакал до западных ворот ранчо, где остановился, чтобы перекурить. Не слезая с лошади, он достал из кармана косточку-печенье и бросил ее псу. Тот мигом выкопал лапами ямку, поместил туда кость и зарыл ее носом, затем уселся

и принялся лаять, ожидая добавки.

Гил улыбнулся и, глубоко затянувшись, бросил еще одну. Осо вмиг слопал угощение.

Через два часа они взобрались на вершину горной цепи, где Гил спешился. Он осматривал с высоты Долину Спенсер, зная, что там, внизу, в кустах, бродят осторожные олени. Скоро начнется гон, животные станут буйными, и поэтому сейчас — самое время на них охотиться, пока они спокойны. Совсем не сложно пристрелить животное, одержимое гормонами, когда оно вертит задницей, почти вынуждая охотника спустить курок.

В сотне метров левее по склону из-за дерева выступил крупный лось. Осо сразу прижался к земле, показывая, что заприметил добычу.

Охотник достал винтовку, снял крышки с объектива оптического прицела и взвалил оружие на плечо, чтобы точнее прицелиться. Матерый олень с крупными увесистыми рогами неспешно жевал охапку травы, не подозревая об опасности. Гил прикрыл объектив и убрал ружье обратно в чехол. С такого расстояния он смог бы убить оленя и камнем. Но он предпочитал не расходовать пули, если дистанция была меньше ста метров. В охоте Гил ценил сложность процесса, а не результат.

Он снял седло с Тико, затем привязал ее к соседнему сухому дереву. Потом налил воду в чашку для Осо и, расчистив небольшой клочок земли, устроился за седлом. Когда положение для стрельбы было готово, он повторно вытащил ружье и настроился ждать. Гил оценил направление слабого ветра, рассчитал в уме расстояние до воображаемых мишеней. В сущности, сами цифры не занимали его, вычисления производились невольно, сами собой, как дважды два — четыре.

Через сорок минут Осо вскочил и помчался в долину.

Гил вскинул ружье и взял на мушку оленя, стоявшего на тридцатиградусном уклоне, головой к лесу. Поскольку мишень была под углом и дул ветер, для точного выстрела целиться нужно было чуть ниже. Гил взял поправку машинально, ни на миг не задумываясь, а вот новичкам в спецназе над этой задачей приходилось поломать голову.

Перекрестие прицела охотника остановилось там, куда он и хотел всадить пулю калибра 7,62 мм — между холкой и лопаткой. Он изменил фокусное расстояние прицела, будто собирался поразить цель не с девятисот метров, а с семисот тридцати. Этому не учат за партой — такая точность вырабатывается после тысячи выстрелов.

Если бы Гил сомневался, что только ранит животное, а не убьет наповал, он бы целился в область поближе к сердцу.

Только он набрал в грудь воздуха и приготовился нажать спусковой крючок, как воспоминания о первой ликвидации в бою снова во всех красках нахлынули на него…

Шел второй месяц *Второй иракской кампании.* Гила и его напарника Тони направили в пригород Багдада — поручили вытащить из беды две роты морских пехотинцев, которые выкашивали стрелки противника. Одного из своих снайперов морпехи уже лишились, а нескончаемые обстрелы подорвали их боевой дух. По этой причине их командир запросил помощь, и спустя полтора часа вертолет «Кейюс»[4] доставил Гила и Тони в тыл к морпехам.

Пять кварталов, которые они вынуждены были пройти, походили на круги ада. Но необходимую им информацию за время этого путешествия им удалось собрать.

Пока они добирались до передовой, Тони отмечал на карте места, где пули вражеского снайпера настигли своих жертв. Закончив, он ухватил Гила за локоть и потащил в бетонный гараж.

Там Тони опустился на колени и развернул карту.

— Смотри сюда. Видишь, какая выходит схема? Все не случайно. Это — один человек, Гил. И он отступает зигзагами. Чуешь?

Он водил пальцем туда-сюда по сетке координат, подкрепляя сказанное.

— Он ходит из угла в угол — чистит сектор. Зона поражения сужается, и именно в нее попали все наши застреленные ребята. Этот чертов стрелок проливает кровь наших, и пока они перейдут в другую часть города, то лишатся еще десятерых. Пусть только попробует этот дух уйти в тень — мы живо его найдем!

Тони быстро свернул карту и заткнул ее за бронежилет.

— Сейчас надо найти командира и заставить его остановить наступление, пока не стемнело. А еще лучше — убедить ребят сдать один-два квартала. Хаджи соблазнится и попадет к нам прямо в руки. А потом мы оторвем ему яйца!

Выйдя из гаража, они натолкнулись на санитара и двух носильщиков, тащивших молодого пехотинца с размозженным лицом.

— Опустите его, — скомандовал санитар. — Я верну тебе дыхание, парень!

Гил не мог оторвать глаз от мясного фарша на месте человеческого лица. С трудом верилось, что солдат без лица все еще жив.

Санитар спешно выполнил трахеотомию, чтобы восстановить

дыхание раненого, затем помощники вновь подняли носилки и направились к приближавшемуся эвакуационному самолету.

— Пошли давай. — Тони тронул Гила за плечо, и оба отправились на поиски майора, который командовал операцией.

Тони пришлось потрудиться, чтобы убедить майора сдать два квартала, захваченных с таким трудом.

— Сэр, послушайте, при всем нашем уважении, вы просили у нас помощи. Сейчас я расскажу, как мы прикончим этого ублюдка. Отдадите им два квартала, сэр, — и эти придурки решат, что выигрывают это долбаное сражение. И их адский снайпер не устоит и займет лучшую позицию.

Тони показал на настенном аэрофотоснимке место предполагаемой позиции.

— Я абсолютно уверен, что он был здесь, когда за десять минут угрохал шестерых наших.

— И где вы собираетесь его накрыть? — поинтересовался майор.

Тони ткнул в высокое здание в центре, на юге квартала, где предположительно скрывался снайпер.

— Мы займем позицию на высоте, сэр, а оттуда его гнездышко славно просматривается.

Майор с надеждой посмотрел на капитана:

— Что думаешь, Стив?

Капитан взглянул на Тони и сказал:

— Вы вообще понимаете, что если мы отдадим квартал, то здания опять перейдут к врагу? Вы будете отрезаны и окружены.

Тони улыбнулся в ответ.

— Только на чуть-чуть, капитан.

Капитан кивнул и повернулся к майору.

— Будь я командиром, последовал бы их совету. По мне, так парень знает, о чем говорит.

— Хорошо. Сколько времени вам нужно, чтобы занять позицию? — спросил майор.

— Не больше пятнадцати минут, сэр, — ответил Тони. — А после можете отступать. Чтобы снова влезть в свое логово, снайперу придется пройти по одной из этих узких улочек. И тогда-то мы подстрелим его задницу.

Двадцать минут спустя Гил и Тони уже были на месте, откуда открывался вид на убежище снайпера в углу мясного рынка. Сами они надежно укрылись под крышей трехэтажного дома, когда морские пехотинцы отступали. Уже через десять минут войска противника поспешно заняли позиции, оставленные в первой половине дня.

— Мы можем замочить кого-то из этих ребят прямо сейчас, —

предложил Гил, наблюдая неприятеля в прицел винтовки «М-21»[5], с которой он тогда воевал.

— Только этого-то наш снайпер и ждет, — с горечью в голосе проговорил Тони, тоже отслеживая врага через оптический прицел «М-21». — Он же только и мечтает увидеть, как кто-то подстрелит его подсадную утку. Дай ему время. Не спускай глаз с духа, который будет идти с винтовкой Драгунова[6]. Это и будет твой парень.

— Мой парень? — на секунду оторвался от своей винтовки Гил, не понимая, о чем речь.

Тони расплылся в улыбке.

— Извините, дорогая Гиллиган, но лучшего жениха, увы, пока для вас не подыскали.

Гил ощутил, как начали потеть его ладони, и снова уставился в прицел. Он внимательно изучал каждого, кто попадал в поле зрения, изучал их оружие, лица, бороды, разноцветные шемахи[7], развевавшиеся на ветру из-за того, что солдаты шли прямо вперед. Многие из них смеялись, восторженно жестикулировали, ошибочно полагая, что освободили город от американских солдат.

Мужчина, одетый в зеленое, с винтовкой длиннее, чем обычный автомат Калашникова, метнулся из прачечной и исчез под тентом.

— Ты его видел? — спросил Гил. — Там парень прячется под навесом. Он похож на того, с винтовкой Драгунова.

Снайперская винтовка Драгунова — самозарядная винтовка калибра 7,62 мм, разработанная в Советском Союзе в 1963 году. Хотя изначально она не задумывалась как снайперское оружие[8], снайперы Среднего Востока до сих пор предпочитают тяжелую СВД другим, похваляясь, что с оптическим прицелом поражают любую цель с 1300 метров.

— Заметил прицел?

— Нет, не вижу прицела. Рукоятка замотана тряпьем.

— Может, просто ручной пулемет Калашникова, — предположил Тони. — Тот, кого мы ищем, не мог укокошить столько наших, стреляя с открытого прицела.

Ручной пулемет Калашникова («РПК-74») — легкий пулемет, который внешне напоминает повзрослевший «АК-47».

Спустя две минуты темно-зеленое пятно выскочило из-под навеса, но на этот раз на винтовке был установлен оптический прицел.

— Поймал! — сообщил Гил. Он не мог толком прицелиться, так как неприятель весьма осторожно перемещался по улочке — от магазина к магазину.

— А, что я тебе говорил! — обрадовался Тони. — Он старается занять эту чертову позицию. Успокойся и дай ему подойти поближе. Он повернется к тебе спиной. А вот когда будет взбираться на лестницу — тогда его смело прикончишь.

Неприятель в последний раз оглядел улицу, смело осмотрел крыши, без шансов заприметить Тони и Гила среди каменных домов города. Юрко, как ящерица, он устремился к лестнице, которую и собирался занять.

Он поднялся наверх и теперь был в ста восьмидесяти метрах от Гила.

— Мочи его, — тихо скомандовал Тони и на случай, если Гил промажет, тоже следил за снайпером через прицел винтовки.

Гил прицелился в позвоночник в районе шеи, и нажал на курок. Снайпер умер мгновенно: упал на колени и соскользнул с лестницы.

— Получи свое, ублюдок, — сказал Тони и похлопал Гила по плечу. — После сражения мы найдем эту дохлую свинью, и ты получишь трофей.

Сейчас Гил лежал в боевой позиции за седлом, всматриваясь через прицел в оленя, который грациозно передвигался по траве. Животное остановилось, принюхиваясь. Гил сделал вдох и спустил курок. Пуля пробила хребет в районе шеи, перед лопатками, и олень замертво упал, не ведая, кто или что его убило.

2
Афганистан

Провинция Нангархар

Уорент-офицер[9] Сандра Брукс сидела и курила у открытой двери UH-60M — «Черного ястреба»[10] — рядом с уорент-офицером Билли Митчеллом. В свои двадцать девять голубоглазая, темноволосая Сандра уже была первоклассным пилотом и сейчас совершала свой третий полет на Средний Восток. Они наблюдали, как шесть рейнджеров отрабатывают ночной налет, запланированный на следующую неделю.

Сандра и Мишель были элитными пилотами 160-го авиационного полка специальных операций (SOAR), больше известного как «Ночные сталкеры». Обычно полк взаимодействовал как со спецназом сухопутных войск, так и с «морскими котиками». В войсках специального назначения они были лучшими из лучших — г*лавные сорвиголовы в небе для главных врагов на земле, и Сандра была первой женщиной-пилотом в команде.*

Сейчас рейнджеры проводили боевые учения на фанерном макете деревни, отрабатывая скоординированную атаку предполагаемого объекта. Тренировка проходила в строжайшей секретности, поскольку всего в восьмидесяти километрах от них пролегала линия фронта (насколько можно назвать это захолустье фронтом). Целью рейда был мусульманский духовный лидер Аасифа Кохистани, проживавший в небольшой деревушке на севере провинции Нангархар. Кохистани возглавлял афганскую политическую партию «Исламское общество» — «Хезб-е Ислами Кали» (ХИК). ХИК оказывала политическое давление на парламент, а, по последним данным разведки, Кохистани, связанный с движением Талибан[11], намеревался усилить военную власть по всей провинции — и это на фоне планового сокращения американских войск в регионе.

Естественно, если ХИК и Талибан объединятся, американцам и думать нечего об уменьшении численности войск. Поэтому Кохистани необходимо убрать со сцены. Если этого не сделать, он может набрать такую же силу, как Гульбеддин Хекматияр, глава ХИГ («Хезб-е Ислами Гульбеддин»)[12], имеющий влияние в Долине Шок в Гиндукуше. Обе группировки — ХИК и ХИГ — за последний год нарастили влияние в парламенте, и обе были враждебно настроены против каких-либо афгано-американских

отношений.

Сандра смахнула легким щелчком окурок, растянулась на вертолетной площадке и закрыла глаза, довольно улыбаясь самой себе. Она и глава команды рейнджеров, капитан Шон Бордо, провели вместе ночь, прежде чем вернуться на авиабазу за Джалалабадом. Они оба нуждались в этом, ведь их законные супруги находились далеко — на другом краю планеты. Полгода — немалый срок для каждого, а если учесть, какого напряжения требовала от них работа, то чего удивительного, что под влиянием стресса и необычайного возбуждения все и произошло? И это была не измена. Всего лишь зов матушки-природы. Сексуальное влечение друг к другу сейчас ослабело, и оба уже соображали яснее, стараясь сосредоточиться на задании.

— Ну как там Бет? — спросила Сандра.

Митчелл сидел, щурясь от утреннего солнца, и наблюдал, как рейнджеры занимали позиции для нового штурма «деревни». Он да Сандра — единственные, кто обеспечивал безопасность тренировки. Он медленно затянулся, размышляя о своей жене, которая должна родить уже на этой неделе.

— Вчера, — отозвался он, — она сказала, что может родить в любой момент. Может, рожает прямо сейчас. Как вышло, что у вас с Джоном до сих пор нет детей?

Она подняла голову и взглянула на него.

— Я похожа на человека, который хочет иметь детей?

Он рассмеялся.

— Смотрю, мы малость отличаемся.

— Может, и так, — согласилась она, приподнимаясь на локтях. — Но мы с ним видим друг друга только четыре месяца в году. Иногда я даже удивляюсь, почему мы…

Пулеметная очередь обрушилась градом на «Черный ястреб», пули засвистели в воздухе.

— Что за херня?! — возмутился Митчелл, хватая винтовку М4. — Враг у ворот!

— Нас атакуют! — послышался крик рейнджера из отдаленного угла бутафорской деревни.

Раздались взрывы минометных мин, звуки предательски свистящих пуль разрезали воздух. Первые автоматные очереди быстро стихли, и фанерные строения рухнули одно за другим, как карточный домик. Двое рейнджеров, находившихся невдалеке от Сандры и Митчелла, вскочили на ноги и побежали к вертолету. Еще одна очередь — и их не стало.

— Боже мой! — Сандра взобралась в кабину пилота. — Откуда они вообще нарисовались, здесь, в этом захолустье…

— Надо заставить эту дуру взлететь. — Он перешел на место

пулеметчика позади нее. — А то сидим тут, как живые мишени!

Четверо оставшихся рейнджеров были все еще в ста метрах по ту сторону деревни. Но как только Сандра щелкнула включателем и лопасти начали вращаться, рейнджеры побежали к вертолету.

— Взлетаем через шестьдесят секунд.

— У нас нет и шести…

Минометная мина взорвалась в задней части вертолета. Отделившаяся хвостовая балка болталась и разворачивала вертолет. Митчелл ударился о люк, сильно разбив при этом голову, а Сандру отбросило на другую сторону кабины. Воздух наполнился звуками вражеского обстрела. Пули бились о фюзеляж, пока Сандра тщетно пыталась вызвать по радио подкрепление.

— Мы в дерьме, — Митчелл схватил ее за руку — Надо выбираться отсюда.

В этот момент пуля ударила его в грудь, и Митчелл упал замертво.

Капитан Бордо запрыгнул в вертолет, взял Сандру за шиворот и выволок ее под градом вражеских пуль. Их обоих успели ранить, и они упали у двери вертолета. Три оставшихся рейнджера какое-то время прикрывали их, но, понимая, что противник готовится их отрезать, солдаты устремились к скалам, надеясь укрыться там.

— Ты успела вызвать подмогу? — спросил Бордо, обстреливая рощицу, чтобы заставить противника пригнуться к земле.

— Они в первую очередь уничтожили радио, — проговорила Сандра, задыхаясь от боли в бедре, куда ее ранили из АК-47.

— Кажется, перебита кость, Шон. Невозможно болит. Черт!

Бордо сгреб автомат «М-4»[13] Митчелла и сунул Сандре в руку, а сам то ли понес, то ли потащил ее к камням, где рейнджеры прикладами карабинов уже рыли окопы.

— Мы в глубоком дерьме, братцы. Нечем укрываться и некуда бежать.

Один из рейнджеров наложил Сандре на ногу жгут. Первый шок начал проходить, и Сандра стала терять сознание.

— Надо срочно что-то придумать, — сказал один из рейнджеров. — Если они начнут обстрел из минометов, мы — трупы.

— Они бы это уже сделали, — заключил Бордо. — Нет. Нас собираются брать живыми.

— Или ее, — предположил сержант Торнеро.

— Да, или ее.

Бордо с отвращением сплюнул. Их радист был убит, и

потребуется не меньше часа или двух, чтобы их хватились и прислали другой вертолет. Предполагалось, что здесь — безопасная зона, поэтому именно ее и выбрали для тренировок. Но что-то пошло не так.

— Точно не знаю, но, похоже, нас здесь поджидали.

Торнеро зажимал рану на плече тряпкой.

— В штабе так верещали об этой операции, что меня уже ничего не удивляет.

— Не хотелось бы еще и женщину втянуть во все это, — сказал Бордо.

— Хотите на мое место? — застонала Сандра, борясь с подступающей рвотой.

Начался новый серьезный обстрел. Приходилось лежать прижимаясь к земле, пока враг приближался.

— Их не меньше двадцати! — прокричал один из рейнджеров, отстреливаясь. Он убил одного из нападавших. — Они берут нас в кольцо.

Бордо понимал: их время истекло. Либо сдаваться, либо вырываться и бежать — но как вырваться, не оставлять же Сандру умирать?

— Сержант, вы, трое, спасайте свои задницы! — скомандовал Бордо. — Выбора нет. Постарайтесь пробиться к северу, там наши. Сдаться — это не выбор.

Торнеро переглянулся с двумя членами команды, все они отрицательно покачали головами. Торнеро снова посмотрел на Бордо и с ухмылкой сказал:

— Думаю, мы останемся, капитан.

— Я сказал: спасайте свои шкуры!

Вдруг Торнеро на мгновение оторвался от земли, чтобы метнуть гранату, и снова упал ничком.

— Вы можете отдать нас под трибунал, если мы, конечно, доживем до этого, сэр. Но мы решили — мы остаемся.

— Упрямые придурки, — промямлил Бордо, подползая к северу, чтобы лучше разглядеть, где можно укрыться. Три «духа» уже захватили склон. Завидев его лицо, они открыли стрельбу. Капитан выдернул чеку из гранаты и метнул по направлению к стреляющим. Подползая к своим, он получил две пули — одну в руку, другую — в спину, в пластину бронежилета из карбида бора. Граната оглушительно разорвалась, вокруг полетели клочья тел. Бордо и команда присели на корточки и открыли стрельбу по всем четырем направлениям, когда враги вплотную приблизились к ним.

Одному из рейнджеров пуля попала в лицо, и он повалился навзничь.

Понимая, что им остались считаные секунды, Бордо расстрелял все до последнего патрона на «М-4», затем взял свой пистолет «М-9»[14] и нацелил его на Сандру.

Она ему подмигнула и закрыла глаза рукой.

Он чуть замешкался, вспоминая проведенную вместе ночь, и только потом спустил курок.

Мгновением раньше пуля калибра 7,62 мм пробила ему голову, и его выстрел прошел рядом с плечом Сандры, когда он упал.

Сержант Торнеро повернулся, чтобы прикончить человека, убившего Бордо. Он прошил его очередью от паха до глотки, а затем почувствовал удары в бронежилет, по конечностям и по животу. Он упал вперед на четвереньки, и, харкая кровью, получая новые пули, бесстрашно пополз вперед, чтобы накрыть тело Сандры собой.

Она тем временем пыталась вытащить пистолет из кобуры Торнеро, как вдруг темная фигура талиба загородила солнце. Он наступил ей на руку, сам достал пистолет Торнеро и швырнул его одному из своих людей. Тело сержанта оттащили. Человек, спокойно говоривший на пушту, указал на американское оружие и поручил забрать его с собой. С рейнджеров быстро сняли все: бронежилеты, сапоги, боеприпасы, а также деньги, часы и даже армейские жетоны.

Пребывавшая без сознания Сандра смутно помнила, как ее поднял и потащил низкорослый, плечистый человек. Она на секунду открыла глаза и увидела только землю под его ногами и его пятки в сандалиях, которые при ходьбе болтались из стороны в сторону.

Они шли до конца дня, сворачивая к холмам на пакистанской границе. Ночью Сандра изредка просыпалась от толчков грузовика, поднимавшегося в горы Гиндукуша. Она пробормотала, что замерзла, и, вероятно, был в задней части машины кто-то, кто говорил по-английски, потому что спустя несколько минут ее накрыли курткой.

В следующий раз она проснулась от яркого солнечного света, слепившего глаза. Ее вытащили из грузовика, где она ощущала себя куском фанеры в темноте, фанеры, утыканной иголками. Пытаясь выдержать боль, она все же громко вскрикнула, когда ей в ногу вставили железные щипцы. Кто-то могучий, как горилла, держал ее все то время, пока из нее извлекали пулю, а потом накладывали швы. Потом Сандре на голову натянули серый грязный мешок, затолкали обратно в грузовик и поехали дальше.

Позже, уже ночью, с нее сняли мешок и дали вдоволь напиться воды, направляя при этом фонарик в лицо. Они пила,

кашляя и давясь, стараясь выпить как можно больше, затем воду унесли и на нее вновь надели мешок.

Казалось, она провела в грузовике целую вечность, пока машина не остановилась вновь. Сандру внесли в какое-то здание и привязали к деревянной кровати.

Утром она проснулась от лихорадки в ноге и со страхом обнаружила, что все еще привязана к кровати. Сапоги и форму с нее сняли, а вместо этого облачили в какое-то грязное белое одеяние из грубой материи. Рядом с кроватью сидел мужчина лет сорока и читал Коран через очки в черной оправе, которые были ему велики. Он был одет в белую джуббу[15] мусульманского священнослужителя, а его аккуратно подстриженная борода подернулась сединой.

Мужчина повернулся к Сандре — посмотреть, приметила ли она его, затем не спеша закрыл Коран и отложил его в сторону.

— Ты проснулась, — произнес он на хорошем английском.

— Верните мою форму, — было первое, что она сказала.

Он снял очки и спрятал их в карман джуббы.

— Твою одежду сожгли, — ответил он. — Твою ногу залечили, и ты сейчас далеко от своих людей. Очень далеко. Они тебя здесь не найдут. Я — Аасиф Кохитани, лидер «Хезб-е Ислами Кали». Твои друзья собирались меня похитить из моей деревни в Нангархаре.

— Брукс, — представилась Сандра. — Сандра Джей, уорент-офицер, 280-76-0987.

Он скупо улыбнулся.

— Я это уже знаю.

Он достал из ящика стола пригоршню армейских жетонов, снятых с ее погибших соотечественников, и выбрал жетон с ее именем.

— Ты еще и католичка. Что еще ты можешь рассказать мне о планах ЦРУ против нас? Они нападут на нас?

— Может, развяжете меня? — спросила Сандра, чувствуя, что во рту сухо, как в пустыне.

Он опустил жетоны на стол.

— Это невозможно. Ты же еще не сказала мне то, что меня интересует, — спокойно объяснил он. — Тебе лучше рассказать все прямо сейчас. Иначе потом у тебя возникнут проблемы.

— Я всего лишь пилот, — начала она. — ЦРУ не посвящает нас в свои планы. Я даже не знаю, зачем вы им нужны.

Самое страшное, что это была правда. Сандра действительно не знала, зачем ЦРУ охотилось за Кохистани и запланированы ли еще военные удары.

— Ты не просто пилот, — заключил он и взял со стола

нашивку «Ночных сталкеров». — Ты одна из этих людей. Мы знаем их очень хорошо. Даю тебе последний шанс рассказать все, что ты знаешь. А потом я позову Рамеша.

— Вы должны мне поверить, — взмолилась она. — Я ничего не знаю! Если бы я знала, то рассказала бы все. Меня не заботит, что там замышляет ЦРУ.

— Это не то, что я хочу услышать.

— Может, мне что-то придумать? — отчаялась Сандра. Пока она лежала, пытаясь вспомнить свои репетиции допросов, которые проходили в школе выживания, Кохистани взял стоявшую у ножки кровати палку, до этого момента незамеченную Сандрой, и отвесил ей удар по раненому бедру.

Боль в ноге пронзила ее. Почти подавив крик, готовый вырваться из горла, она машинально выгнула одеревеневшее тело. Заглатывая большими порциями воздух, она ждала следующего удара, который по сути не имел смысла — настолько сильна была боль.

Кохистани стоял с поднятой над своей головой палкой.

— Нет, не надо, я все скажу!

Он снова ударил, на этот раз в полную силу. Сандра закричала от боли, ее разум поплыл, а Кохистани тем временем ударил ее и в третий раз. Сандра взвыла от дикой боли. Не стыдясь слез, она пробормотала придуманную информацию, чтобы предупредить четвертый удар.

Кохистани перестал наносить удары и убрал палку к ножке кровати с выражением лица, которое означало «вот видишь, как неразумно… как бессмысленно ты пострадала».

Она закрыла глаза, пытаясь плакать как можно тише и стараясь собрать остатки потерянной гордости.

— Открой глаза! — приказал он Сандре, глядя на нее свысока. — Ты знаешь, почему твоя страна проиграет в Афганистане? Отважные капиталисты потерпят поражение, потому что они отправляют женщин воевать. Сейчас я позову Рамеша, чтобы он проверил, правда ли то, что ты сказала.

Он вышел из комнаты, а следом вошел звероподобный, свирепый на вид мужчина с брезентовым чехлом. Раздался глухой металлический звук, когда незнакомец поставил его на стол.

Охваченная немыслимым ужасом, Сандра снова прикрыла глаза в надежде испариться.

3
Монтана

Гил и Мари застилали конюшню свежим сеном, когда ему на мобильник позвонила мама Мари и сообщила, что его разыскивали по домашнему номеру.

— Сейчас вернусь, — сказал он жене, опуская телефон обратно в карман.

Мари на него даже не взглянула. Она разрезала бечевку с другого стога и разворошила сено ногой.

— Наверняка опять какие-нибудь пустяки, детка.

Она перестала ворошить сено и уставилась на него.

— Разве на флоте случаются пустяки? Прошел только месяц, а тебе положено отдохнуть два. Хочешь сказать, что без матроса Гила Шеннона корабли отчалить не могут?

Гил улыбнулся: его позабавило, что жена назвала его матросом, хотя отлично знала, что это не так.

— Ну, отчалить-то отчалят, но вот пока я не с ними… могут и не доплыть.

Она мотнула головой и снова приступила к работе. Сарказм мужа больше на нее не действовал.

Гил нашел трубку телефона на кухонном столе и вышел на заднюю веранду.

— Алло, это Шеннон.

— Гил, привет, это Хал. Тут кое-что стряслось, и я решил позвонить. Можешь набрать меня со спутникового телефона?

Главстаршина Халлиган Стиллард из DevGru принадлежал к числу близких друзей Гила. Когда Честер Нимитц[16] еще пешком под стол ходил, Стиллард уже служил в военно-морском флоте, и потому был своеобразной легендой среди «Морских котиков».

— Подожди минуту. — Гил повесил трубку и прошел в спальню. Там он взял спрятанный спутниковый телефон и перезвонил Стилларду. — Ну, что стряслось?

— Извини, что беспокою тебя дома, ты на отдыхе, — замялся Стиллард. — Вчера Шон Бордо и пятеро его рейнджеров были убиты в ходе вылазки талибов. На юге Джалалабада, в Нангархаре.

Гил раньше сотрудничал с Бордо, и не раз. Даже считал его другом, но такой старый волк, как Стиллард, не будет из-за этого звонить Гилу на другой край света.

— Что еще, старшина?

— Взяли в плен пилота «Ночных сталкеров», — продолжил

Стиллард. — Во время тренировки рейнджеров Талибан обстреляли вертолет, убили второго пилота, порубили рейнджеров, а потом еще и сняли с тел все ценное. Проблема в том, что взяли в плен молодую женщину-пилота… красивая, двадцать девять лет… единственная женщина в своем отряде. Не хочется, чтобы все просочилось в телевизор, особенно если ее покажут раненую по «Аль-Джазира»[17]. Думаю, тебя стоит держать в курсе дела, рано или поздно ребята из SOG позвонят.

SOG — это группа специального назначения ЦРУ, наследница известной MACV-SOG[18], в которой служил отец Гила. ЦРУ не разрешалось иметь собственных штатных специалистов, поэтому ведомство вербовало кадры для разовых заданий из всех родов войск, — так же как во времена Вьетнамской кампании. Эти задания были настолько засекречены, что никто из спецназовцев о них даже не подозревал… по крайней мере не должен был.

На данный момент Гил числился в DevGru, как и Стиллард. DevGru — одно из подразделений спецназа — было настолько засекречено, что даже правительство США не знало, где именно оно базируется в данный момент. Остальные — это отряд «Дельта», 24-я специальная тактическая эскадрилья ВВС США и «Зеленые береты» сухопутных войск.

Гил нащупал в кармане куртки табак и вытащил его.

— Старшина, ты имеешь в виду уорент-офицера Сандру Брукс?

— Да, ты ее знаешь?

— Она прикрывала нас сверху несколько раз, — вспомнил Гил. — Они ж ее замучают, старшина. Как это вообще могло случиться?

— Это сейчас расследует КСО[19], — ответил Стиллард.

Криминально-следственный отдел был создан генералом Першингом во время Первой мировой войны.

— Я поговорил с парнем из NCIS[20], у которого есть доступ в КСО. По его словам, федеральные агенты арестовали одного пакистанского разведчика, который снабжал информацией противника. Думаю, он мог передать секретную информацию о планируемом похищении одного из лидеров Аль-Каиды. Слушай, я позвоню тебе через пару дней. Хорошо?

— Да, старшина. Спасибо за информацию.

— Не за что.

Гил спустился вниз, чтобы найти тещу. Она делала сэндвичи на кухне.

— Спасибо, что позвонила, мама.

Она улыбнулась. Ее звали Джанет, ей было шестьдесят пять. Свои короткие пепельные волосы она заплетала, как и ее дочь, в

косичку.

— Ты опять нас покидаешь?

— Нет, это были просто новости. Звонили, чтобы держать меня в курсе дела.

— По-твоему, Мари купится на такое?

— Разве вам самим тут не тесно? — хотел пошутить он.

Она помотала головой, протягивая ему сэндвичи с говядиной и картофельными чипсами.

— Может, пива?

— Да, пожалуй — ответил он, втайне сожалея о том, что знает Сандру Брукс лично. Полгода назад они обменивались шутками, делились мнениями о том, как тяжело сохранить брак.

Вечером, когда теща помыла посуду и отправилась спать, Гил уселся в кресло-качалку у камина и начал сворачивать сигареты.

Вошла Мари и расположилась у очага с бокалом белого вина.

— Я тебя уже видела таким, — тихо сказала она. — Твоего друга убили?

— Нет, это хуже. — Он оторвался от сигареты.

— Что такое?

— Вчера талибы захватили пилота одного из наших вертолетов.

Гил тронул языком сигаретную бумагу и пригладил ее, чтобы она смотрелась как купленная в магазине.

— Пилот «Ночных сталкеров». Для них это ценная добыча. Наверное, такая же ценная, как «морской котик» или «зеленый берет[21]».

— И ты его знал?

— Это она, — тихо сказал он, зажав сигарету губами и прикуривая от спички. — Ей двадцать девять. Хорошие данные. Если это просочится в СМИ, жди заварушки.

Кивнув, Мари отпила глоток.

— Еще одна Джессика Линч, — печально проговорила она. — Так когда ты уезжаешь?

— Они мне звонили не для этого.

— Я тебя о другом спросила, — сказала она.

Он схватился за виски рукой, в которой держал сигарету.

— Дорогая, они до сих пор еще не знают, где она.

Мари отложила стакан в сторону и растерла колени.

— Гил, ты извини, конечно, но у меня нет больше сил терпеть эти бесконечные отъезды. Ты уезжаешь или нет?

Он посмотрел на нее и, понизив голос до шепота, сказал:

— Я должен уехать, любимая. Не могу объяснить, но чувствую, единственное, что важно — это моя любовь к тебе. Но

как мне, мужчине, спокойно жить с этим, когда тут такое?

Слезы выступили у Мари на глазах, и она вытерла их.

— А как я могу жить спокойно?

Он опустил глаза, чтобы не встретиться с ней взглядом. Она — единственный человек, чьи мысли его пугали.

— Справедливо замечено. Если позволишь дождаться звонка, я подожду. Могут позвонить и в следующем месяце… скорей всего.

— Посмотри на меня. Ты же сделаешь все, чтобы ее освободить?

Он призадумался на минуту:

— Так точно. Уверен, я с этим справлюсь.

Она взяла бокал, осушила его и потянулась к нему за сигаретой. Затянувшись, Мари вернула ее обратно. Затем выдохнула и снова повернулась к костру.

— Эта девочка рисковала жизнью ради своей страны. И сейчас ее жизнь стала кошмаром. Разумеется, она заслуживает лучшего от своей страны.

Мари вновь повернулась к мужу.

— Но на этот раз ты дашь мне обещание. Ты пообещаешь мне вернуться домой живым, без этого ты не получишь моего благословения.

Гил сжал губы, чтобы не засмеяться, понимая, что она застала его врасплох, и со всей серьезностью сказал:

— Я обещаю.

— Обещаешь что? — спросила она, приподнимая бровь.

— Обещаю вернуться домой живым.

— И ты не нарушишь этого обещания, — она ткнула в него пальцем. — Иначе на том свете я тебе и слова не скажу. По меньшей мере, я не буду разговаривать с вами тысячу лет, Гил Шеннон. Уяснил?

— Боже правый, — пробормотал он. — Так долго?

— Ты понял меня?

— Да, мэм, я обещаю… ты этого ждала?

Она поднялась с пола и расправила полу юбки.

— Так-то лучше. А сейчас я иду наверх принимать ванну. Ты не будешь спать, когда я выйду?

Он посмотрел на нее на нее и расплылся в улыбке.

— Скорей всего нет. Может, подаришь мне сейчас поцелуй? Это повысит твои шансы.

Она наклонилась и нежно поцеловала его в губы, а после поднялась наверх.

4
Афганистан

Провинция Нуристан [22] *, деревня Вайгал*

.

Следующим утром Сандра проснулась от ожесточенного спора двух мужчин. Она не поняла ни слова, но было ясно: с ней хотят что-то сделать. Ее отвязали, но сейчас это уже не имело значения. О побеге нечего и думать: нога воспалилась, да у Сандры и не было обуви и даже носков. Кормили плохо — какой-то странной, незнакомой едой, похожей на жесткое рагу из козлятины. Но больше всего пленницу беспокоила неприятная на вкус вода. Она знала, что долго не протянет, если заразится желудочно-кишечной инфекцией, но другого выбора не было. Чтобы выжить, нужна вода, иначе можно умереть от жажды.

Она размышляла, сообщили ли мужу о ее исчезновении. Скорее всего, нет: семья — это только Джон. А Джон работал пилотом на Филиппинах — летал на грузовых самолетах ВВС США. Ему, как человеку военному, о ее похищении сообщат не сразу. Иными словами, его поставят в известность, только когда правительство что-то сделает ради ее спасения. Сандра не была дурой. Она знала, что привлекательна и что Госдеп попытается прорваться к ней без шумихи, и, скорее всего, план по ее спасению держится в секрете. Она лишь пешка в кровопролитной шахматной партии, а шансов у нее немного — отчасти потому что не было влиятельной семьи, способной оказать давление. Также она хорошо понимала, что в Гиндукуше у хорошей вьючной лошади прав больше, чем у мусульманской женщины. Ко всему прочему, Сандра была еще и католичкой, а это все равно, что быть здесь еврейкой.

В глубине души она лелеяла надежду на спасение и считала, что ее должны вызволить из плена те самые мужчины, с которыми она работала, те самые спецназовцы, которые даже в суровых условиях не бросают своих, которые готовы, не считая времени и сил, определить, где ее спрятали, и освободить, пока не стало слишком поздно.

Внезапно дверь сорвало с петель, она рухнула. В комнату ступил незнакомый бородатый мужчина в паколе[23] — традиционном мужском головном уборе афганцев. С агрессивным и решительным видом он приблизился к ее постели и протянул руку к подолу ее одеяния. Полагая, что он хочет осмотреть рану на бедре, Сандра не сопротивлялась, но он задрал подол до

талии. Другой мужчина, который вошел следом за первым, прижал ее плечи к кровати.

Лягаясь, она с криком вцепилась в глаз бородатого мужчины, стараясь засунуть большой палец поглубже в глазницу, но второй ударил по ее горлу так сильно, что у нее временно перебило дыхание. Первый, схватившись за глаз, выбежал из комнаты. И тут же с улюлюканьем зашли еще мужчины. Связав ее, они сняли с нее одежду. Сандра лежала абсолютно голая и судорожно глотала воздух.

Мужчины смеялись и тыкали в нее пальцами. Закрыв глаза, Сандра решила не кричать, зная, что это только их раздразнит.

Один лишь мужчина с бородой не смеялся. Растолкав остальных, он протиснулся вперед и теперь стоял и с ненавистью смотрел на нее. Его правый глаз был окровавлен. Он что-то выкрикнул в соседнюю комнату, и вошел человек с камерой, который попросил всех выйти. Затем бородатый скинул штаны и лег рядом с ней, ругаясь на незнакомом языке. И тогда она начала кричать.

Десять минут спустя тот же бородатый мужчина, которого звали Наимом, сидел в соседней комнате на столе, стараясь не дергать головой, пока молодая женщина с обрубленным носом осматривала его глаз.

— Тебе повезло, — тихо сказала она. — Задело бы сетчатку, и ты бы ослеп.

Наим оттолкнул ее.

— Не надо говорить, что мне повезло, Бадира. Скажи лучше, что делать, чтобы все прошло.

— Нужно закапать в глаза лекарство, — пояснила она, — но у нас его нет. Я могу разве что наложить повязку, пусть заживает.

— Хорошо. Закрой лицо, — сказал он раздраженно и слез со стола.

Она отстранилась от него, покорно натягивая края хиджаба на искалеченный нос. Открытыми остались только глаза. Так как она была медсестрой, притом вдовствующей, ей разрешалось не закрывать лицо чадрой или паранджой. Именно муж сразу после свадьбы отрезал ей часть носа за то, что она отказалась надевать паранджу. К счастью, несколько лет назад его убили ударом с воздуха невдалеке от пакистанской границы. Их брак был устроен родителями, как, впрочем, и три четверти всех афганских браков.

В комнату вошел старик, и талибы сердито зашумели, но Наим их успокоил.

— Не обращай внимания, старейшина. Мы закончили.

Старика звали Сабил Нуристани. Он был законным главой

деревни.

— Сейчас ты должен ее отсюда забрать, — настаивал на своем Нуристани. — Не то придут их люди и убьют нас.

— Нет! — резко выпалил Наим. — Мы покажем им видео, и они заплатят, чтобы ее выкупить. Раньше всегда платили.

— Подумай лучше головой, — проронил Сабил, продвигаясь в глубь комнаты. — Кохистани не давал своего согласия требовать выкуп. Он сказал только, что мы…

— Аасиф Кохистани мне не указ! — закричал Наим. — «Хезб-е-Ислами» здесь не командуют. Я здесь командир! Мы, талибы, — мы здесь главные! Это *мы* захватили в плен эту женщину, мы ею и распорядимся.

— Ты глуп, если рискуешь перейти дорогу Кохистани. У него есть власть.

Наим напустился на старейшину.

— Что «Хезб-е-ислами» сделали для деревни? Ничего! У Кохистани даже не нашлось людей для засады. Как думаешь, почему он послал в засаду нас, а не своих людей? А?

Сабил тревожно покачал головой.

— Очень жаль. Даже сейчас ты не понимаешь, что Кохистани тебя просто использовал. Вы, талибы, для них просто мусор.

— Закрой свой рот. Убирайся!

Нуристани вышел, и Наим захлопнул за ним дверь. Повернувшись к остальным, он сказал:

— Ему повезло, что я его не побил. Джафар, ты сделаешь пять копий этого видео. Две из них завтра передашь нашим людям в Кабуле. Я напишу для них инструкции. Скоро американцы заплатят за свою грязную женщину, и у нас снова будут деньги. Купим оружия и медикаментов. Вот увидите. А сейчас вы все начинайте работать.

Комната вновь опустела. Остались только Наим и Бадира.

— Как долго она протянет? — поинтересовался Наим.

Бадира пожала плечами.

— Если нога заражена, совсем немного.

— Неделю протянет?

— Если нога заражена, то нет.

— Так ее нога заражена или нет? — взорвался, негодуя, Наим.

— Возможно. Ей же антибиотиков не давали.

— Тогда я пошлю за ними, — сказал он. — Она на твоем попечении. Поняла?

— Да.

— Хорошо.

Затем, мучаясь от боли, он вышел из здания. Бадира тем

временем взяла медицинскую сумку и отправилась к Сандре, которая все еще лежала на кровати и плакала от стыда и отвращения.

Сандра слышала весь спор и понимала, что они решали, убить ее или нет. Получается, еще не убили, если она почувствовала, как Бадира аккуратно присела на краешек кровати и протерла перекисью водорода ее гноившуюся рану. От прикосновений Сандра открыла глаза.

Она захотела поговорить, но слова застряли в глотке.

— Я кое-что тебе дам, чтобы ты заснула, — проговорила Бадира с легким британским акцентом. — Тебе надо быть сильной. Твоя нога заражена.

— Пожалуйста, развяжи меня, — прохрипела Сандра.

Бадира отрицательно покачала головой.

— Мне нельзя тебя развязать, но ты не волнуйся. Ты будешь спать.

— Я не хочу спать, — взмолилась Сандра. — Я должна выбраться отсюда!

Бадира рассердилась.

— Послушай меня. Твое правительство за тебя заплатит, и после тебя выпустят. Ты должна потерпеть.

Сандра мотнула головой от безысходности.

— Нет, ты не понимаешь! Мое правительство не заплатит — особенно за солдат. Их оставляют здесь умирать.

— Я не собираюсь с тобой спорить, — повелительно отрезала Бадира. — Ты глотнешь несколько таблеток и уснешь. Проспишь ты столько, сколько тебе потребуется, я за этим прослежу. Пока тебя оставили в покое. Через неделю твоя страна заплатит, и тебя выпустят.

Не разглядев в глазах Бадиры сострадания, Сандра разозлилась (а злость охватила ее сильнее, чем страх) и перестала упрашивать.

— Что будете делать с зараженной ногой?

— Наим обещал принести антибиотиков.

Сандра заметила, что медсестра собирается наложить на рану повязку.

— Где ты выучила английский?

— В Пакистане, — ответила она. — Пока Талибан не захватили власть, я училась в медицинском колледже в Исламабаде. Тогда отец приказал мне бросить учебу и вернуться.

Бадира умолчала, что ее заставили вернуться, чтобы выдать замуж за сына местного лидера, которому ее отец был вынужден отдать долг. Этот лидер поддерживал талибов. А талибы со всеми должниками обращались жестоко.

— Можно мне что-нибудь еще надеть? — спросила Сандра.

— Я накрою тебя покрывалом.

— И я хочу еще в… — голос Сандры неожиданно задрожал. — Мне нужно очистить организм.

Бадира поняла.

— Я все еще не могу тебя отвязать. Но я за тобой уберу.

Сандра прикрыла глаза, запрещая себе плакать.

— Спасибо.

— Ты не должна забывать, где находишься, — предупредила ее Бадира, копаясь в своей аптечке в поисках таблеток. — Ты сейчас не в Нью-Йорке. Ты в Афганистане, и если хочешь выжить, то ты не должна проявлять слабости. Ты должна быть сильной. Иначе ты умрешь.

Выдержав паузу, она посмотрела на Сандру.

— Понимаешь, о чем я?

Американка кивнула.

— Как тебя зовут? — спросила Сандра.

— Бадира.

— Спасибо, Бадира. Я постараюсь.

Та продолжила искать таблетки.

— Боюсь, одного старания недостаточно, Сандра Брукс.

5
Афганистан

Военно-воздушная база в Джалалабаде

Главный старшина Халлиган Стиллард стоял, задумчиво смакуя остаток сигары Cohiba Robusto, и смотрел на медленно опускающийся трап военно-транспортного самолета «C-130E»[24]. Лицо Халлигана вытянулось, когда он увидел главстаршину Гила Шеннона, медленно сходящего с трапа с винтовкой SR-25[25] на плече. Остальная военная экипировка Гила, в том числе и снайперские винтовки.338 Lapua Macmillan и.308 Remington Modular, находилась в восьми ящиках, которые еще не успели разгрузить с самолета. 7,62-мм полуавтоматическая винтовка SR-25 с прицелом ограниченной дальности вполне пригодна для патрулирования.

Гил не так часто охранял SOG, но, если во время его дежурства кто-то нападет на авиабазу, при нем должно быть высокоточное и надежное оружие, — такое, как SR-25, а не автомат M4 калибра 5,56 мм.

И дело даже было не столько в самом автомате, сколько в современных патронах. Натовские патроны 5.56 мм отличались от патронов 5.56 мм, которые использовались во второй половине Вьетнамской войны. Патроны НАТО разрабатывались специально под новый бронежилет русских, чтобы пуля, пробивая защиту, наносила наибольшие повреждения. Однако боевики Талибан и Аль-Каиды не носили никакой защиты, поэтому в их телах пули «М-4» или наносили минимальный урон, или меняли направление и вылетали, не убив врага. Возможно, противник потом и умрет от кровопотери, но до этого успеет положить порядочно народу, в том числе и тебя самого.

Гил пожал руку Стилларду.

— Ну, что я упускаю, старшина?

Они были одного звания, но Стилларду было шестьдесят пять, и он дольше служил, поэтому Гил его уважал больше других и обращался к нему всегда по званию — старшина.

Седеющий Стиллард с ледяным взглядом ни капельки не изменился: как был ростом 170 см при весе в 68 кг — так и остался. Ветеран войны в Персидском заливе, он сохранил спортивное телосложение.

— Надеюсь, ты перекусил?

— Какой тут завтрак, — сказал Гил, ощущая, как шевелятся

волосы на затылке. — Так когда мы выдвигаемся?

— Придержи коней, торопыга.

Стиллард быстро зашагал по бетонированной площадке, показывая Гилу дорогу. Над ними кружили самолеты — и винтокрылые, и с неподвижными крыльями. Взлетали и садились «Черные ястребы», стояло довольно много неповоротливых «Чинуков»[26] и несколько изношенных старых русских Ми-17[27], принадлежавших Афганской Национальной полиции. Здесь был даже матово-черный «Ирокез Хьюи»[28] с облупившимися номерами на хвосте, одиноко стоявший у ангара на дальней стороне аэропорта.

— Вот мы и пришли, — заключил Стиллард, указывая кончиком мокрой сигары на вездеход «Хамви»[29].

Они взобрались в вездеход, и Стиллард повел машину окольными путями к дальней стороне аэропорта, где перед ангаром стоял черный «Ирокез». Снаружи они приметили двух скучающих летчиков, которые лежали на спине, задрав ноги, и играли в портативную видеоигру.

В ангаре Гил сразу обратил внимание на пару охранявшихся вертолетов MH-6 Killer Eggs (усовершенствованный вариант штурмового вертолета «Кейюс»), которые стояли на тележках с колесиками. Пара вертолетов «Черный ястреб» MH-60L стояла рядом с парой MH-60K позади всех машин. Незаметные с главного входа, они тоже были под охраной.

— Я смотрю, «ночные сталкеры» в полной силе?

— Для неофициальных продолжительных встреч, — проворчал Стиллард. — Ты потом поймешь, о чем я.

Они слезли с «Хамви» и вошли в ангар, где Гил встретил с полдюжины своих товарищей из DevGru. Они чистили оружие и проверяли снаряжение. В воздухе ощущалось явное напряжение: никто не отпустил ни единой грубой шутки, не слышно было ожидаемых дружеских подтруниваний. Ему только мрачно кивнули в знак приветствия. Гил понял: что-то произошло, пока он на самолете «C-130» летел из Омана. Он не мог ясно определить причину — мешало непривычное враждебное напряжение.

Стиллард направился в оперативный штаб, расположенный в глубине ангара, где лейтенант-коммандер Перес беседовал со следователем из Службы расследования уголовных преступлений военно-морской полиции США.

Отношения с Пересом у Гила были натянутые, поэтому он быстро отдал честь и постарался максимально сосредоточиться.

— Отставить, Гил, — почти обычным тоном сказал Перес и вновь перевел внимание на следователя.

Эта недвусмысленная фраза дала Гилу понять, как все скверно. За два года его службы в разведке тощий Перес ни разу не обратился к нему по имени. Он всегда называл Гила не иначе, как «старшина Шеннон». Перес всегда искал повода для ссоры, но смельчаком он не был.

Следователь из службы расследования уголовных преступлений военно-морской полиции оказался приятелем Стилларда, знакомым Гила. Это был китаец во втором поколении по имени Рэймонд Чу. Рэймонд окончил разговор с Пересом и повернулся пожать Гилу руку.

— Жаль, что пришлось урезать твой отпуск, дружище.

— Я здесь по собственному выбору, Рэй. Я что-то пропустил?

Чу вздохнул и взглянул на часы.

— Эти ребята в курсе дела. А мне пора идти объясняться, где я проторчал все утро.

Затем он повернулся к Стилларду и Пересу.

— Извините, но для вас ценной информации нет — честно, ее нет ни у кого. Но я думаю, вам пока стоит посмотреть это.

Стиллард похлопал приятеля по спине со словами:

— Я твой должник.

— Пустяки. А сейчас мне стоит вернуть самолет на базу, пока кое-кто не заинтересовался, куда он подевался. Только запомните, если что, меня здесь не было, и я вам эту штуку не давал, о'кей?

— Будьте уверены, — заверил его Перес.

Гила это взбесило. После отпуска Гилу требовалось время, чтобы «влиться в группу», но Перес не был тем уверенным и ответственным человеком и, конечно, он был не из тех офицеров, кто стоит на дружеской ноге как с рядовым, так и с командным составом. При случае Перес не гнушался польстить начальству.

Так что же все-таки происходит?

Чу вышел из здания, и Гил выразительно посмотрел на Переса.

— Сэр?

Перес помотал головой и взглянул на Стилларда.

— Хэл, расскажешь парню, в чем дело. — Он указал на Гила кивком головы. Затем вышел из комнаты.

— Старшина, что за черт тут творится?

— Идем за мной.

Они вошли в раздевалку, где на скамейке стоял ноутбук. Стиллард жестом просил спутника присесть, а сам, кликнув по тачпаду, включил экран.

— Хочу предупредить тебя, Гил. Если тебе было тяжело смотреть на падающие башни-близнецы… то и это видео тебя

шокирует.

Стиллард собрался было выйти из помещения, но затем остановился и произнес:

— Советую тебе не менять громкости при просмотре.

Старшина закрыл дверь снаружи, и Гил, приготовившись к худшему, запустил видео.

Сначала он увидел пятерых человек, столпившихся у кровати; оператор снимал их со спины из смежной комнаты. Мужчины смеялись, толкались, стараясь занять место получше, словно боялись не успеть пожать руку лежащему на кровати человеку. Затем голос за камерой прикрикнул на мужчин, кто-то зашел справа, протискиваясь через них. Этот человек повернулся к оператору бородатым лицом, показывая свой кровавый глаз. Оператор замахал свободной рукой, призывая мужчин выйти из комнаты.

И тогда Гил разглядел голое бледное тело Сандры Брукс. Она лежала, распластавшись по кровати, крепко зажмурившись. Ее ужасная рана зияла, а соски покраснели оттого, что их беспрерывно щипали. Мужчина с бородой скинул штаны и влез к ней на кровать.

Гил хорошо разобрал слова на пушту dammay zo, что означало «шлюха», и услышал kuss di ughame, что переводилось как «трахну тебя в зад».

Спустя минуту Сандра принялась кричать, и оператор подвинул камеру таким образом, чтобы в кадр попадали половые органы. На то, как насилуют женщину, Гил смотреть не мог, он сбавил громкость почти до минимума. Все кончилось через восемь роковых минут. Все это время Сандра кричала не переставая. Гил не видел более жестокого надругательства над человеком; особенно его поразил крупный план зареванного лица Сандры, ее растоптанного человеческого достоинства. Он сел на скамейку, обхватив голову руками, и сидел так до конца видео, обуреваемый свирепой яростью.

Вскоре вернулся Стиллард. Он стоял у двери раздевалки со скрещенными руками.

Гил взглянул на него и спокойным тоном проговорил:

— Когда они прислали видео казни Дэниэла Перла, я хоть мог понять их намерения.

Он опустил крышку ноутбука и продолжил:

— Но что эти ублюдки хотят добиться вот этим… еще одной смерти хотят?

Стиллард отошел от дверцы шкафчика и, все еще не размыкая рук, стал ковырять пол носом ботинка.

— Они хотят двадцать пять миллионов долларов.

У Гила отвисла челюсть.

— И эти миллионы они хотят уже на этой неделе, — объяснил Стиллард. — Иначе они обещали снять еще одно видео для «Аль Джазира», более жестокое. Вся информация засекречена, и если ФБР пронюхает, что мы смотрели видео, Рэю крупно не поздоровится. Коллега Рэя из КСО тайно показал ему видео, и он не знает, что Рэй сделал копию.

— У нас есть предположения, где она может находиться?

— Ничего конкретного. Но я бы советовал проверить одну версию, если, конечно, ты просишь боевого задания.

Гил поднялся на ноги.

— Мы же перестреляем этих сволочей, всех до одного?

Стиллард пожал плечами в ответ.

— Штаб еще ничего не решил. Похоже, они собираются ее выкупить.

— И зачем тогда поднимать DevGru? Или они собираются использовать «Дельту»?

— По слухам, — сказал Стиллард, — Группу по особым операциям ЦРУ тоже еще официально не известили.

— И какое это, к черту, имеет значение?

— Из неофициальных источников я слышал, что в качестве посредника предложили кабинет Хамида Карзая[30].

— Кто-то должен уже убрать этого сукиного сына, — сказал Гил. — Он уже почти год заигрывает с этой мразью из «Хезби». Поэтому-то нас и турнули из северных провинций.

Стиллард вынул сигару изо рта.

— Он владеет страной, Гил. И если он не будет сотрудничать с местными полевыми командирами, то как только мы выведем войска, его сразу пришьют. И ты это знаешь.

— Этот ублюдок точно знает, где она.

— А я сомневаюсь.

— Да ладно? Тогда какого черта он согласился передать выкуп?

Стиллард выставил ногу на скамейку, опустив на колено локоть.

— Я понимаю, почему ты злишься, Гиллиган. Но даже если ты и прав, ничего не поделаешь. Как ни крути, а мы все-таки пешки.

От злости Гил пнул пустую консервную банку.

— А что «ночные сталкеры»? Они видели запись?

Стиллард скорчил гримасу.

— Здесь, в ангаре, спрятана пара вертолетов «АН-6» и четыре «МН-60». Ну, что тут думать?

— Хорошо, значит Чу должен уехать, пока его тут не

обнаружили.

— Гил, Сандра — единственная женщина-пилот «Ночных сталкеров». И ее не собираются оставлять гнить в плену. Они уже решили полететь за ней, если мы узнаем что-то ценное, — с приказом или без него. Вопрос в другом: кто пойдет с ними, если они решат действовать без приказа — DevGru или «Дельта»?

— Ну, это не вопрос. Мы уже здесь. А «Дельта» в Кандагаре.

— То есть ты не против, чтобы «Дельта» послала своего человека с ними?

По лицу Гила поплыла ироническая улыбка.

— Я так понимаю, вы уже все обсудили со своими коллегами в Кандагаре?

— Ты же знаешь этих сержантов. Они командуют парадом.

Гилу даже не пришлось думать, кого имел в виду Стиллард.

— Но если они надерут зад солдату «Дельты», мы потеряем нашу девочку.

— Вот и я об этом думаю, — выдавил Стиллард, зажав сигарету между зубами.

6
Лэнгли

Заместитель директора ЦРУ по оперативным вопросам Клетус Вебб быстрыми шагами прошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— У нас проблемы.

Джордж Шройер, директор по оперативным вопросам, оторвался от файла, который он просматривал. Его очки для чтения помещались высоко на переносице.

— Что, серьезные?

Вебб устроился на кожаном кресле перед столом и тревожно вздохнул.

— Спикер Палаты представителей в курсе ситуации с уорент-офицером Брукс.

— Что она знает? Что Брукс похитили или что сняли видео с изнасилованием?

— И то, и другое.

Шройер отбросил папку в сторону и снял очки.

— И как, ммм… такое могло произойти?

Вебб только развел руками в стороны.

— Что сказать? У этой дуры осведомителей больше, чем у чекиста. Кто-то, видать, настучал.

— Но кто? — не унимался Шройер. — Из нашей конторы или из их?

— Джордж, ну откуда я знаю? Конечно, она не раскроет свой источник.

Шройер поднялся и прошел через весь кабинет к бару в виде большого глобуса. Он приподнял верхушку, вытянул бутылку виски и плеснул себе «на два пальца».

— И чего же она хочет?

— Она хочет, чтобы мы заплатили.

— Ага, после того, как потратили все утро, чтобы отговорить президента и не платить.

— Только не злись, Джордж… Но она знает, что кабинет Карзая согласился выступить посредником.

— Да какого черта? Как? — Шройер пришел в ярость. — Эта информация поступила к нам час назад!

Его лицо стало багровым. Джордж и так ненавидел спикера, а сейчас был просто в бешенстве от ее осведомленности, да еще и такой оперативной.

— Кто бы это ни был, он — мелкая сошка. В этом мы уверены.

— Черт, кого-то надо отдать под суд. И начать предлагаю с нее.

— Она, конечно, немного перегибает, когда заявляет, что расскажет СМИ, — заверил его Вебб. — Правда, если представить все так, будто президент не справляется со своими обязанностями, можно здорово поднять свой рейтинг.

Шройер хлопнул порядочно виски и поставил стакан на стол.

— Она знает, что мы впервые платим за солдата такую сумму? И впредь нам придется так же щедро платить за каждого американского солдата — от Афганистана до Кореи?

— Я пытался ей объяснить то же самое, но она не купилась. Пронюхала, что раньше мы платили, и угрожала, что обнародует это. Только не спрашивай меня, как она собирается это сделать.

— Но мы никогда не платили столько, сколько сейчас запросили эти ублюдки.

Шройер замолк, ломая голову над этой проблемой.

— Хорошо. Скажи ей… скажи ей, что мы направим спецназ для выяснения обстановки…

Вебб помотал головой.

— Не выйдет. Она знает, что точное местонахождение заложницы неизвестно.

Шройер сдержал ругательство, едва не слетевшее с губ, и, не без усилий взяв себя в руки, тихо спросил:

— Она смотрела видео, Клетус?

Вебб уже продумал ответ.

— Она говорит, что ей описали, что происходило на видео… но я лично не слишком этому верю. Она не в меру шустра. Наверняка не удержалась и посмотрела все сама.

— Ну все, хватит! — Шройер снова прошел к креслу и занял свое место. — Назначь встречу с Майком Фереллом из АНБ[31] (Управление национальной безопасности). А лучше поезжай туда сам. Он любит, чтобы мы сами к нему приезжали. Попроси его выяснить, кто сливает информацию. Надо достать стукача, даже если придется его вытягивать из глубокого подземелья на дне Каспийского моря.

Вебб скрестил ноги, а запястья опустил на подлокотники кресла.

— Не думаю, что нужно сейчас связываться с АНБ. Я против. Что называется, не говори «а», и тебя не попросят сказать «б». К тому же, я только что разговаривал с Бобом Поупом из SAD[32]. И, по его словам, историю с изнасилованием знают все спецподразделения: от DevGru до «Дельты». Поэтому можно предположить, что накапать мог любой.

— В том числе и чокнутый профессор Поуп, — пробормотал

Шройер. — О'кей. Забудем про АНБ.

Вебб с облегчением выдохнул.

— Кто бы ни слил информацию, смысл предельно ясен. Группы специального назначения хотят освободить Сандру Брукс — прямо сейчас.

Шройер потер пальцами переносицу.

— Если мы заплатим, то это будет шантаж века.

— Да, будет. Но тут ничего не поделаешь, а время идет. Ты видел, в каком она состоянии. Ранили и к тому же изнасиловали.

Шройер озабоченно рылся в ежедневнике.

— А что делать с ФБР? Генерал Кутюр сказал, что на месте захвата заложницы найдены тела талибов. Мы должны получить анализ ДНК и по нему определить, из каких деревень происходили убийцы. Президент не сможет отдать военный приказ, пока не узнает, кто убил наших — Талибан или эти, из «Хезб-е-ислами Кали».

Вебб вытянулся в кресле.

— Оттого что мы сокращаем войска в регионе, люди из ФБР больше не могут проводить в Джалалабаде анализ микрожидкостей. И даже если им удастся взять ДНК, сравнительные таблицы, необходимые для результата, находятся сейчас в Кабуле. Короче говоря, пройдет несколько дней, прежде чем появится хоть какая-то информация. Но даже если она появится, то где гарантия, что следы приведут в какую-то отдаленную деревню? И что именно там будет Сандра Брукс?

Шройер нахмурился.

— Президент вряд ли готов услышать нечто подобное. По-моему, он думает, что все как в CSI[33].

— Не хочу этого говорить, — продолжил Вебб, — но лучше заплатить, пока это страшное видео не попало в «Аль Джазира». Когда оно окажется там, президент уже не сможет столько времени проводить перед телевизором.

— Ой, как будто я об этом не подумал, — откликнулся Шройер, откидываясь на спинку кожаного кресла и постукивая кончиком незаточенного карандаша о край стола из красного дерева.

— А не выйдет ли так, что видео заставит американский народ сражаться? Мы же проигрываем в Афганистане. А видео возродит волю к победе. Ну, или ускорит этот процесс.

Вебб не был так в этом уверен.

— Можно и такое, конечно, предположить, но…

— Но президент так не думает, и потому все бессмысленно, — закончил Шройер мысль Вебба. — Я как раз направляюсь туда после обеда. Расскажу, что информаторы

спикера представляют угрозу. Посмотрим, как президент отреагирует. Правда, в свете последних событий уверен, он будет стоять за выкуп. Хотя, Боже, есть ли у него выбор! Вообрази себе реакцию общественности, если это видео попадет в Интернет. СМИ просто поставят на президенте крест.

Вебб согласился, что такое и вправду может случиться.

— С другой стороны, — продолжал Шройер, — президент дал добро на операцию «Коготь тигра». И он собирается начать эту операцию немедленно. Турецкое правительство предоставляет экипаж и самолеты, а агент Лерер с командой — снаряжение для операции.

— Приятно слышать, — ответил Вебб. — Необычно и смело. Иранцы никогда их не увидят. Кто участвует с нашей стороны? «Дельта»?

Шройер отрицательно мотнул головой.

— Комитет начальников штабов хочет поручить это ВМС. Скорее всего, это будет секретная спецоперация, рассчитанная на одиночку из DevGru.

— Секретная спецоперация? Разве это необходимо?

— Ну, мы же не можем позволить Ирану обвинить нас в развязывании войны, если что-то пойдет не по плану, или можем?

— Конечно, нет. Но, мне кажется, лучший вариант — снять всякую ответственность с наших оперативников.

Шройер перекладывал стопку бумаг с одного края на другой.

— Но они же — элитные войска. Вот пусть это и докажут. К тому же они и сами этого хотят.

Эта фраза Веббу не понравилась.

— Я не совсем уверен, что они этого хотят по своей воле, Джордж. Хотя я понимаю, почему некоторым в Вашингтоне удобно представить все в таком свете.

Шройер пристально посмотрел через стол на заместителя директора.

— Клетус, меня порой мучает вопрос: понимаешь ли ты, для чего вообще нужна армия?

7
Афганистан

Военно-воздушная база в Джалалабаде

Пресс-секретарь заметно нервничал. Гил видел, как на британском вертолете прилетел мужчина лет пятидесяти, одетый в штатское, с кожаной сумкой для ноутбука. Сейчас он сидел на складном железном стуле и, беспрерывно проверяя свой iPhone, вносил какие-то заметки и избегал с кем-либо встречаться глазами.

Гил поначалу искренне считал, что эксперт действительно принадлежит к войскам специального назначения Великобритании. Но, когда ему приказали внезапно и срочно явиться на встречу в маленькое здание в аэропорту, он понял: обстоятельства изменились.

Гил надеялся, что DevGru получили информацию о том, где находится Сандра Брукс, но на совещании, предполагал он, речь пойдет о другом.

Он присел на стул в центре комнаты.

— И где все? — спросил Гил.

Британец наконец-то оторвался от iPhone.

— Должно быть, сейчас придут, — дружелюбно отозвался он.

Разговор продолжился в том же духе.

— Это же не связано с уорент-офицером Брукс? Не так ли?

Британца вопрос явно поставил в тупик.

— К сожалению, это имя мне не знакомо, — смущенно проговорил он.

Гилу этого было достаточно. Он откинулся на спинку стула, чувствуя, как заработали надпочечники и волна напряжения подступила к животу, оживляя его бойцовское тело.

Он разглядывал мужчину, пока, наконец, его подозрения насчет докладчика не подкрепились еще одной мелочью: его колено подрагивало. Гил просек, что британца выбрали для спецоперации, никак не связанной с Сандрой, и этот докладчик — вероятно, агент MI6 (Секретная разведывательная служба Великобритании), — чертовски сейчас нервничает.

Отворилась дверь. Трое мужчин из ЦРУ прошли по очереди в комнату, все в добротных, дорогих костюмах и неярких галстуках. Гил мгновенно узнал главного из вошедшей тройки: это был агент Лерер, с которым Гилу довелось как-то работать в Индонезии.

Лерер работал на JSOC (Объединенное командование специальных операций США). Хладнокровный профессионал, он с легкостью жонглировал человеческими жизнями.

Гил поднялся, когда агент подошел к нему и протянул руку.

— Гил, — сказал Лерер, держась решительно и отстраненно. — Рад снова видеть тебя.

Лерер опустил на стол портфель и затем молча наблюдал, как два других агента устанавливали проектор на столе в конце комнаты.

Гил переставил стул поближе к экрану и мысленно вернулся к ситуации с Сандрой. Из-за нового задания Сандра отходит на второй план.

— Тушите свет, — скомандовал Лерер.

Свет погас, и на стене возникло фото тридцатипятилетнего мужчины восточной внешности с острыми чертами лица. Его борода была аккуратно подстрижена. Белая куфи[34] покрывала его коротко стриженные черные волосы. На плече висел потрепанный автомат Калашникова калибра 5,56 мм со складывающимся прикладом.

— Итак, — начал Лерер, прислоняясь к краю стола. — Операция под названием «Коготь Тигра». Ваша цель — мужчина на фотографии. Это Юсеф Асвад Аль-Назари. Он из Саудовской Аравии, суннит, тридцати пяти лет, родственников нет. Изучал физику в университете Штутгарта. Действовал у нас прямо под носом, пока в прошлом месяце Моссад (разведслужба Израиля) не проинформировал нас, что Аль-Назари за последние два года устроил три взрыва в Тель-Авиве и шесть — в Афганистане… где погибло по меньшей мере сто двадцать человек.

Взглянув на британца во время паузы, Гил осознал, что перед ним вовсе не британец, а агент Моссада, обучавшийся в Лондоне. А на британском вертолете он прилетел по той причине, что никто не должен догадаться, что агент израильской разведки разгуливает по американской базе, находящейся в мусульманской стране.

Лерер тем временем продолжал:

— По последним разведданным, сейчас мистер Аль-Назари работает над созданием радиологического оружия[35] неизвестной мощности. Оружие предназначено для Израиля. Следующий кадр.

На следующем снимке появилась женщина с длинными черными волосами.

— А это ваша вторая цель. Нушин Шеркат. Иранка. Следующий…

— Подождите. — Гил выпрямился на стуле, пристально

вглядываясь в лицо женщины с агрессивным взглядом черных глаз. На вид ей было не больше тридцати. Еще ни разу Гилу не приказывали убивать женщину.

— А с ней что? — спросил он.

Лерер ответил уклончиво:

— В будущем она свяжет свою жизнь с Аль-Назари.

Гил заметил, как осторожно Лерер переглянулся с агентом Моссада, прежде чем сказать «следующий кадр».

Сквозила в агенте Лерере некая таинственность, которой Гил не разглядел, когда впервые с ним сотрудничал. Чутье подсказывало: впереди ждут еще сюрпризы.

На стене появилась спутниковая фотография с наложенной картой. Лерер вытащил из нагрудного кармана лазерную указку.

— Ты убьешь его здесь, примерно в пятнадцати километрах южнее города Заболь. Это на севере провинции Систан-Белуджистан.

Гил смотрел на карту и ощущал, как закипает от адреналина кровь.

Он подался вперед, чтобы внимательней рассмотреть карту. Выбранная территория пролегала в сорока километрах от афгано-иранской границы и не дальше, чем в трехстах двадцати километрах от того места, где в апреле 1980-го провалилась спасательная операция «Орлиный коготь»[36] по освобождению заложников, в результате которой погибли восемь военнослужащих ВМС и ВВС.

После внушительной паузы, достаточной, чтобы все переварили информацию, Лерер продолжил:

— Аль Назари не догадывается, что ему что-то угрожает. Не догадывается, что его телефонные разговоры прослушиваются. Он даже не может изменить свой график. Но нельзя сказать, что он беспечно относится к своей безопасности — скорее, таким уверенным его сделала близость иранской границы.

Гил изучал местность: бесплодная скудная земля, местами пустынная. В темноте он повернулся к Лереру:

— Он действует на территории Ирана с разрешения Ахмединежада[37] или без него?

Казалось, Лерер на мгновение замешкался.

— Как вы понимаете, в правительстве Ирана правая рука не всегда ведает, что делает левая. У нас сложилось впечатление, что президент Ирана был не в курсе этого. Однако мы можем смело предположить, что есть некто влиятельный… кто оказывает Аль-Назари необходимую поддержку, материальную и техническую. Сейчас важно уничтожить этого человека, пока он

не создал радиоактивную бомбу и не передал изобретение другим. Большая часть работы по созданию бомбы засекречена, но мы не знаем, надолго ли.

— Гил, мы прижали этого парня к стенке в более-менее конкретном пустынном месте, недалеко от границы с Ираном. Три недели мы следили за ним с помощью дрона. Мы знаем его распорядок дня. Также нам известно, что он перемещается с небольшой охраной. Пришло время действовать.

— Нечего и говорить, что сам я добраться не смогу. Надеюсь, вы уже приготовили для меня транспорт на афганской границе?

Лерер с агентом Моссада переглянулись — на этот раз слишком явно.

— Нет, это слишком опасно. Вас могут обнаружить. Аль-Назари сразу исчезнет, если заметит на своей территории чьи-то следы. Поэтому ты сядешь в турецкий коммерческий самолет, на регулярный рейс из Кабула в Тегеран. И на большой высоте прыгнешь с парашютом. Следующий кадр.

На стене снова развернулась карта, где красным цветом был выделен маршрут Кабул — Тегеран. Точка, где Гил должен выпрыгнуть с самолета на территории Ирана, обозначалась зеленым крестиком.

— Мы сотрудничаем с Турцией?

— Да, — ответил Лерер. — Дерзкое задание, Гил, но не сомневайся. У нас все получится.

— С какого самолета я буду прыгать?

— «Боинг 727». Он на площадке. Наши люди как раз исследуют его, устанавливают необходимое оборудование. Самолет в хорошем состоянии. Ты прыгнешь во время новолуния с десятикилометровой высоты. Используй GPS-навигатор, чтобы приблизиться к максимально точной зоне поражения противника. Так как пилот самолета не может отклониться от курса, тебе придется пролететь под куполом около сорока восьми километров. Это секретная операция, поэтому ты не можешь взять с собой свое оружие. Тебе выдадут винтовку Драгунова.

Гил еще раз поглядел на карту и убедился, что прыгать действительно придется в глубь Ирана.

— А как мне оттуда выбраться?

— После того как вы убьете Аль-Назари, вам лучше залечь на дно и дождаться темноты, — сказал Лерер. — С наступлением сумерек вы отправитесь на юг к точке эвакуации. Там, у иранской границы, вас подберут «ночные сталкеры». Мы рассчитываем, что вы не встретитесь с иранскими войсками. Провинция пустынна и безлюдна, охранять ее нечего. Несмотря на это, там много торговцев героином, которые тайком снуют туда-сюда через

границу круглые сутки. Именно поэтому мы считаем, что нужно убить Аль-Назари на территории Ирана, чтобы подозрение не падало на США. Позвольте продемонстрировать.

Он обернулся назад, лицом к проектору, и просил дать следующее фото.

Теперь на стене показалась карта провинции Систан-Белуджистан с множеством точек различных цветов.

— Систан-Белуджистан — мировой очаг распространения героина. Восемьдесят пять процентов героина поставляется именно отсюда. Каждая красная точка на карте обозначает убийство. Каждая синяя — взрыв. И наконец, желтые точки — это похищения людей. Все данные с 2008 года. Как видите, в регионе не прекращается гражданская война, и это тщательно охраняемый секрет на Ближнем Востоке. Поэтому у Ирана нет оснований подозревать иностранное государство.

— Гил, разреши мне кое-что прояснить… Каждый шаг спланирован настолько тщательно, что иранцы даже не узнают, что мы побывали на их территории. Если операция пройдет гладко, то и в будущем мы сможем проводить тайные операции внутри Ирана. А насколько это ценно, я думаю, нет нужды объяснять.

— А средства связи тоже русские, как и винтовка? — спросил Гил, пропуская мимо ушей предостережения докладчика. Если цель будет достигнута и враг будет убит, то Гил окажется предоставлен сам себе, и уж тогда-то он сделает все, чтобы спасти свою задницу.

Лерер покачал головой.

— Ваше радио и GPS будут китайскими. Специалисты Группы по особым операциям, которые готовят вас к операции, уточнят детали.

Он остановился и вопросительно взглянул на агента Моссада: добавит ли тот что-нибудь? Тот в ответ покачал головой.

— Тогда, — сказал Лерер, — пора заканчивать. Есть вопросы или пора звать подготовительную команду?

— Есть один, — отозвался Гил. — Когда я отбываю?

— Вы летите грузовым самолетом ВВС США прямо в Кабул, — Лерер посмотрел на часы, — через одиннадцать часов сорок минут. Там вы пересядете на «Боинг-727» до Ирана. Удачи.

8
Афганистан

Провинция Нуристан, деревня Вайгал

Бадира обедала, когда глава деревни Сабил Нуристани вошел в дом в поисках Наима.

— Не знаю, где он, — ответила Бадира. — Я с утра его не видела. Наверное, уехал в Кабул.

Сабил оглядел комнату, где лежала переодетая в грязное платье Сандра, привязанная к кровати за больную лодыжку.

— Как долго она проживет?

— Все зависит от обстоятельств, — устала отвечать на больной вопрос Бадира.

— От чего зависит?

— От того, как много насилия ей придется еще вытерпеть.

Старик стоял задумавшись, глубоко всем этим обеспокоенный.

Он не был ни талибом, ни пуштуном. Старик был из калашей[38], а калаши, в отличие от Наима и его дикой банды фанатиков-ваххабитов, далеки от ультраконсервативного ислама. Предки Сабила по линии Нуристани жили в Гиндукуше веками, даже провинция названа в их честь. У калашей были свои собственные обряды, традиции, и их глубоко возмущали боевики из Талибана и ХИК.

Лейтенанта-выскочку Наима, пуштуна с юга провинции, направили укрепить позиции талибов, когда начала набирать мощь группировка Хезби. Наим выбрал деревню Вайгал не только оттого, что она была спрятана в горах, но еще и потому, что большинство местных мужчин среднего возраста погибло в локальных конфликтах из-за земли. Жителей никто не защищал, и они с легкостью подчинялись. Подростки росли без отцов, которые передали бы им законы племени, — никто их ничему не учил и не держал в узде. Их нетрудно было впечатлить рассказами о джихаде, которыми кормил их Наим. Сабил подозревал, что многие из рассказов Наима были выдумкой, но подростки клевали на его обещания о загробной жизни, в которой павшим за веру праведникам будут принадлежать все женщины.

— Я написал Аасифу Кохистани, — признался Сабил после раздумий. — Он бы все равно узнал, что Наим требует выкуп за жен …

— Но он же Хезби[39]! — оборвала его Бадира, которая

боялась ХИК больше, чем Талибан. — Ты не должен был так поступать. Наим убьет тебя.

— Дело сделано. Женщина представляет опасность для всех нас. Эту деревню трудно найти, но, когда придут американцы, они не будут различать, где талибы, а где мы. Они просто сбросят бомбы, и мы все умрем.

Убежденный в том, что их ждет неминуемая смерть, он стал грызть ногти.

— Лучше бы ты подождал, — сожалела Бадира. — Видео с требованием выкупа уже отправили в Кабул.

Сабил махнул рукой.

— Они все равно не заплатят. Наим запросил слишком много. Они же не сумасшедшие! Эти ваххабитские идеи просто поглотили его мозг. Я даже слышал у костра, как он говорил мальчикам, что встретил однажды Великого Усаму. Представляешь? Да Бен Ладен даже не взглянул бы на такого дурака.

— Бен Ладен и сам был дураком, — устало протянула Бадира. — От его джихада одни проблемы.

Она посмотрела на кровать, где спала неспокойным сном Сандра.

— Ты же понимаешь, что Аасиф Кохистани не сделает ничего ни для деревни, ни для тебя лично. Он сможет прийти и отогнать американцев, но защитить тебя от Наима не сможет.

— Пусть уберет ее отсюда, — ответил Сабил, — тогда я выполню свой долг перед деревней. Наим уже не жилец. Такие фанатики долго не живут.

Немного погодя он ушел. Бадира прошла в комнату Сандры и разбудила ее.

— Тебе надо принять лекарство и выпить воды. Не то будет обезвоживание.

Антибиотики защищали организм от заражения, но рана все еще воспалялась и болела.

— Ты уверена, что у тебя нет ничего сильнее аспирина? — спросила Сандра. — Больно… ужасно больно. Я не могу больше терпеть.

Сандра пала духом.

Бадира села рядом и, взглянув на нее, сказала:

— Я могу дать тебе опиум. Только это.

— Героин?

— Нет, опиум — из мака.

— Хорошо, дай хоть что-нибудь, — согласилась с хныканьем Сандра.

Бадира вышла за дверь и наказала малолетнему охраннику

сходить и попросить у взрослых опий и трубку.

Мальчик поднялся, АК-47 неуклюже болтался на его плече.

— Для тебя? — недоверчиво спросил он.

— Нет. Для американки. Живей. Ее мучают боли.

Мальчик скептически на нее посмотрел.

— Взрослые не дадут опий.

— Скажи им, Наим приказал. Давай, иди!

Мальчик злобно взглянул на нее, затем повернулся и зашагал.

Он вернулся через двадцать минут с маленькой, вручную сделанной деревянной коробкой. Он отнес ее в комнату, где Бадира обрабатывала рану Сандры.

— Хорошо, — сказала она. — Пожалуйста, поставь на стол.

Мальчик поставил коробку на стол, а после стал презрительно оглядывать Сандру.

— Я думал, они не курят опиум.

Сандра отвела взгляд в сторону.

— У нее сильные боли, — пояснила Бадира. — А теперь иди, возвращайся на улицу.

— Для их болей несут опиум, а для нас? Она притворщица, так сказал Наим.

Он потянул ее свободное платье за горловину в надежде взглянуть на ее грудь. Сандра отдернула платье и ударила его по руке.

Он сильно, но неумело хлестнул ее по щеке со словами:

— Не прикасайся ко мне, неверная шлюха!

Бадира спрыгнула со стула и подтолкнула мальчика к двери.

— На улицу! Пока нет Наима, она под моим присмотром. Давай, иди!

— Что она возомнила! — вопил мальчик, вскидывая руки к небу. — Я — солдат. Она — наш раб. Она должна делать, что мы ей прикажем!

— А теперь делай, что я сказала! — раздраженно зашипела Бадира, приподнимая платок и обнажая изуродованный нос. — Давай, убирайся отсюда!

Испугавшись ее лица, мальчик отшатнулся от нее, хотя до этого лицо Бадиры с роскошными карими глазами, выглядывавшими из-под бордового хиджаба, ему казалось вполне симпатичным.

— Я скажу Наиму! — прокричал он через плечо, убегая из комнаты.

— Не сомневаюсь! — сказала она ему вдогонку. — Скажи ему, что убежал от женщины. Вот настали времена!

Она задернула занавеску в дверном проеме и прошла к столу,

где лежала коробочка с опиумом.

— Что он сказал? — поинтересовалась Сандра. Стычка с мальчиком помогла ей ненадолго отвлечься от боли.

— Они молодые и глупые, — ответила Бадира. Она взяла небольшой кусочек сушеного макового сока, маленькую трубку и крохотный огарок свечи из коробки.

— Я должна покурить? — спросила Сандра, с трудом приподнимаясь на локте.

— Это тебе не госпиталь, — напомнила ей Бадира.

Маленькая керамическая трубка размером с большой палец Сандры была сделана из обожженной белой глины. Бадира опустила кусочек опиума в чашу курительной трубки и предложила Сандре. Затем зажгла свечку и велела больной придвинуться к столу.

— Держи трубку ближе к огню. Дай огню зажечься в трубке, а потом втягивай дым.

Сандра сделала, как ей сказали — глубоко втянула в себя дым, чтобы заглушить боль в ноге. Две затяжки — и она перенеслась в другую реальность. Казалось, каждый ее мускул обмяк, а голова стала свинцовой.

Бадира подхватила ее и помогла улечься на кровать; затем укрыла ее покрывалом, в то время как та погружалась в опиумную дрему.

Бадира понимала, что Сандре грозит опиумная зависимость, но если Аасиф Кохистани придет раньше Наима и вернет пленницу американцам, зависимость от наркотика будет наименьшей опасностью, которой она здесь подверглась. Сейчас ей лучше курить траву, чтобы забыть о боли. И если Наим снова захочет изнасиловать Сандру, опиум спасет ее от воспоминаний.

9
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабада

Гил стоял в хвостовой части «Боинга-727» и смотрел вниз на маленькую лестницу высотой в сто восемьдесят сантиметров, которая спускалась к бетонной площадке. Старшина Стиллард стоял на нижней ее ступеньке и, подперев бока руками, глядел вверх на Гила с зажатой во рту сигарой.

— Сейчас я понимаю, что чувствовал Д. Б. Купер[40], — признался Гил, вспоминая историю легендарного террориста Д. Б. Купера, который угнал «Боинг-727» в ноябре 1971 и запросил за пассажиров двести тысяч долларов. После того как деньги были доставлены к самолету вместе с четырьмя парашютами, Купер приказал снова подняться в воздух и якобы лететь в Мексику. Но это была всего лишь уловка. Купер выпрыгнул с парашютом из хвостовой части пассажирского самолета (то же самое требовалось проделать и Гилу) где-то между Портлендом, штат Орегон, и Сиэтлом, штат Вашингтон, и больше его никто никогда не видел. ФБР позже настаивало, что Купер не мог выжить при таком рисковом прыжке. С тех пор никто не предпринимал подобных прыжков.

Стиллард вынул сигару изо рта и, указывая на фюзеляж над головой, сказал:

— Долг, конечно, превыше всего, но над твоей башкой три двигателя Pratt & Witney, и они расположены слишком близко. Тебя разорвет струей реактивного двигателя, если только этот драндулет не будет лететь спокойно и если пилоты не сбросят высоту при прыжке.

Гил стремительно спустился с лестницы.

— Они сбросят скорость до трехсот семидесяти километров в час, если только совсем не опрокинутся.

— Но мне это все равно не по душе.

— Но ведь тело Купера не нашли, Старшина. Я верю, что у него все-таки получилось. И я повторю его подвиг.

Более опытный спецназовец покачал головой и поправил на голове фуражку.

— ЦРУ что-то на этот раз перемудрило. А что пассажиры? Мне кажется, они должны что-то заподозрить, заметив, что давление в салоне упало.

— Специалисты Лерера уберут автоматическую подачу

пассажирам кислородных масок, — ответил Гил. — В салоне будет лишь девятнадцать человек. Перед моим прыжком пилот сбросит давление в салоне до двух десятых атмосферы, естественно, все пассажиры вырубятся. Останусь только я да стюардесса. Спрячемся в заднем отсеке с кислородными масками. Пассажиры пробудут без сознания минуту, этого достаточно, чтобы я спустился по лестнице и спрыгнул. Давление в салоне стабилизируют через три минуты. Еще через пару минут все начнут просыпаться. Они будут очень напуганы, но никто ничего не заподозрит.

Два механика ЦРУ проехали на грузовике-мастерской, который припарковали прямо под хвостом «Боинга». Затем взобрались в самолет, где у кабины пилота их дожидался сварочный аппарат. Один из них включил агрегат, в то время как второй разложил стремянку. Сварщик надел кожаные перчатки и защитные очки, влез на стремянку и сделал пару точечных сварных швов на первом из двух вращающихся металлических профилей крыла, которые по размеру были не больше ракетки от пинг-понга и располагались на фюзеляже по обеим сторонам лестничной шахты.

— И к чему эти штуки? — спросил Стиллард.

— Это называется лопатками Купера[41], — ответил державший стремянку механик. — Когда самолет летит, воздушная струя вращает лопатки, и от этого лестница запирается снаружи. Когда самолет снижается, они автоматически вращаются в обратном направлении, и открывается трап. Мы их убираем, чтобы лестницу можно было открыть во время полета.

Стиллард многозначительно взглянул на Гила.

— Век живи — век учись, — сказал он, приподнимая подбородок. — А это еще кто?

Гил повернулся и увидел, как по площадке идет крепко сложенная женщина. Она была одета в черные брюки и бордовую водолазку, на голове повязан платок. Вид у нее был суровый, ее глаза цвета черного вулканического стекла смотрели отчужденно. Ее задержал ненадолго часовой. Проверив ее документы, он разрешил пройти.

— Это шпионка МІТ[42], — пояснил Гил. — Турецкая разведка. Та стюардесса, я говорил уже.

— Господи, — пробормотал Стиллард. — Даже жалко тебя, *мальчуган*[43].

Женщина подошла, окинув взглядом Стилларда и выразительно посмотрев на Гила.

— Мы встретимся в самолете с вашего согласия, старшина Гил Шеннон?

У нее был грудной голос с сильным акцентом, но при этом ее английский был вполне понятен. Очевидно, она очень гордилась тем, что работает с DevGru в такой сложной операции.

— Да, Мелисса. Спасибо.

— Мы вылетим в Кандагар, как только подготовят самолет, — сказала она. — Как я поняла, вы присоединитесь к нам позже.

— Да, верно, — ответил он. — Мне нужно подготовить снаряжение для прыжка.

— Хорошо, — ответила она, протягивая руку. — Что ж, до встречи в Кандагаре.

Гил пожал ей руку.

— До встречи в Кандагаре, — сказал он, слегка наклонив голову, сдерживаясь от соблазна пристукнуть каблуками, но вряд ли она нашла бы этот шуточный жест забавным.

Она удалилась, а они смотрели ей вслед.

Стиллард вынул сигару изо рта и сплюнул.

— Жаль, что она не прыгает вместе с тобой. Она смогла бы взять с десяток боевиков голыми руками.

Гил прыснул.

— Давай лучше взглянем на оружие, которое выбрал для меня Лерер.

Оружие, которое предоставил Лерер, находилось в том же ангаре, где SOAR хранили свои новенькие высокотехнологичные вертолеты подальше от чужих глаз. Снаряжение находилось в алюминиевом ящике у стены, который оказался не больше кейса. Поблизости никого не было, и Гил со Стиллардом открыли висячие замки по обеим сторонам ящика.

Наверху лежал пластиковый чехол для ружья со снайперской винтовкой Драгунова с ПСО-1[44] внутри. Гил переложил чехол на верстак и открыл его. Деревянный приклад винтовки немного стерся, но сама винтовка, смазанная льняным маслом, оставалась в отличном состоянии. Гил без труда ее разобрал. Она была изготовлена в России, а не по лицензии в Китае или Иране.

— По крайней мере, производство Ижмаша, — сказал он и посмотрел на Стилларда.

— Смотрю, Лерер не мог достать винтовку с пластиковым прикладом, — пробормотал Стиллард.

— Ну, ты все об этом, — протянул Гил, зная, что Стиллард недолюбливает Лерера. — А скажи, где ты видел духа, который бродит по Ирану с новеньким СВД?

Он направил свет фонарика на цевье и осмотрел дуло

винтовки: нарезы оказались чистенькими.

— Пушка-то новая, оптика прицела прямо заводская.

— А, черт, все одно.

Стиллард огляделся, нет ли кого поблизости, затем достал из кармана спички и зажег сигару.

— Если мы попадемся, не переживай. Они поймут, кто виноват.

Гил улыбнулся.

Из ящика он вытащил старый армейский Кольт калибра 11,43-мм, принятый на вооружение еще в 1911 году, и очень ему обрадовался — хорошее все-таки оружие. Однако разочаровала возвратная пружина: она была слабее, чем должна быть. Он разобрал пистолет на части и заметил, что ударник тоже изношен, но заглянув в дуло пистолета, Гил решил, что оно новое.

— Старшина, достань-ка мой Кимбер[45] из двадцать второго ящика, — попросил Гил. — Ты же не возражаешь? Я хочу заменить пружину и ударник. Может, я еще использую гнездо боевой пружины. Что-то мне подсказывает, что поставщик Лерера получил пистолет в качестве бонуса к СВД.

Стиллард рассмеялся и поспешил к ящикам с личными вещами Гила.

— Смир-рна!!! — внезапно раздалось в ангаре.

Вздрогнув от крика, Гил и Стиллард разом повернулись, но, увидев, кто это вскрикнул, они расплылись в улыбке и закивали головами.

— Вашу ж мать, — воскликнул капитан спецназа армии США Дэниел Кроссвайт, важно вышагивая по ангару. — Я думал, от такого крика вы все попрячете голову в песок.

Гил посмотрел на него и с иронией отметил:

— Да, мы такие: безмозглые и трусливые.

— А, все равно, я рад вас видеть, — засмеялся Кроссвайт и пожал старшинам руки. Он был оперативником «Дельты». — Что, ребята, «морским котикам» понадобилась помощь?

— Хорошее настроение? Может, вместо меня прыгнешь? — непринужденно спросил Гил.

Кроссвайт закатил глаза:

— Ну нет.

Он был видным парнем: темноволосый, темноглазый, с накачанным телом и заразительной, дьявольской улыбкой.

— Я десантируюсь с этой штуки, — Гил выставил подбородок в сторону «Боинга», который выруливал на взлетно-посадочную сторону.

Кроссвайт присвистнул.

— Приятель, да эти Pratt & Whitney нарежут твою задницу на котлетки.

Гил посмотрел на Стилларда.

— Смотри-ка, неужели наш шарик боится ветерка?

Кроссвайт захохотал.

— Посмотрю я на ваш ветерок, когда твои руки и ноги полетят в разные стороны. Наверняка ты еще и в темноте прыгаешь.

— А что, есть варианты?

Внезапно Кроссвайт посерьезнел.

— Слушай, Гиллиган, тебе надо сгруппироваться и катиться. Я не шучу. Я имею в виду, что в воздушном потоке тебе нужно будет прижать руки-ноги к телу.

Гил тоже серьезно кивнул в ответ.

— Да, я так и собирался. Честно.

— Страшно, аж завидую. А как насчет тебя, старшина?

— Может, будь я помоложе, как вы, — размышлял вслух Стиллард. — Но я уже слишком стар для такой бондианы.

— У него просто на следующей неделе намечается секс, — Гил указал большим пальцем на Стилларда.

Стиллард глубоко затянулся и, выдохнув облачко дыма, проговорил:

— Ты имеешь в виду запланированный секс с твоей сестрой?

Все трое загоготали, а затем решили проверить остальную часть снаряжения.

— Возьму свой жидкостный компас. А то эта китайская штука замерзнет и сломается.

— А что делать с этим куском дерьма? — спросил Кроссвайт. Он держал в руках китайскую переносную радиостанцию. — SOG точно не прикалывается?

— К сожалению, мне придется с этим идти. — Гил нахмурился.

— Ну нет, это нам не подходит, — решительно сказал Кроссвайт. — Мой друг не лягушка, чтобы нырять в стан врага только с этой китайской безделушкой.

Он вынул мобильный телефон.

— Джо, привет, это Кроссвайт. Послушай, не в службу, а в дружбу… Да успокойся ты. Я тебя еще ни о чем не попросил. — Кроссвайт посмотрел на обоих товарищей и закатил глаза. — Да, на базе G2. Разведывательная служба, — шепотом сказал он. — Я хочу взять один прибор для своего друга-парашютиста…Ты знаешь, что за прибор…ТОТ САМЫЙ ПРИБОР! Он должен быть здесь через несколько часов, и я встречу его на площадке… Понятно? Кстати, за тобой еще остался должок за то, что ты

натворил в Далласе, или ты уже забыл?

Кроссвайт поговорил с Джо еще пару минут, потом положил трубку.

— Все о'кей, — довольно сказал он. — Теперь даже если твоя китайская погремушка сдохнет на полпути, мы все равно тебя найдем.

— Но что это? — Гил обменялся удивленным взглядом со Стиллардом.

— Карманный компьютер, с которым мы работали, — сказал Кроссвайт. — Джо потом объяснит. А сейчас скажите мне, что там происходит с Сандрой. А то я только и слышу, что о каком-то жутком видео.

10
Афганистан

Кабул, криминально-следственный отдел

Уорент-офицер Элишия Скелтон служила в управлении уголовных расследований Сухопутных войск. Двадцатисемилетняя девушка — наполовину китаянка, наполовину европейка — выглядела совсем юной, свои темные волосы она по-армейски собирала в пучок. Одетая в военную форму с нашивками КСО на рукавах, она решительно прошла по коридору и, остановившись у кабинета своего начальника, энергично постучала в дверь.

Брент Сильвервуд оторвался от компьютера, размышляя о чем-то пространном.

— Входите, Элишия.

Этот красивый подтянутый мужчина пятидесяти лет с каштановыми волосами и подернутыми сединой висками был старшим гражданским следователем КСО.

— Мистер Сильвервуд, мы получили результаты ДНК-анализа из крови погибших талибов, которые похитили Сандру Брукс.

Сильвервуд приосанился и, потягивая спину, внимательно на нее посмотрел.

— Продолжай, Элишия. И тебе не обязательно стоять в дверях.

Она вошла, протягивая ему папку желто-коричневого цвета, отметив про себя вытянувшиеся морщины на его лице и темные круги под глазами.

— Большинство образцов были однотипны и не содержали ничего интересного, — продолжала она, — но мы сделали подробный анализ одного тела. Это тело талиба-подростка, мы нашли его в ста метрах от засады.

Он отложил папку в сторону и откинулся на спинку скрипучего стула.

— И что выяснили?

Она стояла, как ей казалось, достаточно спокойно, заложив руки за спину.

— Кажется, сэр, нам улыбнулась удача.

Он приподнял бровь.

— Да? И в чем же?

— Судя по ДНК, этот подросток из народности калашей, которые живут в Гиндукуше. Генофонд у них небольшой, поэтому

генетический код нетрудно распознать. Это, конечно, прямо не приведет нас к уорент-офицеру Брукс, но мы уверены, что этот мальчик родственник жителям деревни Вайгал. Нельзя точно сказать, работал ли он там, но если да, то, вероятно, Сандру Брукс прячут где-то в долине Вайгал.

Сильвервуд подался вперед, и взял телефон.

— Отличная работа, Элишия.

— Спасибо, сэр.

Она хотела еще что-то сказать, но, когда он начал набирать номер, замялась.

— Что-то еще? — добродушно спросил он.

— Сэр… могу я…могу я спросить, как чувствует себя ваша жена?

Он скупо улыбнулся и начал заново набирать цифры на телефоне.

— Она крепится, но болезнь прогрессирует с каждым днем. Боюсь, мне скоро придется поехать домой присматривать за ней. Она решила прервать химиотерапию.

Элишия опустила глаза.

— Мне жаль, сэр.

— Мне тоже. И, спасибо, что спросила, Элишиа. Многие предпочитают притворяться, как и я — но я не виню их за это. В такой ситуации не очень-то легко что-то сказать.

Сильвервуд поднял трубку и позвонил Рэймонду Чу из службы расследования уголовных преступлений военно-морской полиции. Ожидая ответа, он листал папку.

— Агент Чу слушает.

— Рэй, это Брент. Привет. По-моему, у нас появилась зацепка, которая может привести к Сандре Брукс.

— Отлично. И какая?

— Перед тем, как я скажу тебе… ответь, пожалуйста. Ты скопировал видео, когда я выходил из комнаты?

В трубке настала тишина, немного погодя Чу сказал:

— Я думал, ты для этого и выходил. Извини, если неправильно тебя понял, Брент.

— Нет, ты все правильно понял. Я просто хотел убедиться, что ты все успел сделать. А теперь давай встретимся. Я примерно знаю, где могут держать Сандру, а главное — кто, но не хочу объяснять по телефону. Как скоро тебя ждать в Кабуле?

— Через пару часов.

— Тогда встретимся, где обычно.

— Отлично. Увидимся.

Сильвервуд положил трубку телефона, поднялся и прошел по коридору к кабинету уорент-офицера Скелтон. Она сидела за

столом в крохотном, заставленном мебелью кабинете.

— Я войду?

— Да, сэр, — ответила она, вставая и указывая на стул напротив.

Сильвервуд присел и с улыбкой посмотрел на нее.

— Почему вы всегда так напрягаетесь, когда я появляюсь?

— Сэр?

Он усмехнулся — впервые за несколько месяцев.

— В компании генералов вам было бы спокойнее, чем в моем присутствии. Что-то не так?

Она посмотрела на него, тщательно подбирая слова для ответа.

— Ну, сэр… я не знаю. Может, потому что я знаю, чего ожидать от генералов.

— Понятно. А я лечу сегодня домой, Элишиа. Вы дали мне прекрасный повод бросить вас здесь, и я собираюсь этим воспользоваться.

— Сэр?

— Я пришел сказать, что нарушаю протокол. Я отправлю эти результаты в первую очередь не правительству, а одному человеку из службы расследования уголовных преступлений военно-морской полиции. Думаю, этот человек передаст результаты в DevGru в Джалалабаде. Вы в курсе того, что происходит с движением «Хезб-е Ислами», когда мы стали выводить войска?

— Да, сэр. Хезби растут как грибы после дождя, причем оба направления, и Гульбеддин, и Кали. Поэтому наша армия охотится за Кохистани, чтобы удержать его от…

Она резко вздернула брови.

— Так, стоп! Кохистани связан с долиной Вайгал — он там родился. Но как он узнал, что мы готовимся его захватить?

— Вчера был арестован парень из ISI (межведомственная разведка Пакистана), который снабжал его информацией…но это секретные данные, поэтому не распространяйтесь.

— Бог мой, — прошептала она. — «Хезб-е Ислами» получили большинство мест в афганском парламенте. Если они похитили Сандру, то этим поставят Карзая в трудное положение. И заставят его выбирать: либо они, либо США.

— Именно так, молодец, — похвалил он ее. — Вы умеете логически думать. И это к тому же объясняет, почему кабинет Карзая так легко вызвался выступить посредником в передаче денег.

— Думаете, Карзай знает похитителей?

— По правде сказать, я в этом убежден. Поэтому и хочу

передать эту информацию DevGru. Но что-то с этим выкупом не так. Сандра для них важнее денег. Я не верю, что Кохистани так туп, что этого не видит.

Мурашки поползли по коже Элишии.

— Вы же не думаете, что DevGru могут начать спасать ее без приказа?

Он посмотрел на часы и поднялся.

— Станут они действовать или нет, возможность я им предоставлю. Вероятно, в Вашингтоне уже знают, кто похитил Сандру. В этом случае ваше замечательное расследование Госдепартамент отправит пылиться на полку.

Она поднялась с несколько разочарованным видом.

— Сейчас, кажется, все возможно, не так ли?

— Работайте спокойно, но не выдавайте секрет, Элишиа. Если вас спросят, скажите, что передали мне все результаты, как и требовалось.

— Как скажете, сэр. Но… но если DevGru без приказа проведут операцию, разве в правительстве не поймут, что вы имели к этому отношение?

— Может быть. Но это будут уже мои проблемы.

Она неохотно кивнула. Ей было неприятно думать, что он может попасть в беду.

— Все в порядке, — улыбнулся он. — Может быть, мы никогда не увидимся больше, но я хочу сказать вам, что вы превосходный следователь и с вами работать было одно удовольствие. Вас ждет блестящее будущее в КСО. Не будем им рисковать, чтобы замести мои следы.

Она улыбнулась в ответ и крепко пожала ему руку.

— Мы будем по вам скучать, сэр.

11
Лэнгли

Заместитель директора ЦРУ по оперативным вопросам Клетус Вебб обедал в столовой с двумя сотрудниками, когда заметил директора Шройера, шагавшего к его столу. Вебб посмотрел на Шройера, тот остановился и кивнул головой, указывая на дверь. Вебб понял сигнал. Встретившись у лифта, они вошли внутрь и встали плечом к плечу.

— Делишь хлеб с этими людишками? — сухо спросил Шройер.

— Они меня пригласили, — ответил Вебб. — Я был свободен, и к тому же невежливо отказывать.

Шройер хмыкнул и уставился на свои отполированные ногти.

— Президент хочет, чтобы мы заплатили за Сандру выкуп. Двадцать пять миллионов долларов. Я доверяю нашим людям в Кабуле, они все подготовят.

— Учитывая статус игроков, такое решение можно было предвидеть.

— Да. Убедись, что наши люди переписали номера купюр: нам надо отследить, куда пойдут деньги, — посоветовал Шройер. — Нас не должны обвинить в спешке при выплате двадцати пяти миллионов.

Вебб закатил глаза.

— Все будет сделано, как надо.

Шройер поправил брюки.

— У меня в кабинете сидит Боб Поуп. Ходят без конца какие-то слухи, и я хочу убедиться, что ты все понял. Группа по особым операциям не должна предпринимать самостоятельно никаких решений, если деньги за Сандру не доставят по назначению. А в ближайшие дни тебе предстоит держать SAD[46] на коротком поводке.

Директором SAD был как раз Боб Поуп.

— И что же конкретно я должен сделать? — спросил Вебб.

Двери лифта распахнулись, и Шройер с хмурым лицом повернулся к Веббу.

— Проследи, чтобы Поуп как можно чаще напоминал своим людям, кто здесь главный. Так понятно?

— Конечно, понятно, — ответил Вебб. — Не думаю, что забывчивость SOG такая уж большая проблема, но все равно понятно.

Шройер хотел что-то еще сказать, но передумал и вышел из

лифта, потащив за собой Вебба к своему кабинету. Они спешно миновали всех секретарей Шройера и вошли в офис, где их ждал Боб Поуп.

— Боб, ты помнишь, это Клетус.

Поуп встал со стула и протянул руку Веббу.

— Конечно, помню. Как дела, Клетус?

Высокий и стройный, с густыми пепельными волосами, Поуп смотрел сквозь очки проницательными голубыми глазами. Его мальчишеская улыбка обезоруживала. Он был из тех людей, которые всегда думают о чем-то своем, независимо от того, говорит ли с ним кто-то или нет.

— Хорошо, спасибо, — отозвался Вебб, присаживаясь на кресло рядом с Поупом. Шройер тем временем занял свое место за столом.

— Боб, извини за задержку, — сказал Шройер, пригладив свой галстук. — Секретарь не могла найти Клетуса, он был внизу, в столовой… обедал в компании.

Все звонки на сотовый телефон блокировались из соображений безопасности.

Поуп немного посмеялся, а Вебб расплылся в самой добродушной улыбке, какую только смог выразить.

— Итак, — продолжил Шройер, — еще раз огласим нашу точку зрения, Боб. Выкуп за Сандру Брукс оплатят в течение суток. Наши люди в Кабуле передадут деньги посреднику из кабинета президента Карзая. Как вы знаете, в наших интересах помочь Карзаю сохранить его правительственные альянсы, а их очень легко разбить. Уверен, тебе известно о том, как распределились места в парламенте между Карзаем и обеими фракциями «Хезб-е Ислами».

— Да, я в курсе. Собственно говоря, это я послал тебе десять месяцев назад график-прогноз, кто возьмет большинство мест.

Лицо Шройера окаменело.

— Да, это был ты, — коротко сказал он, забыв на мгновение, что именно Поуп прислал ему эту информацию. — При этом раскладе похищение уорент-офицера Брукс не попадает в СМИ. Итак, если ничего не изменится, то можно считать, что нам относительно повезло. Ее муж в настоящее время в Афганистане, и если все пойдет по плану, то она прибудет к нам через сутки, максимум — двое.

Поуп сидел с ровной улыбкой на губах, кивал и машинально почесывал тыльную сторону ладони.

Шройер взглянул на него и понял, что мысли Поупа витают где-то далеко.

— Боб?

Боб мотнул головой.

— Да?

— Что думаешь?

— А, я просто задумался.

— Задумался? О чем?

Поуп скрестил ноги, придвинул очки к переносице и залился задумчивым сухим смехом.

— Ну, Джордж, мне интересно, кто в этой комнате верит, что так оно и произойдет.

Приподняв руку, он оглядел собеседников.

— Проголосуем?

Вебб опустил глаза в пол. Все знали, что Поуп очень дальновиден, и что если в электрической цепи обнаружится слабое звено, то в половине случаев это приведет к короткому замыканию.

Шройер не оценил остроумности Поупа, для него тот был всего лишь занудой. Шройер сцепил пальцы и плотно поджал губы. Досчитав до десяти, разжал челюсть и спросил:

— Ты хочешь сказать, что тебе известно нечто, чего не знаем мы?

В ответ снова послышался сухой смех.

— Отнюдь, я располагаю той же информацией, что и ты, Джордж. Просто у меня было больше времени для анализа.

— За это тебе и платят, не так ли?

— По последним данным получается, что мы имеем дело с наспех сколоченным альянсом между Талибаном и «Хезб-е-Ислами». Шесть или семь месяцев тому назад эти группировки были заклятыми врагами. По-твоему, они вдруг объединились ради такой смехотворной суммы? — Поуп покачал головой. — Нет, конечно.

— Как это нет? — взорвался Шройер. — Или ты предлагаешь не платить за Сандру?

— У нас даже нет доказательств, что она жива.

— Да ты ведь сам видел это страшное видео, Боб!

— На этом видео доказательство изнасилования, а не жизни. А что, если сразу после этого ее казнили?

— Вот чтобы ее не казнили, мы и должны что-то предпринять.

— Я это понимаю, — заверил его Поуп, ничуть не разрядив накаленную Шройером обстановку. — Как и то, что в режиме онлайн живую Сандру нам не покажут и выкуп придется заплатить без доказательств, но все равно сумма огромна. Меня что-то смущает. Не знаю, что именно, но есть определенные сомнения. Это все похоже на вечер самодеятельности…и если это

самодеятельность… — снова засмеялся он, — то все может пойти не по плану.

Шройер внимательно посмотрел на Вебба.

— А что скажешь ты?

Тот откашлялся.

— Президент уже принял решение. Я не думаю, что он его изменит в третий раз, хотя само решение мне не очень нравится. Спикер Палаты представителей в Конгрессе может в любой момент рассказать все СМИ. И все, что мы можем в такой ситуации сделать, — это следить за цифрами и надеяться, что интуиция не обманывает Боба. А ты как считаешь, Боб?

Поуп решил зайти с другой стороны.

— Я не говорю, что мы должны действовать как-то иначе. Я просто не хочу, чтобы, отдав двадцать пять миллионов долларов, мы получили кота в мешке… в общем, вы поняли, что я хочу сказать.

Шройер посмотрел на Вебба с гримасой зарождающегося раздражения на лице.

— Клетус, правильно я понял, что ты что-то хотел сказать по поводу вмешательства Группы по особым операциям?

Вебб немного помолчал, тщательно подбирая слова для ответа.

— Боб, если твои предположения верны и Сандру не вернут, то ЦРУ придется объяснять «ночным сталкерам» и «морским котикам», что решение по ее освобождению принимали не в одностороннем порядке. Вы знаете, какие ходят слухи в этих отрядах и какие у них эмоции, особенно среди тех, кто видел, что с Сандрой вытворяют в плену. Поэтому нам надо убедиться, что наши отряды специального назначения понимают, что мы делаем все возможное, чтобы вернуть их сестру-солдата живой. Для нас важна не только их готовность идти в бой, но и их спокойствие.

Поуп, тронув Вебба за руку, обратился к нему:

— Даю вам честное слово, что спецназ не предпримет никаких действий, пока этого не потребуется.

Вебб хотел задать уточняющий вопрос, но Шройер опередил его.

— Ну, все хорошо, я думаю, — сказал директор, вставая с кресла. — Все придерживаются одного мнения. Спасибо, что зашел, Боб. Это всегда радует.

Он протянул Поупу руку, и они обменялись рукопожатиями.

Сидя в кресле, Вебб всматривался в лицо Поупа. Его накрыла внезапная уверенность, что в том нет ни капли хитрости. Поуп дал слово, что ни «морские котики», ни «сталкеры» не предпримут никаких действий, пока не сочтут это необходимым,

и Вебб четко знал (как и то, что курицы несут яйца и солнце встает на востоке), что тот имел в виду: спецназовцы сами решат, как поступить, если Талибан и их соратники из «Хезб-е-Ислами Кали» не выполнят свою часть сделки.

12
Афганистан

Кабул

Сильвервуд встретился с Чу в вестибюле гостиницы, где они выбрали уединенный столик и заказали два кофе.

— Итак, — начал разговор Сильвервуд, помешивая гору сахара в чашке. — Тебе знакомо имя Аасиф Кохистани?

— Это тот, кого наши рейнджеры собирались схватить в Нангархаре, когда похитили Сандру. Он вроде бы лидер «Хезбе-е Ислами». Это все, что я знаю.

— Хорошо, — ответил Сильвервуд. — А что ты знаешь о долине Вайгал?

— Совсем немного. — Чу покачал головой. — Знаю, что в Шок Вали несколько лет назад наш ODA-3336 провалил операцию[47].

В Шок Вали ODA-3336 или «Отряд — А» охотился за Гульбеддином Хекматияром — лидером ХИГ. Операция закончилась неудачей, и несколько рейнджеров погибло.

— Понятно. Ты работаешь в ВМС, а знаешь гораздо больше, чем я думал.

— Ну, так просвети меня, Оби-Ван Кеноби[48].

Сильвервуд засмеялся.

— Ну да. ODA-3336 отправили ловить Гульбеддина Хекматияра. Знакомо имя?

Чу отрицательно помотал головой.

— Это шестидесятипятилетний исламский фанатик, основатель партии «Хезб-е Ислами Гульбеддин» в 1977 году, сокращенно ХИГ. После вторжения советских войск в Афганистан он возглавил крупные силы моджахедов. В борьбе за власть он перерезал столько же афганцев, сколько и русских, поэтому быстро стал непопулярен. В девяностые появились талибы и оттеснили его. Конечно, Гульбеддин не был опасен, пока мы уничтожали Талибан, но сейчас он снова может захватить власть.

Сильвервуд, взглянув на Чу, кивнул в знак согласия.

— Да, я знаю. Мы сами создаем этих монстров своими же благими намерениями. Но так или иначе, он вернулся и уничтожает всех, кто стоит на пути, и его власть укрепляется. Провал ODA-3336 упрочил его позиции.

— Подожди-ка. А не этот ли фанатик устроил резню в Бадахшане?

Чу имел в виду убийство десяти сотрудников гуманитарной организации International Assistance Mission в августе 2010-го[49].

— Никто точно не знает, кто стоит за этим, — откликнулся Сильвервуд, — но если не группировка Гульбеддина, тогда группировка Кали (еще одно крыло «Хезб-е Ислами», которое отделилось от ХИГ в 1979 году) — и из-за нее мы сегодня и встретились. Дело в том, что база Аасифа Кохистани, который недавно возглавил «Хезб-е Ислами», сокращенно ХИК, находится в провинции Нангархар, то есть там, где держат Сандру.

Чу откинулся на спинку стула и глотнул кофе. Потом опустил чашку на стол и добавил сахара.

— Чувствую, ты еще не все сказал, — улыбнувшись, догадался Чу. — Жажду услышать.

Сильвервуд сделал глоток.

— Ты в курсе, как в этом году распределились места в парламенте между группировками ХИК и ХИГ?

— Вначале скажи, сколько всего мест в парламенте, а то мне сложно представить.

Сильвервуд засмеялся.

— В совокупности у них пятьдесят мест из двухсот сорока шести.

— Ну да, довольно много.

— И представь, так, для смеха, что хороший президент Карзай узнает, что именно ХИК похитили Сандру, — сказал Сильвервуд. — Какова вероятность, что он пойдет против них и при этом сохранит большинство мест в парламенте?

— Да, это рискованно для него, — согласился Чу. — Уверяю тебя, он предпочтет сидеть сложа руки и смотреть, как мы выпутаемся сами.

— Или выберет более безопасный вариант?

Чу не был согласен с точкой зрения Сильвервуда.

— Под более безопасным вариантом имеется в виду, что он предложит выступить посредником в передаче выкупа — что он, в общем-то, почти сделал. Хорошо, пусть так, но в твоей теории есть нестыковка.

— Ну и какая? — расслабил спину Сильвервуд.

— Мы знаем, что установлены ДНК-коды погибших боевиков, из тех, что похитили Сандру. Ее захватил Талибан, мы почти уверены в этом, но ты только что сказал, что Талибан и ХИК совершенно не ладят между собой.

— Они не ладили, потому что раньше движение Талибан было сильным, — уточнил Сильвервуд. — Но сейчас ХИК популярнее Талибан, и, учитывая их растущую политическую власть, им выгодно объединиться.

— Это все относительно, — ответил Чу, не понимая, как это все связано с Сандрой.

— Может быть, но есть факт: ДНК одного из боевиков Талибана, участвовавшего в похищении Сандры Брукс, содержит гаплогруппы ДНК народности калаши, а те веками живут в Долине Вайгал… а конкретнее в весьма недоступной деревне Вайгал, в окружении гор. Кстати, я еще не отправил результаты ДНК в Госдепартамент.

Чу отодвинул кофе и положил локти на стол.

— Это только догадка или есть доказательства связи с ХИК?

Лицо Сильвервуда торжествующе засияло.

— Кохистани родился в этой деревне, Рэй. Сам он не калаш, но он знает их язык и женат на одной из женщин этой народности. И если ты до сих пор не веришь, мы на девяносто процентов уверены, что парень из пакистанской разведки, которого вчера арестовали, снабжал Кохистани и ХИК информацией из Джелалабада в течение трех месяцев.

— Можешь считать, что убедил меня. А где развязка?

Сильвервуд пожал плечами.

— Ты знаешь теперь столько же, сколько и я. Обработай информацию и сделай выводы.

Чу задумался, анализируя в голове, все сказанное.

— Нет, это ерунда. Думаешь, Госдеп уже знает, что ХИК похитили Сандру… или даже где ее держат?

— Они, может, и не знают, а вот у меня есть предположение, — лукаво улыбнулся Сильвервуд, — Госдеп слишком глуп, чтобы до этого додуматься, точно вам говорю.

— Но все равно это бессмысленно, — отреагировал Чу. — Спецназ ЦРУ не готов к военной операции. Более того — не поставлен в известность.

— Это значит, что Вашингтон решил платить. И даже если моя теория неверна, я не могу иначе объяснить, почему спецназ не приведен в боевую готовность.

— Хорошо! — радостно воскликнул Чу. — Значит, проблемы нет. За женщину заплатят и вызволят ее. Я тоже поддерживаю эту идею. Двадцать пять миллионов — немалые деньги, но Штаты ежедневно тратят куда больше на всякую фигню. Но не похоже, что они в курсе условий ее освобождения.

— Согласен, но разве требование выкупа должно волновать тебя? Вот я должен волноваться.

Чу внимательно посмотрел на него.

— А почему это не должно меня волновать? Афганистан кишит похитителями. Это у них, можно сказать, главная индустрия.

— Ну что ты, Рэй. Если Сандра на самом деле у Кохистани и ХИК, почему они просят за нее только деньги, хотя могли с легкостью вбить клин между Карзаем и США?

— Ты имеешь в виду, что они могли бы надавить на Карзая и заставить его сделать выбор? Они или США.

— Да, именно.

— Но это же очень рискованно. А если Карзай выберет США?

— Не знаю, — признался Сильвервуд. — Надо подумать над этим. Карзай не только хочет, чтобы мы убрались из страны, он еще и не хочет рисковать альянсами, за которые бился последний год. Если мы уйдем, эти пятьдесят парламентариев ополчатся на него из-за американки, и он не сможет противостоять им. Всю жизнь политика в Афганистане строилась на альянсах. И по-другому быть не может, и Карзай понимает это… как никто другой.

— Значит, ты думаешь, что выкуп — это только уловка, — заключил Чу. — Заберут двадцать пять миллионов, а Сандру не вернут. Или они хотят подставить Карзая?

Сильвервуд покачал головой.

— Ну, я не знаю. Не верю я, что они просто хотят выкуп. Поэтому я хочу, чтобы ты передал информацию своим друзьям из спецназа ВМС. Если ты согласишься рассказать об этом, я со спокойной совестью уеду вечером из этого захолустья.

Чу вздрогнул.

— Уезжаешь сегодня? Твоей жене стало хуже?

— Она прекратила курс химиотерапии, — объяснил Сильвервуд и не спуская глаз с чашки кофе. — Врачи говорят, ей осталось меньше месяца.

— Брент… соболезную. Я хотел бы сказать больше в такой ситуации.

Сильвервуд оторвал взгляд от чашки и посмотрел на Чу.

— Ты можешь многое сказать, Рэй. Лучше скажи, что передашь наш с тобой разговор спецназовцам, а то у меня нехорошие предчувствия насчет выкупа.

13
Афганистан

Аэропорт Кандагара

Когда Гил приземлился в аэропорту Кандагара, было уже темно. У трапа «С-130» его встретил Джо — приятель Кроссвайта. Неподалеку в темноте стоял «Боинг-727», ожидающий, пока Гил загрузит свое оборудование. Джо — здоровенный парень, под два метра ростом, с белесыми волосами и худым, четко очерченным лицом — был из штатских, служащий по контракту в разведке. Он беспокойно оглядывался через плечо, как будто кто-то в темноте следил за ним из военного самолета.

— Ты Джо? — спросил добродушно Гил, стараясь унять волнение контрактника.

— Да, я, — ответил тот. — Никому не говори обо мне, лады?

Гил с улыбкой ответил.

— Да меня здесь даже нет. А откуда этот звук?

Джо тоже улыбнулся и достал из кармана обыкновенный iPhone.

— Вот, держи, это образец смартфона, с которым мы работаем. Мы как раз проводим полевые испытания в отряде «Дельта», поэтому их всего двенадцать штук. Для отвода глаз мы сказали, что устройство сломалось и требует ремонта — а это значит, что ты должен вернуть нам его невредимым.

Гил усмехнулся.

— Вас понял.

Джо стоял и, проводя по дисплею большим пальцем, открывал приложение за приложением, демонстрируя возможности устройства.

— Этот смартфон умнее самого черта, старик. Как только мы исправим все недочеты, все спецподразделения будут пользоваться такими штуками. В нем есть все, старик: GPS, биометрические характеристики, шифрование данных, баллистические вычисления — в общем, сам знаешь. Не надо больше таскать сумку с КПК и другими дебильными девайсами. Понимаешь, о чем я?

Гил восторженно кивнул, взял смартфон и начал торопливо просматривать установленные приложения. Смартфон работал как обычный КПК, если не считать дополнительных функций и новых программ, но был куда удобней КПК, и карты GPS открывались через военную версию Google Earth.

За пятьдесят секунд он сделал топографическую съемку своего местонахождения на площадке, и на экране возникло крупномасштабное спутниковое изображение того места, где он стоял. Ко всему прочему это изображение можно было увеличить.

— Вот это да! — восхищенно ахнул Гил и посмотрел снизу на высоченного Джо.

Джо расплылся в улыбке.

— Охрененная штука, правда?

— И эта штука обнаружит меня… скажем, в Иране?

Джо удивленно посмотрел на Гила.

— Да, а что, есть желающие пересечь границу? С такой штукой не страшно. Эта игрушка не какое-то дерьмо, чувак, — заключил он. — Целый год ты можешь ей пользоваться и с ее помощью иследовать местность через дрон или спутник, а также приближать объекты — и никакой враг тебя не обнаружит. И больше не надо этих игрушечных дронов, которые бессмысленно коптят небо. Это технология будущего, старик.

— А если оно попадет в руки врага? — поинтересовался Гил. — Они выследят нас?

Джо помотал головой.

— Старик, вся начинка сделана в Китае.

— Хорошо, а если ее взломают хакеры?

— Нет проблем. Есть два варианта. Мы можем дать команду, чтобы прибор взорвался, отсюда, из центра в Кандагаре, или ты можешь сделать это сам.

Джо достал противоударный черный нейлоновый чехол из вещмешка на плече.

— Это специальный чехол, он подойдет к твоей MOLLE[50]. Внутри чехла есть чип, что-то вроде ключа зажигания. Ты можешь настроить смартфон, чтобы, автоматически подавая сигнал, он проверял, находишься ли ты в радиусе тридцати метров. Скажем, ты настроил телефон на проверку каждые три минуты, и он подает первый сигнал. Через три минуты смартфон пытается обнаружить чип внутри чехла, чтобы убедиться, что тот все еще при тебе. Если он не обнаружит чип, он подает третий сигнал и пытается снова его обнаружить. Если этого не происходит, еще через три минуты он взрывается. Следующая контрмера еще проще: если противник три раза наберет неверный код…

— Он взрывается.

— Ну, ты понял, — завершил Джо. — Код доступа три, два, один, звездочка. Тебе не нужен сложный код. Если не используешь телефон пять минут, снова вводишь код. Проще некуда.

— А я могу его взорвать сам?

Джо странно посмотрел на него.

— Старик, я же сказал. Надо трижды ввести неправильный код.

Гил рассмеялся.

— Хорошо, чувак. Я понял… а как долго ты будешь в командном центре?

Джо пожал плечами.

— Пока Кроссвайт не позвонит и не скажет, что твое задание выполнено. Я за тобой слежу, старик, — но неофициально.

Гил спрятал смартфон в чехол и застегнул тот на молнию.

— А что случилось в Далласе. Какой-то должок?

Джо неловко потоптался на месте.

— Кроссвайт спас меня от тюрьмы. Вот и все, что я могу сказать.

— Ты будешь следить за мной с помощью смартфона?

Джо тряхнул головой.

— Нет, здесь баг в приложении. Ошибка в программном обеспечении.

Гил протянул ему руку.

— Окажи услугу, брат, не дай мне заснуть, хорошо?

— Вас понял, — ответил Джо, пожимая руку. — Кроссвайт просил напомнить: пусть сгруппируется и катится — не знаю, правда, черт возьми, что это означает, но напоминаю.

— Будет сделано, — ответил Гил, поняв, о чем идет речь.

Через некоторое время Гил погрузил свое оборудование в «Боинг-727» и сел в тесный задний отсек ждать Мелиссу. На самом деле в «Боингах-727» нет грузового отсека, но ЦРУ специально для этого задания перестроило салон. Он был так первоклассно переоборудован, что обман невозможно было распознать. Сам Гил тоже не знал о подделке и считал, что в самолете грузовой отсек был изначально.

Мелисса, одетая в голубую униформу стюардессы Турецких авиалиний, поднялась по лестнице спустя несколько минут. Она нажала на кнопку, и начала опускаться гидравлическая лестница. Затем Мелисса села на откидное сиденье напротив Гила. Выглядела она немного взволнованной.

— Я смотрю, вы совсем не нервничаете, — заметила она.

Гил улыбнулся.

— Страх идет под руку со смертью. А спокойствие шагает рядом с уверенностью.

Она не смогла сдержать улыбки.

— Все равно вы очень умело прячете волнение.

Тогда он захохотал.

— Я прыгаю, рискуя жизнью, с самолета… в темноте… над Ираном. Из-за чего тут нервничать?

Она кивнула и вернулась к заданию.

— Через пять минут мы вырулим самолет и возьмем на борт пассажиров. Я помогу коллеге их рассадить, а потом вернусь к вам.

— Вторая стюардесса тоже сотрудница MIT?

— Весь экипаж из MIT.

Гил так и думал, но во время суеты с подготовкой эта деталь не всплыла. Он уже работал с иностранными разведками, но с MIT еще не доводилось. Об этой разведке он слышал много разного: и хорошего, и не очень.

— Кто отбирал пассажиров для полета?

— Мы, — ответила она. — Все нормально? У мистера Лерера не было своих ресурсов.

— Может, так даже и лучше, — проговорил он. Хотя его терзали сомнения, сейчас это значения уже не имело.

— Любой подозрительный человек, — сказала она, — из нашего списка… будет задержан и дождется следующего рейса.

Вскоре самолет стал выруливать на площадку к пассажирскому терминалу. Лестницу в грузовом отсеке не будут использовать для загрузки пассажиров.

Мелисса поднялась.

— Сейчас я должна помочь Камилле усадить пассажиров.

— Хорошо.

Гил окинул взглядом салон и увидел хрупкую Камиллу — вторую стюардессу из MIT. Еще он отметил какой-то предмет, спрятанный под облегающей униформой Мелиссы, и предположил, что, скорее всего, то был пристегнутый к поясу пистолет. Гил встревожился: вдруг это заметит кто-то из пассажиров. Впрочем, все они будут слишком заняты тем, чтобы скорей занять место и полететь.

Через десять минут, когда все пассажиры уже были на борту, самолет поднялся в воздух и направился к иранской границе.

— Я так понимаю, пути назад уже нет, — сказал он Мелиссе, когда та вернулась на место.

— Уже нет, — согласилась она. — Я впервые лечу в Иран.

— Волнуетесь?

— Страх идет под руку со смертью. — Она улыбнулась.

«Боинг-727» быстро приближался к точке прыжка Гила. Она находилась на пятьдесят километров севернее того места, где он должен был приземлиться. Самолет не мог взять курс южнее, иначе возникли бы сложности в турецко-иранских отношениях.

Более того, в убийстве Аль-Назари не должны были заподозрить американские войска — оно должно будет выглядеть сугубо гражданским делом.

Гил надел снаряжение и приготовился к прыжку. СВД висела у него на левом плече дулом вниз. Остальное его снаряжение лежало перед ним в вещмешке, система обеспечения кислородом крепилась к правому боку. Основной и запасной парашюты позволяли планировать, преодолевая при спуске с большой высоты расстояние в шестьдесят пять километров по горизонтали.

Ему оставалось только натянуть защитный шлем и кислородную маску.

Телефон на стене зазвонил, Мелисса что-то коротко ответила пилоту и взглянула на часы. Затем, повесив трубку, она посмотрела на Гила.

— Через две минуты мы подаем кислород. И через три — спускаем лестницу.

— Все понял.

Гил сверил время, задернул шлем и надел кислородную маску. Через две минуты, когда он и Мелисса сидели оба в кислородных масках, давление в кабине стало понижаться. Камилла находилась в кабине пилотов, все они тоже были в масках. К счастью, многие пассажиры уже спали, а те, кто не спал, не понимали, что происходит. И вскоре потеряли сознание.

Мелисса опустила лестницу, и поток воздуха хлынул в салон, заставив их прижаться к стене и подождать пока давление не выровняется. Гил поднял вверх большой палец, затем сбежал вниз по лестнице, сгруппировался, подобрав под себя руки и ноги. Его тут же сбило настолько сильным турбулентным течением, что могло показаться, что он на пляже Вайкики, и его захлестнуло яростной волной. Только ощущения были в десять раз неприятнее. Гила так завертело, что он почувствовал себя тряпичной куклой. Кислородную маску почти сорвало с лица, и на мгновение ему показалось, что сейчас он лишится сапог.

Все стихло так же внезапно, как и началось. Он летел в свободном падении.

На высоте девять километров вытяжной фал автоматически раскрыл основной парашют. Гил почувствовал, что парашют натянул ремни подвесной системы, но не так, как должен был. Он взглянул наверх, проверяя, раскрылся ли купол. Луны не было, но он еще летел над облаками. При свете звезд стало ясно: он в глубокой заднице. Из-за сильной турбулентности повредился то ли основной парашют, то ли автоматическая система выпуска, потому что его запасной парашют развернулся вместе с основным, и ни один из них не раскрылся должным образом. А

земля приближалась угрожающе быстро.

Тогда Гил вынул нож и принялся быстро резать ремни основного парашюта. Запасной парашют был того же типа, что и основной, и был шанс долететь до места назначения, только если он успеет перерезать за оставшееся время ремни. Он распорол последний из них — и купол основного парашюта улетел в ночь, позволив запасному парашюту развернуться полностью. Сейчас было самое время откопать китайский GPS и скорректировать координаты направления полета. С незнакомым устройством возникли проблемы при подключении к спутнику, но Гил даже этому не удивился. Он убрал китайский GPS и достал смартфон, обмотав шнур вокруг запястья. Когда он его включил, сразу же поступил сигнал со спутника. И уже через девяносто секунд Гил знал свои точные координаты.

Переключив тумблер у запястья, он уточнил место. Мысленно подсчитал, сколько нужно лететь до точки приземления. Судя по показаниям GPS, он планировал, перемещаясь каждую секунду на девять метров по горизонтали. С такой скоростью примерно через час и сорок минут он будет на месте. Можно расслабиться и наслаждаться полетом. На часах было 00.20. До 11.30 еще куча времени.

14
Афганистан

Кабул, центр Группы по особым операциям

Агент Лерер и его коллеги собрались в конференц-зале, где их ждал капитан военно-морских сил Глен Меткалф. Меткалф был старшим офицером DevGru на афганском театре военных действий. Он лично выбрал Гила для ликвидации Аль-Назари, как только узнал, что тот прибыл в Афганистан. Сейчас все в комнате следили за Гилом, чье изображение в инфракрасном диапазоне передавалось через спутник на плазменный экран на стене.

Капитан Меткалф наблюдал, скрывая свои опасения, когда купол основного парашюта Гила прошел слой облаков и исчез из поля зрения.

— Ну, я разочарован, — проговорил скучающим голосом аналитик из команды Лерера. Он встал со стула и, прислонясь к стене, отпил кофе, будто этот жест помогал ему выглядеть солиднее. Ему было не больше двадцати пяти. Выпускник Гарварда, выросший на играх Play Station, казалось, он должен был бурно реагировать, как подросток, играющий в трехмерную «стрелялку».

У Меткалфа сердце замерло, когда он увидел Гила, боровшегося с ремнями основного парашюта. Никто из присутствующих в комнате не понимал, что над ним нависла смертельная угроза, пока Меткалф не объяснил, почему Гил резал ремни. Теперь его раздражало не только присутствие этого молодого аналитика, но и его отношение к происходящему. Не нужно было даже в конференц-зал впускать этих сопляков, которые видели войну только на экране. Хотя надо признать, что молодежь сделала хорошую работу, собрав всю информацию, необходимую для спецоперации. Их старания, в которых Лерер, преувеличивая, разглядел «риск для жизни», были щедро оплачены. Но военные для того и существуют, чтобы охранять гражданское население, а Меткалф принадлежал к военным, поэтому ему ничего не оставалось, как стиснуть зубы. Тем не менее, он не знал правила, запрещавшего капитану ВМС США задавать время от времени провокационные вопросы.

— А что ты ожидал увидеть, сынок? Как падает и умирает смелый солдат?

— Я? — спросил пораженный аналитик, не ожидавший такой реакции на свою глупую фразу. Он поднял глаза на Лерера,

который смотрел на него в упор. — Нет, сэр. Я хотел только заметить… ну, я имел в виду… что он справился со всем как настоящий профессионал.

— Уверен, главстаршине Гилу Шеннону твоя похвала пришлась бы по душе, — вставил свое слово Лерер и указал головой на дверь, намекая на неожиданное увольнение.

Аналитик побледнел и вышел из зала, оставив своих коллег стоять с опущенными глазами.

Чувствуя, как гнев отступает, Меткалф доброжелательно посмотрел на оставшихся людей.

— Пока все хорошо, дамы и господа. Наш человек избежал смерти. Будем надеяться, что слой облаков скоро рассеется, и мы, наконец, увидим, что там с ним происходит. Что говорят метеорологи, агент Лерер?

Лерер пожал плечами.

— Боюсь, все не так радужно. Надеемся, что завтра будет ясно, и наш хищник нормально сядет, подберет Гила и сразу взлетит.

Он обратился к команде.

— На сегодня все, ребята. Можете пойти поспать. У нас завтра трудный день. Дональдсон, я хочу, чтобы вы подежурили вместе с ВВС в командном центре ночью. Если что-нибудь случится, наберите меня. Все понятно?

— Все понятно, — ответила блондинка с собранными в конский хвост волосами.

Конференц-зал опустел. Остались только Лерер и Меткалф.

— Я должен извиниться за этого идиота, — сказал Лерер. Лично его не волновало, что там говорят всякие аналитики. Для Лерера они были просто роботами, и его совершенно не волновало, что они чувствуют. Подразумевалось, что они сами знают, когда следует закрыть рот на замок, но этот, похоже, чего-то не понял, поэтому следующим же рейсом его отправят обратно в США.

— Это все от большого ума, — отметил Меткалф, предпочитая не развивать тему. — Есть новости из NSA?

Лерер покачал головой.

— Назари час назад звонил своей жене, обычная чепуха… ничего нового… ничего такого, что может помешать нашему плану. Он должен находиться в ожидаемом месте в 11.30, как мы и предполагали.

— Хорошо, — отреагировал Меткалф. — Немного удачи, и пуля завтра, наконец, достигнет цели.

15
Иран, провинция Систан-Белуджистан

В сорока километрах к северу от границы с Афганистаном

С высоты Гил заприметил каменный карьер, и сейчас летел над ним, надеясь приземлиться и снять снаряжение в укрытии. Потянув за клеванты[51], он обезветрил купол параплана и приземлился на две ноги. Быстро собрал парашют. Вынув из вещмешка расцепляющий механизм, он снял с себя ремни, сбросил шлем, кислородную маску и костюм парашютиста. Через девяносто секунд он был уже готов двигаться дальше. Завернув снаряжение для прыжка в купол парашюта и перекинув его через плечо, Гил стремительно направился через карьер к насыпи, параллельно которой лежала труба дренажного трубопровода. Он спрятал парашют в трубу и, помогая себе прикладом СВД, запихал его поглубже, туда, где его никто не сможет откопать. Из-за климатических изменений дождей в этой местности не было уже несколько лет, и поэтому многие жители вынуждены были перебраться на север, к границе с Туркменистаном.

Гил натянул на голову русские военные очки ночного видения и оглядел местность. В полутора километрах к северу светился городок, который он пролетал минуту назад. Бесплодная, плоская земля хорошо просматривалась, и возникало неуютное ощущение, будто стоишь на Марсе. Афганская граница и относительно безопасная территория начинались в сорока километрах южнее, и дорога туда пролегала через заброшенные пустынные территории. Он заметил низкие слоистые облака над головой, которые могли со временем закрыть спутник или дрон, но это его не сильно взволновало: он и так один-одинешенек в логове зверя.

Гил снял очки и подвесил их к кольцу на боевом снаряжении. Из-за того, что он часто использовал очки ночного видения, его собственное зрение и способность ориентироваться в темноте ухудшились. Он включил радио. Где-то там, за облаками, дрон передает сигнал от Гила на спутник, а оттуда — в командный центр.

Нажав на кнопку радиопередатчика, он тихо проговорил:

— Тайфун Главный. Тайфун Главный. Это Тайфун Малый. Проверка связи. Прием.

Почти сразу же последовал ответ.

— Вас понял, Малый. Это Главный. Вас слышно Lima Charlie.

Lima Charlie означало, что Гила слышат отчетливо.

— Вас понял, Главный. Я на земле и начинаю двигаться к мишени, которая в двух километрах к югу от моей позиции. Моя цель — террорист. Какой прогноз на это время?

— Вас понял, Малый. Вам лучше будет затаиться и не показываться. Прием.

— Вас понял, Главный, — Гил взглянул на часы. Было около 02.00. — В следующий раз я выйду на связь в 4 утра. Прием.

— Вас понял, Малый. Прием.

— Это Тайфун Главный. Конец связи.

Гил выключил радиоприемник и стал взбираться на насыпь карьера. Вдруг с южной стороны входа в карьер мигнули фары и осветили то место, где находился Гил. Прячась, Гил сполз в котлован. Посчитав, что его засекли, Гил снял с плеча винтовку и прицелился в машину, в то время как она приблизилась на сто метров.

Он уже приготовился спустить курок, как внезапно машина резко затормозила и остановилась в пятидесяти метрах. Автомобиль не был ни военным, ни полицейским, поэтому Гил решил пока не стрелять. Двери Honda Civic открылись, оттуда грянул хип-хоп. Гил снова надел очки ночного видения и, разглядев шестерых подростков, троих парней и троих девушек, снял. Подростки громко гоготали под музыку; взобравшись на насыпь, они закурили. Две девчонки устроились на капоте между светящимися фарами, прижавшись друг к другу от холода, они хихикали, как обычные школьницы.

Сами по себе подростки не представляли угрозы — Гил смог бы прирезать их всех боевым ножом Ka-Bar, прежде чем они успеют понять, что с ними произошло. Но невозможно было взобраться на насыпь без риска быть замеченным, поэтому он пока оставался на месте. С другой стороны, любая задержка, даже небольшая, могла нарушить его расписание. До цели было два километра, а там еще следовало подготовить укрытие для стрельбы. Но пока еще в запасе оставалось время, стояла глухая ночь, и никто не знал, будут ли задержки в графике движения к точке ликвидации. Боевое задание требовало гибкости и динамичности, поскольку ситуация могла измениться в любой момент. К тому же Гил предпочитал не терять ни минуты на вражеской территории.

Через несколько минут стало понятно, что подростки курят марихуану. И, если не обращать внимания на то, что общались они на фарси, их было не отличить от обыкновенных

тинейджеров: так же кучковались в темноте, гоготали и шутили друг над другом, и девчонки так же визжали без причины. Но сегодня эти невинные полувзрослые души приехали прямо в логово войны, той, в которой пленных не берут.

Гил решил дать им еще немного времени, а после попытаться незаметно подняться из котлована на насыпь. Если им не повезет и они его заметят, Гилу придется повернуться и покончить с ними со всеми…быстро и без выстрелов.

Уже минут пятнадцать Гил обдумывал свои будущие действия, как вдруг увидел, что один из парней двинулся в его сторону. Подросток на ходу переговаривался через плечо и расстегивал ширинку. Гил вынул свой нож Ка-Bar из ножен, привязанных к ноге, и ощутил, как его захлестывает волна адреналина при одной только мысли, что он должен прикончить их всех. В его голове стоял девичий крик, будто он уже их настиг их и перерезал им глотки. Он хотел бы представить другой вариант развития событий, но не смог. Он на задании, и свидетелей быть не должно.

Гил замер, лег ничком в котлован. Все его лицо было измазано землей, а сам он был в камуфляже Мультикам. Он не дышал, и даже не моргал. Он готовился напасть резко, как атакующая анаконда, и вонзить лезвие ножа снизу в челюсть так, чтобы достать до мозга. Подросток умер бы мгновенно, и Гил аккуратно опустил бы его на землю, оставив свежий труп дожидаться остальных друзей, заскучавших о пропавшем друге. Американский спецназовец в засаде станет последним, что они увидят.

Подросток остановился на краю котлована и стал мочиться прямо на военную панаму и на плечи американца. Парень еще что-то громко говорил, повернув голову к друзьям, совершенно не замечая хладнокровного убийцу, который лежал в темноте, в котловане, в каких-нибудь десяти сантиметрах от его ноги. Парень закончил свое дело и застегнул молнию на штанах.

Гил видел, как тот ушел, но запах мочи еще долго стоял в ноздрях Гила. Для него это было не в новинку. Ему приходилось носить форму, перепачканную человеческими отходами, кровью и внутренними органами. Убить человека голыми руками — это непередаваемое чувство, глубоко личный процесс, интимнейший акт, который не сравнится даже с занятием любовью с любимой женщиной. Когда твой соперник корчится, придавленный твоим весом, и ты чувствуешь, как его тело скручивается в отчаянной попытке спасти себя, когда ты ощущаешь его дыхание на своем лице, тогда ты пронзаешь его ножом. И он извергает всю жидкость, которая у него внутри: кровь, кал, моча — все выходит

наружу. Это была война на самом примитивном уровне, и Гил был рад, что подросток так и не узнал об опасности, таившейся поблизости. И это незнание сохранило жизнь не только ему, но и его друзьям.

Дети развлекались еще минут сорок, затем погрузились в машину и быстро уехали, подняв облако пыли. Гил тем временем взобрался на насыпь и двинулся по пустыне. Он шел вдоль высохшего озера, некогда широкого бассейна озера Хамун. Раньше это был изобильный край, богатый рыбой, но сейчас вокруг виднелись лишь ветхие дома и трухлявые лодки, чуждые, странные в этом диком бесплодном окружении.

Он отошел еще на несколько сотен метров и заметил, что все это время за ним следовала тощая собака, вероятно, надеявшаяся получить еду. Он шикнул на убогое создание и швырнул камень. Собака потрусила прочь. Воспользовавшись остановкой, он натянул очки ночного видения, осмотрел местность, затем дважды проверил GPS, сверив направление движения. Гил увидел дорогу, по которой завтра утром проедет Аль-Назари с охранниками, и отошел на полсотни метров в сторону. Отмерив три тысячи шагов вдоль дороги, он снова остановился и повторно оглядел местность через очки.

Спецназовец искал старый мост, проложенный через пересохший ручей, который тек с востока на запад и делил дорогу на две половины. В двух сотнях метров к югу виднелись еще более древние руины — идеальное место для засады. Если пройти три-четыре километра по дороге на юг, то можно увидеть за забором военные постройки, заброшенную базу иранских пограничников. Судя по последним разведданным, в этих зданиях Аль-Назари делал свою «грязную бомбу». Фотографии со спутника показали, что объект круглосуточно охраняли трое-четверо часовых, которые носили иранскую форму и ездили на автомобилях с номерами иранских госструктур.

По поводу часовых Гил не беспокоился. На пути к точке эвакуации Гил обойдет это здание и возьмет южнее, направляясь к афганской границе, где под покровом темноты ему предстоит пройти еще тридцать километров по пустыне, прежде, чем он услышит рев вертолета «Ночных сталкеров», прилетевшего за ним.

Наконец, Гил обнаружил мост в сотне метров от себя и сменил позицию. На несколько минут его смутили звуки приближающегося с юго-запада вертолета, но тот вскоре улетел, и Гил продолжил движение. Скорее всего, вертолет искал контрабандистов наркотиков на севере Захедана. Захедан — столица Систана и Белуджистана — находился всего в тридцати

двух километрах от афганской границы. Он был центром мировой наркоторговли, откуда афганский героин поступал в Тегеран, из Тегерана в Турцию, а оттуда распространялся по всему миру. Но контрабандным путем поставляли не только наркотики, а практически все, начиная с оружия и заканчивая нелегальными мигрантами. В начале двадцать первого века в иранской полиции коррупция выросла настолько, что мексиканские полицейские по сравнению с ними казались просто детьми.

Гил шел по графику, время от времени надевая очки ночного видения, чтобы оглядеться. Район был усеян древними каменными плитами доисламского периода, некоторые из которых были остатками храма или частями памятников, посвященных Заратустре[52]. Убедившись, что руины заброшены, он прикинул, будет ли его видно с дороги. И действительно, каменные плиты на расстоянии были идеальным укрытием для снайпера.

Поэтому он перешел на противоположную сторону дороги, где стал копать яму русской саперкой.

16
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабад

Агент Рэй Чу разговаривал в ангаре со Стиллардом и лейтенант-коммандером Пересом, обсуждая, каковы шансы вызволить Сандру Брукс из деревни Вайгал. Пилоты «ночных сталкеров» тоже были здесь: они прилетели час назад и сейчас готовили вертолеты к возможной операции по спасению Сандры.

Капитан Кроссвайт остановил вездеход «Хамви», слез и, важно прошествовав к трем мужчинам, отдал честь лейтенант-коммандеру Пересу, на которого ему было совершенно наплевать.

— Ну, так мы начинаем или что? — поинтересовался Кроссвайт.

— Мы еще сами не знаем. Вот собрались обсудить. — Стиллард пожал плечами.

Кроссвайт огляделся.

— А где же «морские котики»?

— Разбирают снаряжение. Кстати, а где ваше?

Кроссвайт указал большим палец назад, на вездеход.

— Я налегке. Ваши люди поделятся со мной оружием, если что-то понадобится, хорошо?

Стиллард одобрительно кивнул.

— Почему бы вам не вернуться в штаб? — Стиллард повернулся к Пересу, когда Кроссвайт немного отошел. — Как я уже говорил, коммандер, я считаю, что об операции должен знать только персонал DevGru. Если в штабе об этом пронюхают, нам крышка. Я порядочно набрал сержантов, чтобы они справились с задачей, это — хорошие ребята, и они не боятся последствий.

Перес попал в затруднительное положение: чего он больше всего опасался, так это последствий. Воодушевленный пылкими речами у ангара, он сам поддерживал идею идти спасать Сандру Брукс, не дожидаясь приказа, но сейчас, когда появилась ценная информация, он дал слабину.

Стиллард знал, что Перес может смалодушничать: тот еще любитель отсидеться в тылу! Зная, что у Переса кишка тонка сопротивляться большому числу нашивок, Стиллард отобрал шестерых опытных сержантов и двух помоложе, которым он полностью доверял рискованные операции. Дэн Кроссвайт вызвался возглавить группу, а, если понадобится, обещал дать одного офицера. Стиллард надеялся, что Перес вернется в штаб и

будет благоразумно молчать.

Он вытащил изо рта сигару.

— Послушайте, коммандер, они отличные, крепкие парни. Если что-то пойдет не так — никто не сболтнет, что вы об этом знали. Зачем же вам рисковать и принимать в этом участие?

Чу внимательно смотрел на Переса. Он понимал, что у коммандера достаточно власти пресечь всю операцию одним звонком, и видел, как мучительно Перес пытается принять решение.

— Послушайте, — вставил невзначай Чу, не дав Пересу раскрыть рот. — Вы не сделали ничего, чтобы скрыть от SOAR видео. И вы не помешали им появиться здесь и готовить к операции свои вертолеты.

Перес уставился на Чу, разгадав скрытый смысл слов агента. Перес не только не запретил смотреть видео бойцам, он сам смотрел его со всеми, хотя отдавал себе отчет, что это секретная информация. Чу выразился очень понятно, имея в виду, что если Перес сейчас позвонит руководству, то у остальных будут проблемы, а во-вторых, если он не отправится в штаб, там поймут, что произошла утечка информации.

Поскольку Чу был штатский, от Переса он никак не зависел. Его не волновало, что тот думает о нем, и, разумеется, он его не боялся. Потенциальная угроза от утечки информации была куда серьезнее, чем любая подлость от Переса.

— И нам нужен человек в штабе, — добавил Стиллард, понимая, что они загоняют Переса в ловушку. — Кто-то должен нас прикрывать, если возникнут вопросы.

Перес понял, что угодил в капкан, и в душе клял себя за чрезмерную общительность. Уже нельзя ничего поделать — оставалось только надеяться, что операция по спасению Сандры пройдет успешно и они все войдут в историю.

Он глянул на Стилларда, пытаясь принять более оптимистичный вид.

— Так как же вы хотите назвать операцию, старшина?

— Операция будет проходить под названием «Ограбление банка».

Стиллард ухмыльнулся и, отправив сигару обратно в рот, протянул Пересу руку.

— Если это послужит утешением, скажу напоследок, что мы бы не справились без вас.

Тот догадывался, что это было лукавством, и Стиллард с Чу подставили его с самого начала, так как знали — чтобы провернуть любую запрещенную операцию, им потребуется человек в штабе, который их прикроет, если начальство начнет

что-то вынюхивать. Именно поэтому первым, кому Чу предложил посмотреть видео, был Перес. Коммандер чувствовал себя настолько глупо, что кивнул, машинально пожал руку Чу и вернулся в ангар.

Стиллард и Чу улыбнулись друг другу.

— Приятно видеть, что он отступает, как послушный котенок, — сказал Стиллард.

Чу рассмеялся.

— Да, старшина, сейчас нам остается надеяться, что он не превратится внезапно в тигра.

17
Иран

Провинция Систан-Белуджистан

Гил лежал ничком в пустыне, в своем убежище в пятидесяти метрах от дороги. Убежище представляло собой окопчик, выкопанный перпендикулярно пологому склону, который, растянувшись с востока на запад, служил небольшим естественным укрытием на этой неровной, полукаменистой местности. Позиция позволяла поразить цель, в каком бы направлении жертва ни пыталась бежать.

Если Аль-Назари проедет, как обычно, то друг за другом должны будут появиться три внедорожника. Сам Аль-Назари будет в центральной машине, с женой, водителем и охранником. В первой и в замыкающей машине будут ехать по три-четыре боевика. Гил дождется, пока все три машины проедут по мосту, затем пристрелит водителя первой машины, потом второй, потом третьей. Нужно остановить сразу все три автомобиля, не дать им свернуть в сторону. Но у него будет достаточно времени, чтобы корректировать стрельбу — ведь он стреляет со ста восьмидесяти метров.

Все будет зависеть от первых трех выстрелов. Они будут самыми сложными, так как стрелять надо будет в движущиеся машины. По каменистой дороге ехать они будут не на большой скорости, но все равно в движущуюся мишень с такого расстояния попасть непросто. Понимая это, Гил еще ночью засыпал землей несколько ям на дороге в семидесяти метрах от каменного моста. Он потеряет драгоценные секунды, если придется выцеливать водителей.

Можно было только догадываться, что станут делать телохранители, увидев убитых водителей, но для Гила это была не проблема. Все они окажутся в ловушке, в зоне поражения, бежать будет некуда, разве что спрятаться в русле сухого ручья. Бронебойные пули калибра 7.62 мм пробьют любую часть внедорожника, за исключением блока цилиндров двигателя, но Гил расположился так, чтобы простреливать пространство под машинами, и, таким образом, убить любого, кто попытается спрятаться за автомобилем.

Гил рассчитывал поразить в общей сложности не больше двадцати целей, но это были только примерные расчеты. На удачу в бою надеяться нечего, тем более, что закон Мерфи никто не

отменял. Также Гил предположил, что в колонне машин может ехать вражеский снайпер, с такой же русской винтовкой с точным оптическим прицелом ПСО-1. Именно поэтому Гил решил не располагаться рядом с руинами, у дороги. Боевики в машине будут вооружены «АК-47», и когда они поймут, что их обстреливают, то примутся палить по любой видимой мишени. И если боевикам посчастливится затаиться в каком-то паршивом месте, то в него смогут выпустить несколько пуль. И, разумеется, нельзя исключать опасность обстрела из гранатомета.

Гил решил сражаться так же отважно, как команчи, а команчи твердо верили, что воюют ради мирной жизни на земле. Он сделал несколько глотков из фляги и проверил дорогу.

— Тайфун Главный, это Тайфун Малый. Все еще не видите меня?

— Нет, Малый. Облака слишком густые. Прием.

— Вас понял, прием.

Но в этот момент Гил увидел, как на дороге показался первый внедорожник.

— Главный, это Малый. Цель появилась точно по расписанию. Прием и конец связи.

Он крепко прижал приклад винтовки к плечу и следил за первой машиной — черным пыльным «Ниссан Армада» — через оптический прицел. Гил знал, что все три машины должны сильно сбавить скорость перед мостом из-за ямы, которую Гил углубил, чтобы создать резкий перепад высоты в пятнадцать сантиметров. Такая яма не вызвала бы подозрений или остановки движения, но заставила бы водителей сбросить скорость, дольше оставаясь в зоне поражения.

Водитель первого внедорожника был в черных очках и в головном уборе, похожем на бейсболку. Гил даже заметил, что утром тот не побрился. Как и ожидал спецназовец, ведущее авто не проскочило мост на полной скорости, а поехало медленно, дожидаясь остальных и сохраняя дистанцию.

Мост пересекала уже третья машина. Гил выждал, и, когда бампер замыкающего колонну автомобиля оказался на расстоянии пятнадцати метров от края, набрал воздуха в грудь и нажал на курок.

Пуля пробила трахею первому водителю, и он резко упал на колени пассажира.

Гил тем временем принялся за центральную машину. Там он сразу приметил на заднем сиденье Аль-Назари. Гил хладнокровно нажал на курок. Мозги Аль-Назари разлетелись по салону, как куски тыквы, разбившейся о забор. Гил поймал лицо водителя, когда тот повернулся посмотреть, в чем дело. Щелчок — и ему

пуля снесла лицо.

Едва водитель замыкающей машины повернул рычаг переключения скоростей, чтобы врубить задний ход, как пуля пробила его грудину. Менее чем за четыре секунды снайпер остановил все три машины и ликвидировал основную цель. Все, что он сделал, было сделано ради его собственной безопасности. В его памяти всплыл девиз, который он выучил в юные годы, когда работал чокеровщиком[53] в горах Монтаны в лесозаготовительной компании «Луизиана Пасифик»: «Не для работы, а ради своей жизни!» Старый седой бригадир трубил в рог, и по его команде Гил вместе с остальными рабочими должны были быстро прицепить чокером к трактору четыре поваленных дерева. Если они не успевали это сделать к моменту, когда бригадир повторно трубил, трактор мог протащить их вниз с горы, где они разбились бы насмерть о деревья.

Однажды, в свою первую неделю работы с чокером, Гил спускался с горы по той же стороне, где работал внизу трактор. Бригадир засек его и стал орать, оживленно показывая руками, что нужно отойти. Только Гил отпрыгнул, как в ту же секунду зажужжал трактор, и верхушка огромного дерева шлепнулась на землю, точно на то место, где он до этого стоял.

— Не лезь вперед трактора, — пробормотал он и в пятый раз спустил курок. Ни один из внедорожников не свернул с дороги, только замыкающая машина все еще ехала задним ходом, пока не ударилась об опору каменного моста и резко не остановилась. Пять оставшихся в магазине патронов Гил истратил на эту машину, убив всех троих пассажиров, чтобы никто не успел убежать и спрятаться.

Он заряжал второй магазин, когда заметил женщину, притаившуюся за водительским сиденьем во второй машине. Он выстрелил в нее через пассажирскую дверь, и она упала на сиденье. Осталось убить четырех боевиков, сидевших в первой и во второй машинах. Они отчаянно палили по руинам по ту сторону дороги, но так и не смогли определить, откуда стреляет Гил.

Пули свистели, отскакивая от каменных стен, оставляя за собой маленькие облака пыли.

Гил стрелял уже тридцать секунд. Еще через тридцать все цели будут уничтожены.

Он открыл огонь по крылу автомобиля и сбил боевика с ног. Второй боевик пришел на помощь и протянул свою руку, чтобы схватить раненого за запястье. Гил выстрелил в локоть второго боевика. Оставшиеся двое стали спешно отступать к мосту, прячась за внедорожниками. Гил подстрелил одного через вторую

машину, совершенно случайно попав в голову. Это напугало второго боевика, и он бросился напрямик.

— Не старайся удрать, приятель. Умрешь уставшим, — пробормотал Гил и выстрелил ему между лопаток. С перебитым позвоночником тот упал лицом вниз.

Не было нужды проверять, мертв ли Аль-Назари — Гил прострелил ему голову, — но в машине могла оказаться важная информация.

— Тайфун Главный, это Тайфун Малый. Вы отслеживаете мое движение?

— Так точно, Малый.

— Главный, докладываю, все цели уничтожены. Повторяю. Все цели уничтожены. Подтверждаю, главная цель убита в бою. Прием.

— Вас понял, Малый.

— Будьте наготове, Главный. Двигаюсь в сторону убитых. Проверю, есть ли информация. Прием.

— Вас понял, Малый. Будем наготове.

Гил осторожно вышел из укрытия и, готовый выстрелить в любой момент, направился к машинам. Он торопливо прошел сто метров и, остановившись у первой машины, стал осторожно оглядываться. Мужчина без руки сидел у колеса, баюкая на коленях голову своего мертвого соотечественника. Оба медленно истекали кровью, их глаза были закрыты в мирной молитве.

Гилу не хотелось убивать кого-то во время молитвы: через какое-то время все равно сами умрут от кровопотери. Но Гил все же вытащил пистолет и выстрелил каждому из них в голову.

Как только отгремело эхо второго выстрела, Гил уловил настораживающие звуки: с другой стороны кто-то звонил по телефону. Он обернулся и увидел у первой машины женщину. Все еще живая, она лежала у пассажирской двери, пуля попала ей между лопаток. Женщина была поразительной красоты, даже в одежде, забрызганной кровью и мозгами Аль-Назари. Было видно, что она беременна и мучается от боли.

На мгновение у Гила засосало под ложечкой.

— Какой месяц? — спросил он, даже не задумываясь, поймет его женщина или нет.

— Восьмой, — проговорила она, задыхаясь от боли. — Тебя будут ждать в аду, если…если мой ребенок умрет.

— Наверное, так и будет, — пробормотал он, присев на корточки и выхватывая телефон из ее рук. — Кому ты звонила?

— Своему отцу. Он и его люди едут за мной. Сохрани мне жизнь, и ты спасешься. Это твой единственный шанс…беги и молись, чтобы я отговорила преследовать тебя.

У Гила было несколько секунд, чтобы спланировать действия. Что касается приказа, то в нем было четко обозначено: убить женщину, убежать до темноты и сесть в вертолет. Но его просто надули. Лерер был в курсе, что Нушин Шеркат была беременна, и предпочел умолчать об этой мелочи, чтобы Гилу не пришлось договариваться с совестью. Такое поведение ставило под угрозу всю операцию и было даже хуже преднамеренного бесстыдного убийства беременной женщины. Может, она специально бы открыла дверь, чтобы был виден ее живот, и у Гила дрогнула бы рука. А рука бы дрогнула, если бы он увидел в прицел то, чего не ожидал; волноваться для снайпера настолько же губительно, как спешить или перестараться. Лерер об этом знал, и в его обязанности входило снабдить свою команду всей доступной значимой и актуальной информацией о людях, которых следует уничтожить.

Гил чувствовал: закипающая ненависть требовала выхода. Сейчас принимает решения он, поэтому к черту Лерера. Пусть стреляет в женщину сам, если он такой бесстрашный.

Он осторожно просунул руки, чтобы поднять ее.

— Вы идете со мной.

— Нет! — Она высвободилась из его рук, и он, покачнувшись на корточках, уставился на нее.

— Послушай, женщина. Или я беру тебя с собой, по крайней мере попытаюсь взять, или я тебя убью. Я не вправе оставлять свидетелей, чтобы меня засекли. Поняла?

Она пристально посмотрела на него, понимая, что вполне логично, что иранское правительство не будет искать американский след в этом деле. Пока Гил не подошел к пассажирской двери, она даже верила, что их обстреляли такие же бандиты, как ее отец и его люди, которые сейчас мчались к ней на полной скорости.

Ожило радио Гила.

— Тайфун, имейте в виду… техника сообщает, что был сделан звонок женщиной по сотовому телефону. Повторяю. Женщина жива, и она сообщила вражеским силам ваше местоположение. Расчетное время прибытия — сорок минут. Вы поняли сообщение? Прием.

— Вас понял, Главный. Цель была устранена. Запрашиваю немедленную эвакуацию. Прием.

— Тайфун, вы объявляете чрезвычайное положение? Прием.

Гил понимал: добиться, чтобы «ночные сталкеры» прилетели днем, можно, только объявив чрезвычайное положение. Но он не имел права подвергать опасности экипаж только потому, что ему захотелось посоревноваться с агентом Лерером.

— Тайфун, вы объявляете чрезвычайное положение? Прием.

Гил поднял глаза к небу, густые серые облака плыли низко, а значит, его не засекут со спутника или с дрона.

— Нет, Главный. Не объявляю. Сейчас не объявляю. Придерживаюсь плана. Прием.

— Вас понял.

При обычных обстоятельствах сорок минут — это время с запасом, которого достаточно, чтобы скрыться от врага, который понятия не имеет, кого они ищут. Но уходить вместе с раненой беременной женщиной все равно что ехать на цветной лошади. Такие тренировки не были предусматривали. Ему придется делать все без подготовки.

— Можешь идти?

— Только не к афганской границе! — выкрикнула она. — Ты стрелял в меня, помнишь?

Гил не смог сдержать улыбки.

— И я могу выстрелить в тебя снова.

18
Афганистан

Кабул

Сотрудникам Госдепартамента США под кодовыми именами Том и Джерри было поручено доставить в президентский дворец афганскую валюту, по-местному афгани, на сумму двадцать шесть миллионов долларов. Во дворце их ожидал назначенный президентом Карзаем посредник, который должен был произвести выкуп Сандры Брукс у талибов. Самого президента во дворце в этот день не было. Он якобы уехал в Абботабад, чтобы обсудить план трансафганского газопровода, который протянется от Ирана до Индии.

Официально Том и Джерри — дипломаты американского посольства в Кабуле, на деле же они были хорошо вооруженными бойцами отряда специального назначения «Дельта». На них были штаны цвета хаки, черные кожаные сапоги, бейсболки и куртки серо-оливкового цвета фирмы North Face, под которыми они держали по пистолету-пулемету «HK-MP7»[54] калибра 4,6 мм.

Передав деньги посреднику, они будут поджидать его снаружи, затем незаметно проследуют за ним и за двумя его охранниками до точки обмена. Агенты должны были, во-первых, убедиться, что деньги не захватят по дороге, и, во-вторых, если уорент-офицер Брукс будет находиться при обмене — чего, разумеется, не ожидалось, — они должны проследить, чтобы ее благополучно передали посреднику, а затем на месте ликвидировать всех членов «Талибан» и «Хезб-е Ислами Кали», чтобы сберечь афгани на сумму двадцать шесть миллионов долларов.

Том сидел за рулем полуразвалившегося «Ниссана» и смотрел на дворец через солнцезащитные очки.

— Не доверяю я этому выродку. А ты?

Джерри поднял палец, прислушиваясь к сообщениям разведки, поступавшим через спутник в режиме реального времени с авиабазы Крич, в Индиан-Спрингс, в штате Невада. На базе Крич было расквартировано 432-е авиакрыло, персонал которого управлял БПЛА (беспилотными летательными аппаратами) прямо из удобных офисов с кондиционерами. БПЛА неспешно кружили над дворцом на десятикилометровой высоте; требовалось убедиться, что посредник не ускользнул через черный ход.

— Начинается, — сказал Джерри. — Пройдем через главные ворота.

«Ниссан», похожий на любые другие машины на задворках шумного города, они оставили на улице. Так как БПЛА патрулировали местность и следили за посредником, необходимость удерживать его в поле зрения у Тома и Джерри отпадала. Центральное командование снабдит их всеми данными, если они увязнут в пробке. Чтобы их могли легко узнать сверху, крышку багажника выкрасили в черный цвет.

Том сел за руль.

— Двигаемся.

Он позволил черному внедорожнику скрыться из виду и только потом тронулся.

Они петляли по улицам Кабула около двадцати минут, ориентировочно направляясь на юго-восток, пока из командного центра не сообщили, что внедорожник повернул к заброшенной промышленной зоне на окраине города. Том и Джерри остановили машину и стали наблюдать за тем, как внедорожник обогнул запутанный промышленный комплекс и въехал в огромный, в половину городского квартала, склад. Двое небрежно одетых мужчин с автоматами «АК-47» на плечах закрыли подъемную дверь за машиной.

Том припарковал автомобиль.

— Тебе не кажется, что эти двое талибы?

Джерри засомневался.

— Командный центр, двое мужчин в хаки, вооруженных «АК-47», стоят здесь и ждут Шакала.

Кодовым именем Шакал в радиопереговорах называли посредника.

Они сидели в машине на другой стороне улицы и внимательно следили за происходящим. По договору, американскому посольству не сообщали о месте, где должны передать деньги за Сандру. Для Кабула похищение заложников с целью выкупа — привычное дело, и это была обычная процедура, по которой добивались освобождения афганских чиновников и зажиточных граждан. Если не считать нескольких исключений, террористы, как правило, всегда возвращали заложников в течение суток со дня уплаты, и поэтому посольство США посоветовало правительству придерживаться отлаженной схемы, чтобы как можно быстрее и незаметнее вернуть Сандру Брукс.

Немного изменить систему должны были Том и Джерри — козырной туз в рукаве Госдепартамента США. Они должны были продемонстрировать, почему не следует ради наживы похищать и насиловать военнослужащих, по крайней мере, не к этому

должны стремиться молодые террористы. Считалось, что смысл подобного послания лучше дойдет, если оставить на месте обмена гору мертвых похитителей, но такое возможно лишь в случае, если Сандру действительно хотят обменять на деньги. В ЦРУ были сторонники теории, что Сандра будет присутствовать при передаче денег. Зачем держать человека в плену дольше, чем нужно, если за него уплачены деньги и все идет по проверенной схеме с посредником?

— Думаешь, она там? — решился спросить Джерри, откинувшись на спинку сиденья и упершись ногами в стенку автомобиля.

Том мотнул головой.

— Исключено. Все это дурно пахнет. И почему эти придурки вбили себе в голову, будто могут спокойно передвигаться с этими деньгами, не боясь преследования? Они же имеют дело не с афганским правительством, а как-никак с ЦРУ. Интересно, как они собираются избавиться от слежки.

— Да это ж дикари, — напомнил ему Джерри.

— Разве эти типы с автоматами похожи на пещерных людей? И даже если так, Шакал знает, что творится в небе. Он даже не спрашивал, будем ли мы следить за ним с воздуха. Он всего лишь улыбнулся, как будто знал что-то, чего не знаем мы. Хитрец что-то замышляет. Я уверен.

— Считаешь, он берет взятки?

— Все террористы берут взятки.

— Но Карзай лично выбрал этого парня в качестве посредника.

— Ну, и где же он? — воскликнул Том. — Скорее всего, уже свалил из этой чертовой страны. Говорю тебе, не нравится мне все это. Сообщи в центр, что мы подойдем ближе.

— Но мы…

Том проверил свое оружие.

— Давай, готовься растрясти жирок.

Джерри сел прямо и проговорил:

— Центр, внимание…Том хочет подойти ближе. Отсюда плохо видно.

Он остановился на мгновение, прислушался и взглянул на Тома:

— Они запрашивают разрешение из Лэнгли.

— К черту разрешение, — отрезал Том. — Пока Лэнгли почесывает яйца, с этим делом можно облажаться. Пошли.

Джерри вышел из машины и проследовал за Томом на другую сторону улицы.

— Центр, внимание. Мы двигаемся вперед для лучшего

обзора.

— Да они видят нас, даун.

Джерри рассмеялся.

— Поцелуй меня в задницу. Я выполняю свои обязанности.

На ходу они часто оглядывались, высматривая слежку, но никого не увидели.

— Эти люди чувствуют себя в полной безопасности, — отметил Джерри.

— А почему бы им себя так не чувствовать? — ответил Том. — Этот ставленник Карзая сейчас внутри, и если он заодно с членами ХИК, то чего ему бояться?

Они двинулись к противоположной стороне склада, где не было окон и камер. Они шли, не вынимая из карманов рук, чтобы в случае чего сразу начать стрелять.

— Эй, — обрадовался Джерри. — Центр только что получил разрешение от Лэнгли.

— Спасибо, центр.

Посчитав, что они достаточно отошли от главного входа, Том остановился у огромной двери.

— Отлично, приготовься. Начинаем.

Он толкнул дверь, но она оказалась заперта.

— Черт! Давай, теперь ты.

Джерри опустился на колено и вытащил из кармана отмычку. На случай, если их кто-то заметит, Том достал из-под куртки «МР-7». Джерри открыл дверь менее чем за минуту, затем пропустил Тома первым. Проскользнув внутрь, они обнаружили, что свет проникает в здание через стеклянную крышу. Темнее было вдоль стен, где по всему периметру склада растянулись полки. Сверху и снизу все было забито невообразимой грудой хлама. Здесь были запчасти для легковых машин и грузовиков, экскаваторные покрышки, фюзеляжи самолетов, различные деревянные ящики, какие-то бобины и множество пустых коек.

Том и Джерри пробирались через мусор, стараясь идти вдоль стены, так как договорились, что в случае чего выходить из здания они будут тем же путем. Внезапно спереди раздались резкие оглушительные звуки. С расстояния в пятнадцать метров они увидели, как пять разных машин различных моделей — легковые, фургоны — выстроились в линию, и все без номеров. Шакал стоял возле столов, где приблизительно двадцать человек делили афгани на пять равных частей и складывали в брезентовые мешки, и, по всей видимости, собирались погрузить деньги в эти пять автомобилей, а затем увезти в неизвестном направлении.

— По-твоему, это нормально? — тихо спросил Том.

— Откуда я знаю? — пожал плечами Джерри. — Что ты задумал?

Том старательно изучал жесты и мимику Шакала. Посреднику на вид было лет сорок, среднего телосложения; темные волосы и густые брови. Он выглядел так, словно исполнял роль не посредника, а надзирателя. Более того, он казался встревоженным и ежеминутно смотрел на часы.

— Сейчас познакомимся с этими ребятами, — решил Том, выдвигая приклад винтовки. — Тут что-то нечисто.

Джерри последовал его примеру, заранее сообщив в центр о своих намерениях.

Они не стали ждать ответа, а вышли из укрытия с оружием в руках.

— Стоять! — во весь голос заорал Том, выдвигаясь вперед. — Руки вверх, придурки!

Мужчины, вздрогнув от дикого крика, резко взметнули руки кверху.

Джерри быстро проглядел нижние ярусы полок и, пройдя вперед, встал слева от Тома. Теперь они стояли в позиции L и могли пристрелить любого, кто попытался бы бежать — пристрелили бы, без риска друг друга задеть.

Только Шакал и двое мужчин с «АК-47» оставались невозмутимы и стояли как ни в чем не бывало.

— Руки наверх, кому сказал! — рявкнул Том. — И не говорите, что не поняли.

Мужчины с «АК-47» медленно подняли руки, а Шакал только улыбнулся.

— Что вы здесь делаете? — спросил Шакал. При этом голос его оставался спокойным, а взгляд уверенным. — Вы хотите, чтобы ваша женщина-пилот умерла? Мы не можем тратить время. Вы не должны здесь находиться.

— Да что здесь, черт возьми, происходит? — потребовал объяснения Том.

— Мы распределяем деньги по машинам, — ответил Шакал. — Вы же не думаете, что мы все погрузим в одну машину? Это слишком глупо.

— Джерри, сообщи в центр, какая у нас тут сложилась ситуация.

Джерри связался с центром и начал по радио докладывать о ситуации.

— Мои люди могут опустить руки? — спросил Шакал. — Вы напугали их до смерти.

Том перевел взгляд на их лица. Они выглядели не испуганно, а воинственно.

— Не сахарные, подержат руки. А сейчас возьмите «АК-47» и опустите их на пол — медленно!

Шакал вздохнул и подчинился, объяснив по-пуштунски своим людям, что надо сделать.

— Заткнись! — резко оборвал его Том. — Или говори по-английски, или молчи!

Шакал снова вздохнул.

— Я только сказал им не опускать руки. Мы теряем драгоценное время.

Джерри все еще тихо разговаривал с центром, в деталях описывая происходящее оперативникам из Лэнгли.

— Сколько из этих людей принадлежат к «Талибан» или к ХИК? — сурово спросил Том.

— Никто из них не входит в эти группировки, — ответил Шакал. — У них работа. Они работают на меня — для всех нас. Они профессиональные посредники. Вам лучше уйти. Своим присутствием вы подвергаете опасности заложника.

— Джерри?

Джерри пожал плечами.

— Командный центр говорит, что Лэнгли не беспокоит то, что у нас здесь происходит. Они вне подозрения.

— Теперь ты доволен? — спросил Шакал. — Вы должны уйти. Не мешайте нам работать.

— Ни хрена я не доволен, — возразил Том. — Скажи своим людям, чтобы выстроились в ряд вдоль столов и заложили руки за головы. Нам надо проверить автомобили. И, если мне покажется, что ты скажешь какую-то дрянь на пуштунском, считай себя покойником.

— Может, поговоришь с ним? — обратился Шакал к Джерри. — Он сумасшедший. Видно, вам нужен мертвый пилот.

Джерри держал на прицеле группу мужчин.

— Том, Лэнгли хочет, чтобы мы ушли.

— Лэнгли там, а мы тут, Джерри, и они ни черта не видят, что происходит.

— А что ты тут видишь? — спросил Шакал, и в его голосе послышались нотки раздражения. — Скажи, что ты думаешь здесь увидеть?

— Горстку пугливых баранов! — гаркнул Том. — Давай уже, построй их к чертовой матери. Пусть они опустятся на колени, руки за голову. Живо!

— Конечно, они тебя боятся, — парировал Шакал, скептически посмеиваясь. — Ты же псих с пушкой!

— Быстро, построй их. Давай!

— Пожалуйста, — с мольбой в голосе обратился Шакал к

Джерри. — Поговорите с вашим командованием. Пусть они приструнят вашего напарника. Вашему заложнику грозит смертельная опасность!

Джерри все понял.

— Он не хочет, чтобы мы осматривали машины, Том.

— Конечно, подери твою задницу, он не хочет, — Том приблизился к Шакалу и повалил того на землю, приставив к носу ружье, и заорал во все горло.

— Ты не понял? Я сказал: построй своих ублюдков!

— Хорошо, хорошо! — закричал Шакал, выставляя перед собой руки. — Я понял. Но ты совершаешь большую ошибку. Тебя ждут неприятности. Я афганский дипломат.

— Ты вшивый грабитель! Живо построй их! — рассердился Том и пнул Шакала по ребрам.

Шакал быстро объяснил все своим людям, показывая руками, что надо сделать. Они не торопясь встали в линию.

Джерри сильно нервничал. Если они в конце концов застрелят всех этих людей, а окажется, что вышла ошибка и это действительно были посредники, тогда остаток жизни они с Томом проведут в тюрьме Ливенворт[55].

— Том, приятель, это не очень хорошо.

— Я знаю, — не спуская глаз с Шакала, сказал Том через плечо. — Но этот подонок лжет!

Он отстал от Шакала и стал бить мужчин под колено. Те падали друг за другом, пока остальные не поняли, в чем дело и сами не повалились на землю, держа руки на затылке.

— Скажи им, пусть расставят ноги!

Валяясь на земле, в пыли, Шакал передал людям, что от них требовалось, и они расставили ноги.

Наконец, ватага мужчин не представляла больше опасности, и Том отступил подальше, чтобы лучше их контролировать, пока Джерри будет досматривать машины.

Джерри проверил два седана и ничего не обнаружил. Затем направился к фургону, открыл боковую дверь и сразу увидел пропитанное кровью одеяло, в которое было завернуто что-то неподвижное. Выглядывала пара женских ног.

— Боже мой! — пробормотал Джерри. — Я нашел тело — это женщина!

— Вы ничего не понимаете! — встал на ноги Шакал.

Один из мужчин, воспользовавшись паузой, убрал руки и достал пистолет, спрятанный под рубашкой. Том по нему пустил автоматную очередь, задевая еще и соседнего мужчину. Остальные заложники в ужасе бросились наземь и закрыли головы руками, а Шакал в это время вывернулся и помчался к

внедорожнику. Но не успел он сделать и трех шагов, как Том выстрелил в него.

Джерри, сидя на корточках возле фургона, также направил оружие на людей, которые лежали сейчас ничком и писались в штаны. — Понятно?

Том перезарядил магазин.

— Им понятно.

Джерри поднялся и залез в фургон. Он увидел копну волос, выбивавшихся из-под одеяла. Наконец он отдернул его.

— Эти уроды забили ее до смерти!

Том подошел к мужчинам и принялся бить их ногами.

— Кто-нибудь из вас говорит по-английски? Никто, да? Тогда, суки, приготовьтесь сдохнуть!

Поднялась одинокая рука.

— Я по-английски немного.

— Ты по-английски немного? Поднимись ты, Немного по-английски.

Дрожа от страха, поднялся худощавый парень. Его штаны были мокрыми.

— Так кто ее убил?

Парень сразу указал на двух мужчин, лежавших на земле, сцепив пальцы на затылке.

Том наклонился к ним, и увидел, что на их пальцах запеклась кровь. Он со всей силы саданул их по грудной клетке.

— Это только начало.

Джерри накрыл тело одеялом и вышел из фургона.

— Центр, внимание, объект обнаружен мертвым. Повторяю. Объект мертв. С момента смерти прошло не менее двенадцати часов. Внимание, докладываю, Шакал погиб в бою. Мы просим управление по расследованию уголовных дел оказать помощь при сопровождении шестнадцати захваченных преступников.

Он терпеливо выслушал ответное сообщение, с гримасой отвращения на лице, потом ответил.

— Вас понял, центр. Все под контролем.

19
Иран

Провинция Систан-Белуджистан

Перед Гилом стоял нелегкий выбор: тащить с собой женщину — сложно, но не легче было выполнять то, что ему навязали. «Морские котики» — элитные бойцы, а не убийцы, они никогда не вступят в войну с женщинами и детьми, живущими мирной жизнью. Конечно, войну нельзя вести в белых перчатках: мирные жители случайно гибнут, но «морские котики» никогда не станут специально стрелять по гражданским. Большинство солдат, убив мирного человека, запрещает себе об этом думать — их это не трогает, по крайней мере, на первый взгляд. Они оправдываются тем, что война без жертв не бывает, они сражались за свою страну, и только Всевышний сможет во всем разобраться. А как иначе, как потом жить с таким грузом?

Полностью эту точку зрения Гил никогда не разделял, хотя порой ему не оставляли выбора, и с этим приходилось мириться. И все же он не хотел выполнять того, что требовало командование — убивать беременную женщину. Он не хладнокровный киллер наподобие Лерера, которому развязали руки в диком уголке планеты, чтобы он смог вершить свои грязные дела. Поэтому Гил заберет Шеркат с собой или умрет, попытавшись это сделать. Его ждала жена, лицо которой он хотел бы видеть, когда, наконец, оставит службу на флоте, но, если этому не суждено будет сбыться, смысла возвращаться тоже нет. Он не хотел вести себя как последний подонок, это пугало его больше смерти.

Большинство его коллег, оказавшись в подобной ситуации, пожалуй, скрепя сердце застрелили бы беременную женщину, а после пытались бы представить такое убийство как часть своей миссии — так же, как сам Гил, убивший двух мужчин во время молитвы. А были еще такие, как Кроссвайт и Стиллард, которые наверняка бы прикончили женщину, но по возвращении устроили бы скандал. Гил не смог бы объяснить, почему не поступит так же. Может, ему недостает крепости духа или дело в том, что в некоторых вещах он слишком верен вечным идеалам. Уверен он был в одном: спецназ ВМС США относится к женщинам иначе, чем «Талибан» к Сандре Брукс, и он докажет это, несмотря ни на какие сложности. И плевать на всех, кто с ним не согласен.

— Как я сказал, — пробормотал он, — у меня есть время.

Чтобы женщине было удобнее, он усадил ее на заднее

сиденье, а сам отправился подбирать хороший «АК-47» и оставшиеся магазины с патронами, все, которые мог унести. Он искал оружие, и в кармане одного из убитых случайно обнаружил старую русскую гранату «РГД-5»[56] и сто грамм тротила. Учитывая открытую местность и недалекий путь до места эвакуации, не было смысла тащить гранату с собой. К тому же эта граната с небольшим зарядом может причинить вред лишь тому, кто находится в непосредственной близости от взрыва. Лучший способ использовать ее по назначению — оставить здесь дожидаться неприятеля. Гил прижал предохранительную скобу, спрятал гранату в кармане убитого, придавил сверху телом и аккуратно вынул чеку. Если тронуть труп, то граната перевернется в куртке, ударник разобьет капсюль, зажжется пороховой заряд и через четыре секунды… они, наконец, лично увидятся с Аллахом.

В одном из внедорожников Гил обнаружил аптечку. Закрыв ватой рану на спине женщины, прижав руку к груди, перетянул ее ремнем, чтобы обездвижить сломанную ключицу.

— Тебе надо бежать, — напомнила она ему. Все ее лицо было в поту.

Он посмотрел на часы.

— Нам не надо далеко идти. И если не хочешь, чтобы я убил твоего отца, опиши, как он выглядит.

— Лучше убей его первым.

Гил дернул плечами.

— Как скажешь.

Он взял ее за руки, чтобы помочь встать на дорогу.

— А теперь слушай внимательно. Если ты будешь меня тормозить или выкинешь какую-нибудь штуку… словом, любая выходка — и я тебя застрелю. Понятно?

Она сердито посмотрела на него и тотчас нехотя кивнула.

С головой, обернутой куфией, как у бедуина, и с «АК-47» за спиной он отправился пешком по пустыне, держа женщину за руку. Они отошли примерно на километр от дороги, когда он усадил свою спутницу на землю. Потом взял лопату и начал копать.

— Твой отец, — контрабандист, верно?

Она накинула на плечи одежду, которую он захватил для нее, и, пропустив его слова мимо ушей, стала смотреть в ту сторону, откуда они пришли.

— По крайней мере, он должен им быть, — добавил Гил, ковыряя затвердевшую землю. — А то иначе охранники с завода, где готовили бомбу, давно были бы здесь. Сколько людей он возьмет с собой?

— Всех. — Она повернулась к нему.

Он рассмеялся.

— Смотрю, ты все никак не подобреешь ко мне.

— Ты убийца, — она снова сердито посмотрела на него.

— Надо признать, что в каком-то смысле это правда.

Он покопал немного, затем осторожно раскидал землю вокруг ямы, чтобы враг ничего не заподозрил, когда будет оглядывать местность в бинокль.

— Ты помнишь Неду? — спросил он через несколько минут, расширяя вырытый окоп, чтобы укрыть там Шеркат. Неда Ага-Солтан, двадцатишестилетняя иранская девушка, была убита снайперским выстрелом во время акции протеста в 2009 году[57]. Двадцатиминутный видеоролик с ее смертью разошелся по миру через Интернет.

Шеркат снова повернулась и посмотрела на него. В ее черных глазах таилось подозрение.

— Что ты знаешь о Неде?

— Я знаю, что ее убил кто-то из Пасдарана прямо на улице Тегерана.

Гил отпил из фляги. Пасдаран — корпус стражей исламской революции, военно-политическая организация, поддерживающая иранское правительство.

— Также я знаю, что она была среди демонстрантов, выступающих за права иранского населения.

— Никто не знает, кто убил Неду, — проигнорировала его слова Шеркат.

— Нет, вы знаете.

Он снова принялся копать.

— Даже в вашей стране есть хорошие люди. Не одни бандиты и наркоторговцы.

Она завертела головой, шипя.

— Я не контрабандистка, а вот ты убийца.

Он присел на корточки.

— Твой отец в месяц убивает больше людей, чем я убил за все годы службы во флоте. Но все правильно, правда. Они же всего лишь неверные.

Она глупо улыбнулась и снова отвернулась.

— Копай свою могилу, американец. Копай могилу и оставь меня в покое.

Он хихикнул, пробормотав:

— Это твоя могила.

Немного покопав, он снова спросил.

— Аль-Назари… он был твоим мужем?

— Он был больше, чем просто муж, — гордо ответила она. —

Он был герой. А теперь он святой мученик.

— Но он же был суннитом, а ты — шиитка.

Она рассмеялась.

— Кто это тебе такое сказал? Я не из семьи шиитов.

Она заметила обручальное кольцо на его руке.

— Что твоя жена думает о такой работе?

— Она точно не знает, чем я занимаюсь. Но если от этого тебе станет легче, то знай: возможно, я ее больше никогда не увижу.

Она полностью повернулась к нему лицом. Гордого выражения на нем уже не было.

— Мне очень больно.

— А ты держишься как чемпион, — подбодрил он ее. — Боюсь, что, если дам тебе морфин, потом ты не сможешь со мной идти.

Он остановился передохнуть, оставил лопату и снял куфию с головы.

— С другой стороны, из-за этой боли ты можешь преждевременно родить, поэтому выбор невелик.

Он перерыл свою личную аптечку. Затем впрыснул ей небольшую дозу морфина в раненое плечо. Ей сразу стало легче, с лица исчезло напряжение, расслабленная, она прикрыла глаза. Гил уложил ее в неглубокий окоп, всего на несколько сантиметров глубже, чем тело женщины.

— Когда начнется стрельба, пригни голову и не высовывайся, пока она не закончится. А теперь опиши, как выглядит твой отец, и я постараюсь не ранить его при стрельбе.

Морфин уже подействовал, и можно было извлечь нужную информацию.

— Он в очках. Черные усы.

Гил выкопал окоп для себя и занял позицию. У него была винтовка Драгунова и двадцать магазинов по десять патронов в каждом, которых, как ему казалось поначалу, должно было хватить. Но, в свете последних событий, стало ясно, что двухсот патронов маловато. У него было еще двадцать пять магазинов по тридцать патронов к «АК-47», но «АК» не давал преимуществ над неприятелем. Ему нужно постараться застрелить всех из СВД.

Прошло немного времени, и отец Шеркат прибыл на двух грузовиках, наполненных людьми. Всего человек двадцать. Большинство из них выстроили оборону вокруг попавшей в засаду колонны машин, а отец и его помощники ходили вокруг. Гил оценил движения отца, а затем переключился на остальных мужчин, высматривая снайпера.

Снайпера он заметил за кузовом второго грузовика. Тот

изучал местность в мощный бинокль. За плечом висела винтовка Драгунова с пластмассовым прикладом и с оптическим прицелом, — лучшим, чем ПСО-1. Учитывая экипировку снайпера, было понятно, что попался крепкий орешек. Вполне возможно, этот же снайпер когда-то убивал конкурентов-наркоторговцев, помогая тем самым отцу Шеркат выбиться в лидеры.

Непозволительно было бы оставить в живых такого профессионала, значит, самое время открыть огонь. Снайперскую дуэль на открытой местности можно приберечь для другого случая, Гил пока не хотел честной борьбы. Он навел оптический прицел на грудь вражеского снайпера так, чтобы в сетку попадала область сердца, и нажал на курок. В то же мгновение взорвалась оставленная Гилом граната.

Снайпер дернулся от звука взрыва, и Гил попал ему в грудную клетку.

Черт! Кто-то решил потревожить заминированное тело в самый неподходящий момент.

Он снова выстрелил, задев снайпера в левое плечо, и тот завертелся. Третья пуля случайно попала в другого мужчину, который убегал от взрыва и столкнулся со снайпером, сбив его с ног и утащив за грузовик.

Гил понял: он в глубоком дерьме. Снайпер жив. Может быть, он изнывает от боли, но все еще дееспособен и, несомненно, уже занял позицию для стрельбы и целится в Гила. Американец проверил оружие, не обращая внимания на боевика, подбиравшегося к нему, искал снайпера.

Но снайпер исчез.

Минуту спустя пятнадцать бандитов — в их числе и отец Шеркат — выстроились в цепь и начали подходить к Гилу, выставив «АК-47» в его направлении, готовые открыть огонь. Если Гил пустит сейчас автоматную очередь, то убьет только пару человек, а снайпер немедленно засечет его по облаку пыли, вздымаемой винтовкой Драгунова, и пристрелит Гила.

— Похоже на плохой день в Блэк Роке[58], — пробормотал он, радуясь тому, что женщина находится под действием морфина, а не то бы она сразу же выдала их расположение, пусть и под угрозой собственной жизни. На мгновение он подумал, что можно воспользоваться ей как живым щитом, но это было бы смешно и низко, даже крыса, загнанная в угол, не поступит таким образом. Гил мог видеть, как неприятель занял основную позицию.

— Тайфун Главный, вы слышите? Прием?

— Вас понял, Малый.

— Тайфун Главный, внимание… — Он запнулся, подбирая,

возможно, последние слова в своей жизни. — Тайфун Главный, внимание: меня окружил десяток-другой бандитов… я один против снайпера неизвестного ранга. Выйду на связь позже…если смогу выйти. Прием.

Немного тревожно прозвучал ответ.

— Малый, вы объявляете чрезвычайную ситуацию? Прием.

— Нет, Главный. Они обнаружат меня раньше, чем вы пришлете вертолет. Тайфун Главный, конец связи.

Он выключил радио и начал изучать цель через ПСО.

— Ну, где бы я спрятался на твоем месте, а, мудень?

20
Афганистан

Кабул, оперативный центр Группы по особым операциям

Агент Лерер, тяжко вздохнув, опустил чашку кофе на стол и с раздражением оглядел полупустое помещение центра.

— Какого черта он не выходит на связь? Как мы можем получить информацию в режиме реального времени, если он нам ничего не сообщает? Он знает, что мы его не видим. Сделайте же что-нибудь, я должен увидеть, что он там делает.

Офицер связи ВВС США кашлянула, чтобы обратить на себя внимание.

Он к ней повернулся.

— Мистер Лерер, Крич все еще на линии, — спокойно начала она. — Они говорят, что надвигается фронт. Но облака все еще низкие, на высоте полутора километров. Если направить беспилотник ниже, то его заметят.

Лерер сник. Он был уже не в состоянии следить за операцией — три недели подготовки к ней свели его с ума. Ему не показали, как застрелили Аль-Назари, а теперь он еще и пропустит возможную перестрелку. Он мог, пожалуй, вернуться в свой номер в отеле, так как сегодня сделал уже все, на что был способен. Идея опустить беспилотник ниже на мгновение, чтобы только увидеть Гила, показалась ему заманчивой, но если самолет-шпион засекут иранские власти, этого будет достаточно, чтобы обвинить США в убийстве Аль-Назари. Не то чтобы это задело его. Но прозвучало так, будто кто-то поддержит эту идею.

— Капитан Меткалф? Есть какие-нибудь предложения?

Меткалф сидел, откинувшись на спинку стула, и поглаживал подбородок.

— Вы должны позволить человеку выполнять свою работу. Мы же посылали его не репортаж вести из горячей точки. Мы послали его ликвидировать цель. Он это сделал. Сейчас он продвигается к точке эвакуации. Если ему что-то понадобится, можешь быть уверен, он даст тебе знать.

Лерер грустно улыбнулся, возмущенный присутствием начальства в штабе.

— Звучит как план, сэр.

В техническом плане Меткалф был только заинтересованным наблюдателем, но если бы что-то пошло не по плану или Лерер настучал, куда следует, Меткалфу пришлось бы брать на себя

ответственность.

Меткалф подмигнул Лереру.

Для капитана Меткалфа Лерер был всего лишь очередным шпионом ЦРУ, который стоял, закатав рукава рубашки, как будто собирался работать руками. Возможно, Лерер и был надежнее других, но он был и хитрее. Он считал, что в силу своей надежности он имеет право на какие-то определенные привилегии. Именно поэтому Меткалф пожелал, чтобы Лерер вместе с ним следил за ходом операции. Капитану нравилось смотреть, как молодой шпион глотает кофе — чашка за чашкой, так будто Хуан Вальдес[59] перестал выращивать кофе.

Что ему сейчас нужно, чтобы еще немного продержаться в форме, так это просто таблетка бензедрина[60]. И не придется накачивать себя кофеином каждые десять минут.

Заметив, как Лерер выбрался из комнаты, Меткалф подавил смешок и перемигнулся с офицером связи.

Она усмехнулась и отвернулась прежде, чем кто-то из сотрудников догадался, в чем дело.

21
Иран

Провинция Систан-Белуджистан

Гил нуждался в передышке. Стрелковая цепь из пятнадцати мужчин растянулась на сто метров, и сейчас они находились на расстоянии в четыреста пятьдесят метров от окопа Гила. Если они приблизятся еще на сто метров, а Гил их еще не убьет, то самое время объявлять себя покойником. Даже если дальше прятаться в окопе, что Гил и делал, то неприятель, вооруженный «АК-47», запросто может застрелить его прямой наводкой с такой дистанции. Американец смог разглядеть отца Шеркат, который решительно вышагивал в центре фаланги, приказывая «вправо — влево». Он намеревался вернуть дочь во что бы то ни стало, даже если ему ради этого придется пожертвовать своими людьми. Он, однако, рассчитывал, что снайпер застрелит Гила раньше, чем тот их. Очевидно, это были мужественные люди, не боявшиеся смерти.

Чего Гилу не хватало в этот момент, так это модульной снайперской винтовки Remington с глушителем и каких-то двадцати мелких сверхзвуковых пуль. Вместо этого он застрял тут с поганой русской пушкой, которая только и делает, что поднимает пыль, пока он крутится в окопе, и тем самым показывает всем желающим от Тегерана до Абботтабада, где он спрятался. Стрелковая цепь приближалась, и ему приходилось все чаще фиксировать сетку оптического прицела на мужчинах.

Можно считать это подарком Бога Войны, но внезапный резкий порыв ветра взметнул песок позади него, и Гил не преминул этим воспользоваться. Развернув винтовку Драгунова и направив ее на левый конец фаланги, он отыскал там центр и выстрелил. Тут же он молниеносно вернулся в то же положение, нашел центр правой стороны фаланги и снова выстрелил, продырявив живот шедшего там неудачливого стрелка. Пыль от обоих выстрелов осела быстрее, чем ее подхватил ветер.

Встречного огня не было. Тринадцать оставшихся мужчин стали идти медленнее, отчаянно высматривая Гила на местности через прицел «АК-47». Начиналась снайперская дуэль, которой он так хотел избежать. Ему придется найти вражеского снайпера сейчас, пока движение фаланги замедлено.

Направив оптический прицел на предполагаемую зону и разделив ее на несколько квадрантов, Гил всматривался и

старался обнаружить выдающий себя силуэт мужчины с винтовкой. Все равно фаланга больше заслоняла обзор вражескому снайперу, а не Гилу. Учитывая, что стрелок тяжело ранен, реагировать он будет медленнее, поэтому Гил рассчитывал на победу.

Кто-то из цепи открыл огонь, посчитав, что окоп Гила расположен на сорок пять метров ближе и левее, около небольшой низменности с камнями. Еще пятеро пустили автоматную очередь. Гил, воспользовавшись шумом стрельбы, пристрелил еще двоих мужчин с левой стороны фаланги. Центр он не трогал: они и впредь должны были загораживать обзор вражескому стрелку. Если огонь неприятеля будет достаточно плотным, облако пыли рассеется прежде, чем они поймут, что их обстреливают. Ему нужно соблюсти баланс, важный для каждого снайпера: успокоиться и сосредоточиться. Если Гил запаникует или на секунду потеряет бдительность, дуэль будет проиграна.

Одиннадцать мужчин находились теперь на расстоянии трехсот пятидесяти метров, поэтому можно было вздохнуть свободнее. Прошло тридцать секунд, и никто в него не выстрелил; но и он еще не обнаружил вражеского снайпера.

Позади рассеялись облака, и поток солнечного света осветил панораму местности перед Гилом. Теперь его заметят из-за солнечных лучей — как нельзя вовремя! У снайпера было преимущество в оптике, и он с легкостью мог отличить цвет полевой одежды американца от грунта пустыни. В то же мгновение горячая пуля вырвала кусок мяса из правого плеча Гила, прокатилась по спине и прошла через правую ягодицу, а затем, оцарапав пятку сапога, упала на землю. Следующий выстрел будет уже точно в голову.

Солнцем осветило и предполагаемое место снайпера: серебряной вспышкой сверкнул свет, отраженный линзой оптического прицела. Заметив, что противник спрятался между подножкой первой машины, Гил инстинктивно нажал на курок, стреляя сквозь фалангу бандитов в пространство между машиной.

Пуля прошла через оптический прицел неприятеля и пробила голову навылет.

Гил попал под обстрел: пули от «АК-47» сыпались рядом метеоритным дождем. Поворачивая винтовку Драгунова налево, он начал бить по боевикам, как по птичкам в тире. Свистящие рядом пули перестали его пугать, когда он ранил отца Шеркат точно в сердце. Когда последний бандит упал замертво, Гил поднялся и побежал, стреляя перед собой. Своих ран он уже он не чувствовал — только чистый адреналин в крови. Пустив очередь из Калашникова, он прикончил бандита, который еще оставался

жив после ранения в грудь.

Он даже не заметил, как добежал до тела вражеского снайпера. Тот лежал на спине перед грузовиком, левая сторона его лица была прострелена.

— Да ты, оказывается, левша.

Гил его пнул, высвобождая винтовочный ремень, затем открыл затвор привычной винтовки Драгунова и вытащил завидный трофей — пулю, которая могла его сразить. Спрятав ее в карман, он запрыгнул в первый внедорожник, повернул ключ зажигания и рванул по неровной земле пустыни, чтобы забрать Шеркат.

— Тайфун Главный, это Тайфун Малый. Внимание, я ранен, сейчас направляюсь в зону эвакуации. Повторяю. Я ранен и направляюсь в зону эвакуации. Расчетное время прибытия — пятнадцать минут. Прием.

— Вас понял, Тайфун Малый. Оставайтесь на связи.

Гил слушал, как Тайфун Главный передает команду экипажу «ночных сталкеров» и ждет подтверждения эвакуации.

— Варлок, это Тайфун Главный. Внимание, будьте готовы к экстренной эвакуации. Повторяю. Вылетайте для эвакуации.

— Вас понял, Главный. Сейчас взлетаем. Расчетное время прибытия — пятнадцать минут. Прием.

— Это Тайфун Малый, — отозвался Гил. — Вас понял. Внимание, я буду за рулем черного внедорожника «Ниссан». Повторяю. Я буду за рулем черного внедорожника «Ниссан». Прием.

— Вас понял, Малый. Мы прибываем. Прием.

— Вас понял, Варлок. Увидимся, когда…

Его подрезали два бело-зеленых «Ленд Ровера» иранской полиции, мчавших с завода, где создавали радиоактивную бомбу. Гил ударил по тормозам и выпрыгнул из машины с автоматом «АК-47» за плечами. Он обстрелял первый «Ленд Ровер» с сорока пяти метров и, истратив весь магазин, убил двоих мужчин. Затем перезарядил автомат.

Второй «Ленд Ровер» затормозил, и из машины выпрыгнули двое полицейских. Прикрываясь дверями, они стали от страха стрелять в разные стороны.

Гил лег на живот и пустил по автоматной очереди из шести патронов в каждую дверь, застрелив обоих полицейских. Встав на ноги, он понесся к окопу, где лежала, не двигаясь, женщина с затуманенным взором.

— А отец? — спросила она, когда он ее поднял.

— Сожалею, — вставая на ноги, закряхтел Гил от боли в ягодице. — Его больше нет.

Она попыталась ударить его по лицу, вырваться из его рук, но силы оставили ее.

— Ты попадешь в ад, — простонала она.

— И застолблю тебе местечко, дорогая.

Он усадил ее на заднее сиденье внедорожника, а сам, сев за руль, дернул рычаг коробки передач, нажал на газ и рванул с места, взметнув облако пыли. Он ехал на высокой скорости по труднопроходимой пустыне, поглядывая на GPS на липучке, натянутый на запястье. Через десять минут он заметил три вертолета «ночных сталкеров». Управляемые ракеты на крыше и ощетинившиеся пулеметы придавали им угрожающий вид.

«Ночные сталкеры» встретили его на полпути. Гил остановил машину, выпрыгнул сам, вытащил Шеркат. Вертолет приземлился, подняв вихрь пыли, и они к нему заспешили, с трудом пробираясь через потоки воздуха.

Капитан экипажа выпрыгнул из вертолета с винтовкой «М-16» в руках и поспешил им навстречу встречать.

— А это еще кто, главстаршина?

— Она беременна! — сквозь рев вертолета проорал Гил.

Молодой капитан покачал головой.

— Мы не можем ее взять! Нам не разрешается брать местное население! Вам придется ее оставить!

Гил прошел мимо него и усадил Шеркат в вертолет.

— Она сейчас разродится!

— Старшина, мы правда не можем. Нам надо взлетать!

Гил выхватил свой пистолет и передал его капитану, все еще перекрикивая гул:

— Ну давай, убей ее, сынок! Это же секретная операция! Нельзя оставлять свидетелей!

Капитан посмотрел на женщину и вернул пистолет обратно Гилу.

— Я не буду стрелять в женщину!

— Приказываю!

— А, как хотите, главстаршина. Только будьте готовы взять на себя полную ответственность.

Гил спрятал пистолет и сел в вертолет.

Через десять секунд они уже были в воздухе и летели в Афганистан.

22
Лэнгли

Заместитель директора по оперативным вопросам Клетус Вебб сидел за столом и беседовал с Робертом Поупом, когда директор Шройер, не стучась, важно переступил порог кабинета. Шройер не ожидал увидеть Поупа в кабинете Вебба, но это его не остановило.

— Что там, черт возьми, случилось при передаче выкупа? И почему я снова должен тебя искать? Старик мне уже весь мозг вынес по телефону, а у меня до сих пор нет точного ответа. Я чувствовал себя идиотом. Если Сандра Брукс мертва, президент должен об этом знать.

Вебб оставался по-прежнему невозмутим. Людей вроде Шройера и президента не интересовало, что проверка разведданных, собранных за тысячи миль в разных часовых поясах, требовала и времени, и усилий. Они хотели получить информацию прямо сейчас. Вебб перевел взгляд на Поупа.

— Боб?

Поуп вздрогнул от неожиданности, когда ему дали слово.

— А, да…Сандра жива, Джордж. Обнаружили не ее тело. Об этом-то я и зашел сказать Клетусу. Тело принадлежит замужней дочери президента центрального банка Афганистана.

Он повернулся, чтобы лучше видеть Шройера. Затем, отряхнув вельветовую куртку, поправил очки на переносице.

— Из тех данных, что мы собрали, можно пока заключить, что Шакал руководил бандой, похищавшей людей. Выяснилось, что никто в афганском правительстве не знал о похищении, потому что ее отец об этом не заявлял. Так как он затянул с платежом, Шакал, как и грозился, избил ее. До смерти. Ростом, телосложением и цветом волос она похожа на Сандру Брукс, и лицо — сплошное месиво… ну, учитывая обстоятельства, понятное дело, Том и Джерри предположили, что это она и есть. Управление по расследованию уголовных дел арестовало мужчин, но все они утверждают, что оставили вчера тело девушки в центре Кабула. Все указывает на то, что Шакал не собирался передавать деньги за Сандру.

Шройеру стоило больших усилий не взорваться.

— И сейчас выкупа не будет. Том и Джерри облажались.

Поуп покачал головой.

— Да нет, нет. Они сделали все четко, по инструкции.

— Я читал записи стенограммы из Крича, — признался

Шройер. — Тому и Джерри приказали отступить.

Поуп пожал плечами.

— Это не имеет значения.

— Как не имеет значения?! — взвился Шройер.

Почесав тыльную сторону ладони, Поуп скучающим голосом стал пояснять:

— Аналитики из Лэнгли не видели, что происходило на складе. Перед Томом и Джерри стояло три задачи: забрать Сандру, ликвидировать ее похитителей и сохранить деньги. Собственно говоря, сработали они идеально. Они и похищенное тело нашли, и сохранили каждый афгани, выданный Центральным банком. Также они устранили крупную бандитскую группировку, которая терроризировала город.

Поуп остановил взгляд между Шройером и Веббом.

— Это как раз тот случай, когда лабораторный эксперимент приводит к непредвиденному и необоснованному результату.

Вебб прокашлялся и заговорил, стараясь утихомирить Шройера:

— Прежде чем идти докладывать, я хотел уточнить у Боба детали. Прощу прощения, что не сделал это раньше. Мне и в голову не пришло, что президент все узнает так рано утром. Я думал, что у нас есть около часа, чтобы подготовиться. Я беру ответственность за задержку на себя.

Шройер принял оправдания Вебба, но было уже поздно, и президент дал ясно понять, что ему не нравится, что пока ничего не понятно.

— И что теперь? Нет выкупа, нет Сандры — ничего нет.

Поуп продолжал сидеть с отсутствующим выражением лица.

— Шакал был единственным, через кого мы держали связь. Все, что нам остается, — ждать нового посредника.

Шройер засунул руки в карман и нервно сжал их в кулаки.

— Ага, а новый посредник явится в виде новой серии видео с истязанием — только на этот раз с трансляцией по Аль-Джазира. Эти идиоты могут удвоить сумму выкупа. Я скажу президенту, что надо выступить по телевидению сейчас же. Ну, вы двое, объясните мне, какие у вас основания этого не допустить?

Вебб взглянул на Поупа.

Поуп тоже оглядел их обоих и стал нехотя делиться своими политическими соображениями.

— Ну… если мы предадим эту информацию гласности, у ХИК больше не будет оснований вести себя пристойно. Сейчас, насколько я понимаю, дела обстоят так: они все еще согласны на переговоры, но так, чтобы остальной мусульманский мир не узнал, каким образом они обогатились. Если же мы расскажем

всему миру об этом, у них не останется выбора. Они лишатся денег, но сыграют на пропаганде. Я бы порекомендовал подождать. И понаблюдать, как будет развиваться ситуация дальше. Дадим им сделать следующий шаг. Мяч стоит прямо перед их воротами, и мы рискуем совершить ошибку, если предвосхитим их следующий шаг. Важно не забывать принцип неопределенности Гейзенберга.

Шройер мельком посмотрел Вебба, тот, в свою очередь, взглянул на Шройера, слегка улыбаясь.

— И что это за принцип?

— Очень простой, — пояснил Поуп, — мы никогда не можем ничего знать наверняка. Если мы попытаемся предвосхитить следующий шаг ХИК, то можем еще больше навредить Сандре. Шансы у них хороши, но они, как и мы, не знают, что делать дальше. Так давайте не форсировать события!

— Почему ты считаешь, что это ХИК похитил Сандру? — спросил с подозрением Шройер. — Еще в прошлый раз ты упоминал талибов. С кем мы имеем дело, Боб?

Поуп улыбнулся.

— Это может показаться немного запутанным, как и вся история Афганистана. По последним данным разведки, у ХИК намечается что-то вроде альянса с Талибаном. А в действительности, по-видимому, ХИК использует талибов для грязной работы.

Покорно опустив голову, Шройер опустился на стул перед столом Вебба.

— Итак, пока ты здесь, Боб, давайте двигаться дальше. Хотелось бы, чтобы вы мне рассказали, чем завершилась операция «Коготь тигра». Как вы знаете, президент разрешил провести секретную операцию в Иране. Однако он не давал согласия на похищение граждан этой страны: слишком опасны возможные политические последствия. И это, я думаю, разъяснений не требует.

23
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабада

Когда раны на плече, на спине, на ягодице были зашиты, сделаны все обязательные уколы и все таблетки проглочены, хирург, наконец, отпустил Гила на допрос.

Главстаршина Стиллард вошел в смотровой кабинет с широкой улыбкой, протягивая раненому новые форменные полевые штаны.

— Ну что, приятель, готов лишиться второй половины задницы?

Гил усмехнулся и встал на ноги.

— О чем ты, черт возьми, думал, когда тащил эту женщину сюда? Боже мой! Гил, разве я тебя учил плохому?

Гил влез в штаны и присел на краешек кровати левой ягодицей.

— Подашь мне сапоги, старшина?

Стиллард вытащил из-под стула сапоги и поставил их перед ногами Гила.

— Мне приказали ее убить, — спокойно сказал Гил, осторожно влезая в правый сапог. — Поначалу я не видел ее живота. И я выстрелил через дверь внедорожника. А потом подошел к ней и был потрясен. Блин, она была уже на восьмом месяце… лежала, все лицо в крови… и держалась за живот.

Он покачал головой.

— Я был не готов к этому — совсем не готов. Разве я мог застрелить беременную женщину?

Стиллард нахмурился.

— Мог, если бы она представляла угрозу нашему государству — но это уже не наша задача: разбираться в таких тонкостях во время заданий. Ты и сам это знаешь. Для этого существуют разведчики. Если мы все станем сомнительными аналитиками, Группа по особым операциям развалится за год. Ты не особенный, Гил. И Лерер хочет надрать тебе задницу. Он хочет упрятать тебя за решетку.

Гил принялся натягивать левый сапог.

— Меня не волнует Лерер. Я боюсь за капитана Меткалфа — это ведь он отобрал меня для операции. И, кстати, я не боюсь попасть в тюрьму. Я другого боюсь: что меня отправят домой.

Стиллард был беспощаден.

— Тебя ждет и то, и другое. Несмотря на это, тебе придется понести наказание, в какой бы форме они его ни применили. Ты единственный, кто вышел за пределы допустимого в боевом задании.

Гил прекратил завязывать шнурки и посмотрел на Стилларда.

— Мне не сказали, что она беременна, старшина.

Стиллард хотел что-то сказать, но остановился.

— Ты говоришь, Лерер об этом знал?

— После того, как он хвастался налево и направо, что все звонки Аль-Назари прослушиваются, — как этот хитрец мог этого не знать? Он предоставил мне всю нужную информацию. Но умолчал о детали, которая обернулась для меня неприятным сюрпризом на задании. Он об этом знал, говорю тебе, — и нарочно поставил меня в невыгодное положение.

— Хорошо, — уступил Стиллард. — Предположим, он так и сделал. Но это не значит, что тебе разрешается переписывать внешнюю политику по своему усмотрению! Черт возьми, Гиллиган, ты похитил гражданку Ирана! Ты знаешь, как это может отозваться на международной арене. Не говоря уже о том, что ты привез с собой свидетеля политического убийства.

— Ну, так пусть Лерер убьет ее, если он такой смелый, — разозлился Гил. — Мы тут ее на этой чертовой базе и похороним, без свидетелей. Я даже лично вырою могилу!

— Ты же знаешь, что так нельзя, Гил.

Гил встал на ноги.

— А как можно, старшина? Давай, скажи. Значит, убить беременную женщину где-то в пустыне, когда никто не видит, нормально, а здесь посреди белого дня моральные принципы не позволяют? Что за двойные стандарты! Вы уж определитесь!

— Этим-то мы и занимаемся, — ответил Стиллард. — Иногда в нашем деле приходится марать руки. Если ты не можешь убить человека, мой тебе совет: смени работу, приятель!

Гил понимал, что совершил ошибку. Но также он сознавал и то, что иначе поступить просто не мог. Лучше умереть самому, чем убить женщину в положении. Ситуация напоминала огромный бутерброд с дерьмом, и с какого конца ни кусай — придется его проглотить. Только он на этот раз хотел откусить с середины: пусть все разозлятся.

— С доводами согласен, — ответил он, надев полевую форму и застегнув ее. — Уже есть фотографии с места боевого задания?

Стиллард набрал в грудь воздуха, заставляя себя немного расслабиться.

— Да. Иранские войска до сих пор не прибыли на место ликвидации. Это была бы безукоризненная операция с идеальным

убийством, если бы не твои домыслы. Главный штаб впечатлен и тем, сколько человек убито, и общим успехом. Они намерены внести эти ликвидации в твой послужной список… как бы то ни было, ты этого достоин.

Гил пожал плечами.

— Я не собираюсь выигрывать какие-то конкурсы. Если бы прицел снайпера не блеснул на солнце, я был бы сейчас мертв.

Стиллард вытер нос и повернулся к двери.

— Никогда не рассчитывай на удачу в бою. А теперь давай пойдем на обсуждение, пока за нами не прислали полицию.

Пока они шли по авиабазе, Гил приметил множество людей, суетившихся внутри дальнего ангара.

— Что за чертовщина здесь происходит?

Стиллард, мельком все оглядев, продолжил идти.

— Через сто часов начнется операция «Ограбление банка». По слухам, выкуп Сандры провалился. Но служба расследования уголовных преступлений военно-морской полиции дала нам одну зацепку, которая ведет в деревню Вайгал, поэтому на рассвете мы отправимся туда. Командовать будет Кроссвайт.

— Вайгал? — У Гила волосы на затылке зашевелились. — Это же далеко в Индии[61].

— Может быть, — предположил Стиллард, — но это уже не твои проблемы. Ты это пропустишь, пересидишь.

— Вот сидеть мне как раз больно, старшина. Я сейчас могу бегать, прыгать и особенно — плавать.

Стиллард остановился, чтобы прикурить сигару.

— Твоя задница нас там не спасет. Конечно, ранение в правую ягодицу не опасно, да и в этой операции не придется так концентрироваться… но все же мне нужен кто-то здесь, в запасе, кто будет знать координаты деревни. На случай, если мы оплошаем. И, кстати, вполне возможно, что мы оба на долгие годы окажемся за решеткой.

Гил вошел в ту же комнату, где получал задание для операции «Коготь тигра»; агент Лерер и капитан Меткалф уже ждали его, сидя за столом.

Было заметно, как нервничает Лерер.

— Присаживайтесь, главстаршина.

Гил отдал честь капитану Меткалфу и присел на краешек железного стула, закинув руку за спинку и немного облокотившись, чтобы не упасть.

— Может, дать вам подушечку? — спросил Лерер, прерывая напряженное молчание.

Гил строго взглянул на него:

— Нет.

Лерер украдкой посмотрел на Меткалфа. Тон Гила показал, что тот и не думает извиняться за вывезенную из Ирана женщину. Хирург еще продолжал обследование ее перебитой ключицы, но перед встречей Лерер выяснил, что состояние ее оценивается как «удовлетворительное» и что угрозы выкидыша нет.

Он протянул руку, включая маленькую видеокамеру на штативе рядом со столом.

— Итак, — начал Лерер, вынимая из папки стопку фотографий с высоким разрешением. Фотографии были доставлены час назад. — Начнем с самого начала. Я хочу, чтобы вы показали на этих фотографиях, где вы приземлились, где спрятали парашют и так далее. Как вы знаете, главстаршина, важно, чтобы вы точно описали все детали. И чем больше — тем лучше.

— А я думал, что с самого начала начнете именно вы, — сказал Гил, уставившись в камеру.

Лерер оторвался от фотографий.

— На борту самолета или во время прыжка произошло что-то такое, о чем мы должны узнать?

— На мой взгляд, это еще не начало, — ответил Гил, пристально глядя в камеру. По его манере держаться нельзя было догадаться, что командующий операцией сидел в метре от него.

Лерер откинулся на спинку стула.

— Хорошо. И что, по-вашему, было в начале?

— В прошлый раз мы были в этой же самой комнате, — пояснил Гил, — в тот раз, когда вы утаили от меня существенную информацию об одном из людей, которых мне приказали убить.

Лерер напрягся при слове «убить», которое обычно не употребляли в официальной обстановке. Теперь ему стало ясно, что Гил старается взять ситуацию в свои руки, перейдя в контратаку.

— Мастер-старшина, от вас ничего не утаили. Вам предоставили всю информацию, необходимую для выполнения задания. А теперь, возвращаясь…

— Оставаясь на этом пункте, — прервал его Гил. Затем настойчиво продолжил: — Вы послали меня в Иран убить беременную женщину и не сообщили мне о ее положении. В ваши обязанности входит сделать все возможное, чтобы я, вглядываясь в прицел, не увидел ничего неожиданного, отчего может дрогнуть рука или возникнуть вопрос, что я там делаю.

Лерер сделал глубокий вдох, собираясь возразить.

— Далее! — не давая себя перебить, продолжал Гил. — В мои обязанности входит все остальное, в том числе и непредвиденные

обстоятельства. Но вы нарочно утаили от меня существенную информацию только по одному мне известным причинам. Не пытайтесь отрицать, что узнали об этом только сейчас. Доказательства того, что вы знали или не знали об этом, вы предоставите трибуналу, под который я попаду. А там я более чем охотно буду требовать для вас понижения в должности или дисциплинарного взыскания. Я ясно изложил свою точку зрения, агент Лерер? Вы просили уделить больше внимания деталям перед камерой, и я постарался именно так и сделать.

Лерер выпрямился.

— Никто не станет требовать дисциплинарного взыскания за такое…

— Я не это хотел бы слышать. — Гил по-военному расправился. — На этот раз я требую присутствия представителя начальника военно-юридической службы корпуса морской пехоты. — Он повернулся к капитану Меткалфу. — Сэр, согласно «Единому кодексу военной юстиции США» я имею право на представителя начальника военно-юридической службы на допросах, которые могут повлечь за собой уголовное преследование. Указав параметры обсуждаемой операции и суть приказов, я оформлю все документально и подам официальный запрос.

Капитан Меткалф подал знак Лереру выключить камеру, и Лерер живо это сделал.

Капитан сцепил пальцы на столе.

— Ты действительно хочешь так поступить, Гил?

— Сказать честно, сэр?

— Хотелось бы услышать правду, сынок.

— Если меня посадят в тюрьму, сэр, я постараюсь сделать все, чтобы эта сволочь пошла со мной. Моя попытка может провалиться, сэр, но, по крайней мере, он закончит свою карьеру, а это может спасти несколько жизней спецназовцев… в будущем, сэр.

Лерер ощерился, но помалкивал, зная, что Меткалф здесь решает больше, чем он сам. Ему чудовищно не хотелось, чтобы представитель военно-юридической службы присутствовал во время допроса, и сейчас вся надежда была на Меткалфа.

Капитан откинулся на стул и скрестил руки на груди.

— Ты можешь не делать этого, если я скажу, что это я приказал утаить от тебя беременность Шеркат?

Это застало Гил врасплох.

— Сэр?

— Теперь, когда ты знаешь, что именно я приказал скрыть от тебя эти данные, ты по-прежнему намерен подавать прошение

начальнику военно-юридической службы?

В такой обстановке Лерер не мог выразить радости. Более того, он не ожидал, что капитан придет к нему на помощь и возьмет ответственность на себя. Теперь на умнике Гиле Шенноне можно поставить крест.

Гил на мгновение растерялся. Он чувствовал себя преданным со всех сторон, но не мог идти против капитана.

— Нет, сэр, — услышал он собственный голос.

— Очень хорошо, — сказал Меткалф, выпрямляя спину. — Мистер Лерер, замените карту памяти, а старую отдайте мне. Начнем сначала.

Следующие несколько часов прошли спокойно. Гил до последней детали описал, как он выполнил задание, Лерер, как мог, проявлял великодушие, даже в двух отдельных случаях похвалил Гила. О Шеркат не было сказано ничего, что выходило бы за рамки задания, но Гил понимал, что для допроса это не важно. Аналитики подключатся позднее, а после грядет дисциплинарное взыскание.

А, пусть все идет к черту, говорил он себе. Он выйдет в отставку. Пусть отныне сами сражаются на своих войнах. Наконец-то желание Мари исполнится.

— Спасибо, главстаршина, — сказал в конце Лерер. — Пока это все.

Гил встал и, отдав честь капитану Меткалфу, повернулся на пятках и вышел из зала.

— Вот вопрос, — озаботился Лерер, собирая фотографии в папку, — что делать с Шеркат?

— Я бы за нее не беспокоился, — ответил Меткалф. — Она уже поделилась секретной информацией о наркоторговле. И я знаю, что она зарекомендовала себя как ценный осведомитель. Мы даже можем уговорить ее работать на нас.

Хотя Лерер об этом и думал, он не хотел, чтобы это стало оправданием для Гила, вышедшего за рамки задания. Лерер не мог допустить слухов, что подчиненные умнее его.

— Да, это неплохая идея. Какие дисциплинарные меры вы хотите принять в отношении главстаршины Гила Шеннона? Хотите взглянуть на мои рекомендации перед тем, как я их отошлю в высшие инстанции?

Меткалф погрузился в размышления, потом покачал головой.

— Думаю, не стоит писать ничего плохого… поскольку я собираюсь представить его к Бронзовой звезде[62].

Лерер помрачнел.

— Боюсь, вы не поняли, капитан.

— Это оттого, что вы шпион, агент Лерер, — объяснил

Меткалф, вставая и поправляя свою форменную куртку. — Шпионы никогда не понимают военных. Вы, шпионы, слишком заняты собственной выгодой и продвижением по службе. Главстаршина Шеннон вышел за рамки задания, потому что вы сделали одну простую ошибку. Я не имею в виду сокрытие информации — это еще не доказано, и должно изучаться комиссией по контролю. Я имею в виду совершенно другое. Понимаете, в вооруженных силах США действует одно старое правило, о котором, вы, очевидно, ничего не знаете.

Лерер сел и, прищурившись, пристально смотрел на капитана.

— Командир не должен отдавать приказов, которые невозможно выполнить. Если он отдает такой приказ и тот не выполняется, командир виноват в той же мере, что и подчиненный. Поэтому вопрос к вам, агент Лерер: хотите понести такое же наказание, как и главстаршина Гил Шеннон за то, что не убил беременную женщину? Если нет, я бы на вашем месте закрыл рот… а то я сам приложу усилия, чтобы вышвырнуть вас из спецслужб. А сейчас, пока вы не ушли, я с радостью напишу о вас отзыв. Но желательно, чтобы через сутки и духу вашего здесь не было.

24
Афганистан

Военно-воздушная база Джелалабад

Когда стемнело, Гил вернулся в ангар, злой, как никогда. И не только из-за того, что его отстранили от операции «Ограбление банка», но и потому, что к концу недели ему, по всей видимости, придется вернуться в Хэмптон Роудс, где придется проторчать до конца срока службы, и все из-за одного несчастного шпиона в костюме, возомнившего себя Майклом Корлеоне. Гил увидел Кроссвайта; тот разговаривал с другим «морским котиком». Оба были частично экипированы, за плечами висели автоматы «М-4».

— Дайте закурить, — проговорил Гил, протягивая руку.

Кроссвайт вытащил из полевой куртки помятую пачку Camel и вытянул сигарету.

— Как дела?

— Хреново. — Гил, взяв зажигалку у Кроссвайта, зажег сигарету. — Они хотят упрятать меня за решетку.

— Ты уверен?

— Да они только грозятся. — Кроссвайт затянулся и, выпустив дым, проговорил: — Твою ж мать!

Второй боец тоже угостился сигаретой. Его звали Лескановски, но сослуживцы звали его просто Альфа — сокращенно от Алфавита. Белобрысый и голубоглазый, он был очень молод — всего двадцать четыре года.

— Это все из-за той женщины, старшина?

Гил кивнул.

— Зачем вы ее забрали с собой? Ну, она должна родить, и что?

— Она видела мое лицо.

Альфа вздернул брови от удивления.

— Неужели они взбесились из-за того, что вы ее не пристрелили, а привезли с собой?

— Ты убиваешь вооруженного духа, который случайно брел по дороге, и за это сидишь потом двадцать лет в Ливенворте, — жаловался Гил. — А если отказываешься застрелить беременную женщину, можешь сказать «гудбай» своей службе. Все, с меня хватит.

Альфа обменялся с Кроссвайтом взглядом.

— Думаю, теперь мы знаем, что нас ждет, если операция

«Ограбление банка» провалится.

Кроссвайт состроил рожу.

— Это все проделки негодяя Лерера?

— А чьи же еще? — Гил снова глубоко затянулся.

— Никогда не доверял этому гаду.

— Да, Меткалф, кстати, прикрыл его задницу. — Гил с отвращением сплюнул. — Не могу его понять. Он не казался мне лизоблюдом.

— Может, он собирается в отставку, — предположил Кроссвайт. — Готовит себе уютное местечко в частном секторе, где вертятся бабки. По слухам, у Лерера большие связи.

Гил окончательно вышел из себя.

— Я надеру ему задницу, когда мы окажемся на гражданке!

Хотя, конечно, это были только угрозы. Ничего не изменишь в запутанной бюрократической машине, битком набитой оглоедами, которые на ней наживаются. И у Гила были возможности на ней нажиться, но он ими не пользовался. Вероятно, винить в этом нужно только себя, но Гил не хотел брать чужих денег. И, конечно, он был не из тех, кто станет подниматься по служебной лестнице, стоя на трупе беременной женщины.

И пусть Лерер ходит с напыщенным видом, как королевское дерьмо, да и Меткалф — тоже, раз уж на то пошло. По крайней мере, на сей раз этому шпионскому выродку придется отвечать за свои поступки, хотя бы отчасти. Когда Кроссвайт и Альфа расскажут всем эту историю, негодяй будет молиться, чтобы хоть кто-то из спецназа ВМС согласился с ним работать.

— Ну что, ребята, уложились? — Гил выкинул сигарету. — Готовы задать им жару в деревне Вайгал?

Кроссвайт бросил свою сигарету и придавил ее ногой.

— Чтобы добраться до этой чертовой деревни, нам придется подниматься шесть часов в гору. Видел фотки со спутника? Несколько лачуг, спрятанные в горах. Выглядит как кадр из «Властелина колец».

Гил пропустит всю операцию, возглавляемую Стиллардом. Штурмовая группа спустится с вертолетов в долине, там, где не будет слышен шум винтов. Но даже если противник засечет гул, подозрений это не вызовет: в этом районе армейские вертолеты — не редкость. Если все пойдет по плану, то команда из десяти человек вступит в деревню на рассвете. У них будет время на прочесывание местности и, если потребуется, внесение корректировок в план.

Сам план был очень прост: тихо и бесшумно нейтрализовать караульных, войти в деревню, убить всех талибов, которые

встанут на пути, спасти Сандру и запросить эвакуацию. Ожидалось, что в деревне будет не больше тридцати талибов, поскольку Вайгал — деревня небольшая, и ее, скорее всего, будет нетрудно захватить. Но в этом никто не был уверен. Может оказаться и так, что они беспрепятственно вступят в деревню, а Сандры там не обнаружат. А может, придется приступом брать крепость Вайгал.

Разумеется, самый большой риск заключался в том, что Сандру убьют раньше, чем удастся ее обнаружить. Если это произойдет, всех ждет трибунал за самоуправство. Что бы ни случилось, Кроссвайт и Стиллард возьмут всю ответственность на себя, но вряд ли кто-то из «морских котиков» или «ночных сталкеров» позволит им это сделать. Они были намерены вместе разделить успех — или вместе предстать перед судом.

Гил знал, что даже если операция завершится громким успехом, они все равно могут попасть под трибунал. Если результаты ДНК мертвого талиба отправили куда следует, то санкции на операцию придется ждать еще несколько дней — если она вообще последует. Чурбаны из Госдепартамента пользовались какой-то сказочной математической формулой, высчитывая вероятность риска потенциального провала. И даже если операцию разрешат, обсуждение будет тянуться долго, со скрипом.

Будь Сандра политиком или гражданской журналисткой, никто бы из «морских котиков» или летчиков спецназа даже и не подумал бы о несанкционированной операции. Но Сандра была солдатом, таким же, как они, а еще она была женщиной… и история Джессики Линч[63] лишний раз показала, на что способна женщина-солдат — и что именно каждый солдат должен быть готов вытерпеть за родную страну. Каждый боец, участвующий в этой операции, без колебаний отдал бы свою свободу и жизнь ради того, чтобы вызволить из плена Сандру.

Одно не вызывало сомнений: каким бы ни был исход операции, каждый в штабе и в Госдепе узнает и поймет, что войска специального назначения не боятся действовать самостоятельно.

Перед ангаром остановился «хамви». Открылась водительская дверь, и оттуда выбрался главстаршина Стиллард. Он осторожно двигался в темноте и смотрел так, будто что-то задумал. Кончик его вишневой сигары ярко тлел.

— Альфа, собери наших в конференц-зале.

Альфа произнес «Есть, сэр!» и, повернувшись на каблуках, ушел.

Стиллард повернулся к Гилу.

— Нужно, чтобы ты отвез меня на «хамви» на площадку для сборов. Затем займи себя чем-нибудь часа на четыре, пока мы не отправим наших смельчаков на операцию.

Гил вскинул бровью, мгновенно закипая. Он не лакей, пусть даже его попросил главстаршина Стиллард, и, конечно, не следовало говорить с ним таким тоном.

Стиллард вытащил сигару изо рта и нахохлился.

— Не заставляй меня приказывать, главстаршина.

Несмотря на то, что они оба были в одном чине, Стиллард носил звание дольше и формально был старше.

Кроссвайт немного подался назад, понимая, что может завязаться драка двух старшин. Гил выдержал долгий взгляд Стилларда, но передумал с ним ссориться и покинул ангар, одержимый злостью и желанием кого-нибудь убить. Должно быть, поползли слухи, что его отправляют обратно в США, а в мужском коллективе на флоте нетрудно в одночасье стать персоной «нон грата».

Он поплелся на площадку и открыл дверь «хамви». Внутри на пассажирском сиденье сидел капитан Меткалф. На мгновение Гил потерялся.

— Не стойте там, главстаршина.

— Сэр! — Гил влез в машину, с мучением опуская на сиденье ягодицу, закрыл дверь. Меткалф зажег спичку и закурил одну из кубинских сигар Стилларда.

— Видите ли, — будто случайно заметил Меткалф, — меня здесь нет. Хорошо?

— Да, сэр.

Меткалф предложил Гилу отъехать.

— Вас, должно быть, обрадует новость о том, что агент Лерер решил покинуть Афганистан, — продолжал Меткалф. — Вашу операцию в Иране можно считать выполненной успешно. Все убитые боевики будут вам засчитаны. Кроме того, больше не будет разговоров о том, чего не было. Я представляю вас к «Бронзовой звезде», но особенно не надеюсь, что награду утвердят сразу, да и вы тоже пока тоже не ждите.

— Спасибо, сэр, но я не понимаю, что…

— Я знаю, что у вас есть вопросы, Гил, но вам придется пока пожить без ответов. Иногда я скольжу по тонкой грани, но почему я так поступаю — это уже мое дело. Ясно?

— Да, сэр.

— Хорошо. Суть в том, что единственный, кто приказал убить беременную женщину, был этот золотой агент, а я не терплю таких людей на своей территории. А теперь подкиньте меня до оперативного отдела, а потом езжайте в казарму и выспитесь —

это приказ. Машина моя, поэтому можете подержать ее до утра. На время, пока ваши раны не заживут, назначаю вас своим адъютантом на несколько дней. Справитесь?

— Да, сэр.

— Отлично, — Меткалф задымил сигарой, — потому что мой адъютант сейчас в Кабуле. Его оперирует стоматолог, а я не уверен, что справлюсь сам, без него. Представляете, у него прорезались сразу четыре зуба мудрости! Боже мой!

Гил рассмеялся.

— С моей женой было то же самое, сэр. Да, ему не позавидуешь.

25
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабада

Гил припарковал «хамви» перед казармой и вошел внутрь. Раненая ягодица жутко болела, вдобавок мучили переживания, связанные с допросом, — но все дело в самолюбии, уязвленном, когда Меткалф прикрыл Лерера. О перепалке со Стиллардом Гил уже позабыл. Время от времени «морские котики» бывают так же резки друг с другом, как волки в стае, которые грызутся из-за свежей добычи. Редко кого-то кусают по-настоящему, да и агрессия проходит быстро. У Стилларда были свои причины вести себя так в подобных ситуациях, у Гила — свои. Они оба — солдаты, а не учителя начальной школы.

Он нашел свой спутниковый телефон, затем присел на краешек стула, размышляя, позвонить ли Мари. Он размышлял, потому что не хотел с ней говорить — но чувствовал такую физическую потребность ее услышать, какая редко возникала на службе. Такая потребность указывает на слабость, а мужчина слабостей позволить себе не может, тем более, находясь на службе. Однако нужда есть нужда, а неудовлетворенные нужды превращаются в большие проблемы. Определив, что на родине сейчас девять утра, он позвонил в Монтану.

— Алло?

— Привет, дорогая, это я.

— Привет. Как ты? — спросила она, ощущая тяжелые нотки в его голосе.

— Сегодня был тяжелый день.

Она знала, что лучше задавать конкретные вопросы, но сейчас предпочла спрашивать иначе.

— Никого же не убили?

— Да нет, — ответил он, отметив, что голос прозвучал тонко.

— Хорошо, я рада, что ты позвонил, — призналась она, давая ему время собраться с мыслями. — Сейчас Осо пришел на кухню. Наверное, угадал по моему тону, что я разговариваю с тобой.

— Я отказался выполнить безнравственный приказ.

— Молодец. Я горжусь тобой.

— Я никогда не думал, что… — он стиснул зубы, стараясь не выдавать своего волнения.

— Здесь нет ничего постыдного, милый.

Он сжал виски.

— Послушай, любимая… если завтра услышишь что-то по радио… или прочитаешь в газете… я не знаю… не волнуйся. Я нигде не участвую сейчас… по крайней мере двое суток я свободен.

— Ты же знаешь, я не слушаю новости, когда ты на службе.

— Ну, если какие-нибудь дегенераты ляпнут тебе что-то в магазине, не верь. Будь хорошей девочкой, порадуй меня, хорошо?

— Ай-яй-яй, — послышался в трубке ее приятный смех.

Ее смех успокоил его.

— Я просто не хочу, чтобы ты волновалась.

— Ну, это просто устроить, — любезно сказала она. — Переведись в Хэмптон Роуд, пока не истек срок службы.

Он опустил голову, понимая, что как раз к тому все и идет.

— Осталось всего три месяца — и стукнет двадцать лет моей службе. Я же с ума сойду в этом Хэмптон Роуд.

— Хорошо, — спокойно сказала она, — тогда перестань говорить, чтобы я не беспокоилась. Ты же сам прекрасно знаешь, что если через десять минут прозвучит сигнал тревоги, ты первый займешь место в вертолете.

— Черт, женщина. Я тебе звоню, потому что мне плохо.

Снова послышался приятный смех.

— И как ты чувствуешь себя сейчас?

— Будто шлепаю тебя по попке.

— А ведь неплохо, когда ты звонишь издалека, — прощебетала она.

Он засмеялся.

— Нет, это не так далеко.

— А, все одно. Ну вот, сколько сейчас там времени?

— Ну, давай угадай.

Она снова залилась смехом: ей нравилось его дразнить.

— Ты же знаешь, я люблю угадывать. Мама передает тебе привет.

— Передай ей от меня тоже. — Выглянув в окно, он увидел Стилларда с сигаретой во рту, подходившего к зданию казармы.

— Послушай, любовь моя, мне тут пора идти. Я люблю тебя.

— Что, задание не ждет?

— Да, мэм.

— Ну, тогда пока. Я тоже очень тебя люблю.

Повесив трубку, Гил отворил Стилларду дверь.

— Что, уже готовы к отправлению?

Стиллард, хмыкнув, вошел в комнату.

— Да, все готово. Осталось только вертолеты вывести на площадку. У тебя случаем не завалялась нигде бутылочка

спиртного?

— У меня что, мало проблем?

— Блин, Гиллиган, ты цветешь и пахнешь, а вроде только из дерьма вылез.

Гил засунул руки в карман.

— Ты бы их всех перестрелял, старшина?

Стиллард вытащил сигарету изо рта и, глядя ему в глаза, сказал:

— Да, всех.

Гил кивнул и уставился в пол.

— И тогда бы я провел остаток моей никчемной жизни, просыпаясь рядом с ней, — продолжал старик. — Это ни о чем тебе не говорит? В любом случае, будь уверен, с тобой этого пока не случится. Послушай, я всегда за то, что оградит мою команду от неприятностей. Это я сказал Меткалфу, это я говорю и тебе. Так что пусть все идет своим чередом — и точка. Я сказал Кроссвайту, в чем дело, и он понимает, почему я на тебя наехал. Хотел проверить, слабак ты или нет.

— А, черт, — выругался Гил. — Он знает, что я не ударю старика.

— Кстати, и получаса не прошло после хирурга, как твою иранскую пленницу завербовали… так что прими мои поздравления. И еще: у нее мальчик. Ребенок подрастет, и лет через двадцать наверняка надерет тебе задницу или взорвет Таймс Сквер.

Гил улыбнулся.

— Слышал когда-нибудь притчу о партизане и коне?

— Да, помню эту вещь. — Он вернул в рот сигару. — Хочешь подшутить над стариком, малыш? Все, что ты только познаешь, я давно уже прожил.

26
Афганистан

Провинция Нуристан, деревня Вайгал

После того как капитан Кроссвайт и восемь «морских котиков» спустились по веревочной лестнице с двух вертолетов в низине в десяти километрах от деревни Вайгал, они прошли уже три километра пешком на север по лесистой труднопроходимой местности. Вместе с ними шел проводник — афганец Фарух. Он был таким же полноправным членом команды: с оружием в руках, в боевой камуфляжной форме.

Колонна растянулась по извилистой горной тропе примерно на семьдесят метров, и на каждом был шлем IBH[64] со встроенной гарнитурой и очками ночного видения. В качестве основного оружия каждый имел автомат с глушителем «М-4», но у многих было еще и дополнительное стрелковое оружие и различные виды взрывчатки.

Альфа возглавлял колонну. В какой-то момент его заставило остановиться блеяние коз. Он поднял кулак и присел на корточки на тропинку, затем вызвал Кроссвайта по рации. Остальные члены команды спрятались за деревьями и камнями.

Подоспел Кроссвайт и присел на колено рядом с Альфой.

— Что тут у нас?

— Козы, — произнес Альфа негромким голосом, которым обычно говорят в темноте. — Все козы Афганистана собрались здесь, я думаю.

Кроссвайт окинул взглядом лежащую впереди поляну, образовавшуюся в лесу несколько веков назад после горного обвала. Он увидел сотню коз, часть которых скакала по камням. Многие из них мирно лежали, подогнув под себя передние ноги. Несколько козляток прохаживались вокруг своих родителей.

— Какого лешего они тут делают?

Альфа указал на двоих пастухов, спавших под одиноко стоявшим деревом у горного ручья. Еще двоих он заприметил в полусотне метров от первой пары — те тоже устроились под деревьями, но с другой стороны, там, где начинался лес.

— Мы сможем пробраться через стадо и не разбудить их?

К ним присоединился Фарух, опустившись между ними на колено. Он тронул Кроссвайта за плечо.

— Нет, не сможем. Козы — очень пугливые и очень шумные животные. Они испугаются и поднимут шум, если мы пойдем

через стадо.

Он говорил с сильным акцентом, но речь была понятна.

— Боюсь, что пока это для нас проблема. Вы видите, что козы устроились и спят по обеим сторонам ущелья? Мы потеряем много времени, если пойдем в обход. Нам надо подняться выше и обойти стадо. И постараться не потревожить пастухов.

— Да ну их, этих пастухов, — сказал Альфа и предложил: — Давайте их уничтожим и продолжим двигаться дальше.

Кроссвайт покачал головой.

— Операция официально не разрешена. Мы не вправе никого убивать. Нам надо придумать что-то другое. А что, если тихонько проползти?

Фарух категорично махнул головой.

— Слишком большой риск. Подождите-ка… — Он поднялся, чтобы лучше осмотреть местность. — Здесь явно что-то не так.

Если не обращать внимание на запах, исходивший от животных, то для Кроссвайта все выглядело вполне невинно.

— А что такое?

Фарух снова присел на корточки.

— Они не похожи на пастухов.

Кроссвайт напряг зрение, стараясь различить посреди черно-зеленого участка земли, что углядел Фарух. Все четыре пастуха одеты соответствующе. Рядом с деревом, посреди поляны, лежал автомат «АК-47», но места здесь неспокойные, поэтому Кроссвайт не удивился, увидев оружие. Он посмотрел на часы и проверил GPS, по которому следил за перемещением на местности. В график они пока укладывались, хотя сейчас начинали терять время, между тем как самая крутая часть подъема была еще впереди.

— Как ты узнал, что они прикидываются пастухами?

— Потому что сам я раньше был пастухом, — ответил Фарух. — Они не пастухи… по крайней мере, не все из них.

— А зачем тогда им козы?

— Подождите. — Фарух пополз вперед.

Кроссвайт знал Фаруха по службе на базе, но в совместных операциях еще не участвовал.

— А этот афганец вообще знает, что делает? — спросил он у Альфы.

— Если он говорит, что что-то не так, — ответил тот, — значит, так оно и есть. Я верю ему. Пусть делает свое дело.

Кроссвайт прополз по-пластунски на животе, с «М-4» в руках, держа на мушке спавшего возле «АК-47» пастуха. Не важно, настоящие это пастухи или нет, но если хоть один из них проснется и схватится за оружие, Кроссвайту придется

действовать.

Фарух осторожно подошел к козлу и, присев рядом с ним на корточки рядом, стал поглаживать шею животного. Через минуту он лаской уговорил животное подняться и, придерживая его за рога, прошел через стадо. Вместе с козлом он смог пройти беспрепятственно, не потревожив ни пастухов, ни стадо козлов. Он отошел, крадучись, на три метра от дерева, где спал пастух, затем, спрятавшись за камнем, отпустил козла и прижал к себе автомат.

Немного спустя, Кроссвайт услышал по рации мягкий голос Фаруха:

— Мы можем на них напасть. Это наркоторговцы — они маскируются под пастухов. Их, скорее всего, мы встретим и дальше — они охраняют товар. Наверное, они тоже, как мы, направляются в Вайгал.

— Как ты это узнал?

— Я не могу объяснить прямо сейчас. Вам лучше довериться мне.

Кроссвайт проскользнул обратно в укрытие, чтобы посоветоваться с Альфой.

— И что ты думаешь на этот счет?

— Ну, если он говорит, что они контрабандисты, то я ему верю.

— Да, но это еще не дает нам право убивать их, — настаивал Кроссвайт.

— Ты командуешь, тебе и решать, — заключил Альфа.

Тем временем подтягивалась основная часть команды, и колонна уменьшилась уже до сорока пяти метров. Все внимательно следили за окружающей обстановкой.

Кроссвайт снова вышел на связь.

— Фарух, перед тем как я отдам приказ их ликвидировать, мне важно знать: почему ты решил, что это наркоторговцы?

Выдержав короткую паузу, Фарух ответил:

— Они выглядят, как контрабандисты.

Кроссвайт взглянул на Альфу, ощущая, как зашевелился внутри червь сомнения.

— И что, черт возьми, с этим делать?

Альфа не думая выпалил:

— Я верю ему, капитан.

— Ты хочешь попасть в тюрьму по его наводке?

— Я рисковал своей жизнью по его совету, и не один раз, и, как видишь, все еще жив.

Кроссвайт глубоко вдохнул и принял решение.

— Фарух, как ты предлагаешь обойти животных?

— Можете пройти таким же способом, как и я? — спросил Фарух.

— Господи, если б я знал. Оставайся на связи.

Затем капитан обратился к Альфе:

— Тут ничего не поделаешь. Следи за этими тремя духами под деревьями.

Кроссвайт подполз к козлу, присел рядом на корточки, как это недавно сделал Фарух, и стал гладить морду животного, подбираясь к шее. Когда ему показалось, что он завоевал доверие животного, капитан заставил того встать на ноги, протягивая руку к рогам. Но козел сейчас же отдернул голову и боднул Кроссвайта в ногу, а рога ударились о пистолет с глушителем HK Mark 23[65], привязанный к бедру. Спецназовец снова схватил козла за рог, на этот раз сильнее, и застыл, выжидая, что предпримет животное. Козел недовольно заблеял, но это, видимо, на его собратьев не подействовало, и поэтому капитан прошел той же дорогой, что и Фарух, ведя за собой упрямого зверя. По пути у них снова завязалась борьба, но Кроссвайт укрылся за камнем и, присоединившись к Фаруху, отпустил животное.

— Ты неплохо справился, — сказал Фарух.

— Я чувствовал себя идиотом, — пробормотал Кроссвайт. — Ну, что дальше? Мы же не можем ждать, пока остальные бойцы пройдут так же.

— Надо убить двоих, — посоветовал Фарух, указывая пальцем на двух мужчин.

Кроссвайт повернулся к Фаруху.

— Как ты узнал, что они прикидываются пастухами?

— Убьем их, и я покажу.

Кроссвайт изумленно на него поглядел, потом перевел взгляд на высокие хребты по обеим сторонам каньона. Если остальные солдаты будут обходить стадо, пробираясь между деревьями, это займет немало времени, и нет гарантии, что они не потревожат животных. К тому же, если Фарух прав, и дальше по дороге они повстречают остальных членов банды контрабандистов, то те могут легко перестрелять колонну. Будь это разрешенная операция, отслеживаемая беспилотником, проблемы бы не возникло. Инфракрасные лучи в два счета показали бы, где затаился неприятель. Однако сейчас им придется действовать по старинке, полагаясь только на опыт и интуицию.

— Дай мне свой пистолет, — решил, наконец, Кроссвайт.

Фарух вынул пистолет Mk.23 из кобуры и подал его капитану.

Кроссвайт, обрисовав команде ситуацию, прислонил автомат «М-4» к камню и тихонько поднялся. Вытащив из кобуры свой пистолет, он быстро его проверил и взглянул на двоих мужчин,

мирно спавших под деревьями на расстоянии тридцати пяти метров от него. Он осторожно обошел камень и, держа в каждой руке по пистолету, подкрался к дереву. Оба 11,43-мм пистолета Mk.23 были оснащены высокоэффективным глушителем. Пули пистолета имели дозвуковую скорость и поэтому подходили для бесшумной стрельбы, в отличие от остальных пистолетов. Кроссвайт превосходно стрелял обеими руками: он легко мог убить двоих мужчин одновременно, да так, чтобы ни один из них не проснулся и не поднял шума.

Он приблизился к спящим, прицелился им в лица и поочередно выстрелил с полутораметрового расстояния. Им пробило головы, и, точно с треснувшего арбуза, с них капала кровь. Капитан, согнувшись, повернулся к другим пастухам. Их ничто не встревожило. Они спали так, словно ничего не произошло.

Спустя мгновение к Кроссвайту подошел Фарух с его «М-4», и они обменялись оружием.

— Давай, показывай, как ты догадался, что они контрабандисты?

Фарух нагнулся к первому телу и приподнял одежду убитого, под которой скрывалась обычная форма афганского боевика, с гранатами и запасными рожками к «АК-47».

— Видишь? Они только маскируются под пастухов. Я с таким уже встречался.

Кроссвайт облегченно выдохнул и повернулся, чтобы прикинуть расстояние до двух других пастухов.

— А что с ними?

— Захватим их живыми, — предложил Фарух. — Те двое настоящие пастухи. Они охотно нам расскажут, сколько еще контрабандистов стережет наверху товар.

Они подошли к спящим мужчинам и увидели, что один из них — старик, а второму около тридцати. Кроссвайт наступил ногой на горло пастуху помоложе и приставил к глазам глушитель. Фарух же зажал рот старику и приставил к его виску пистолет, резко сказав им шепотом что-то по-пуштунски.

Оба пастуха, онемев от страха, быстро закивали головами с пониманием в глазах. Их уложили на живот и связали руки за спиной пластиковым хомутом.

Не дожидаясь подсказки от Кроссвайта, Фарух стал допрашивать старика.

— Мы можем послать вперед команду, — сказал, наконец, Фарух. — Впереди расположились на ночлег одиннадцать контрабандистов с пятью ослами, примерно в пятидесяти метрах от тропы. Старик говорит, что, вероятно, часовых нет, но он точно

не уверен. Рано утром они продолжат двигаться по тропинке к деревне Вайгал. Очевидно, в деревне их ждут примерно к утру.

Кроссвайт сел на корточки напротив Фаруха, глядя с опаской на старого пастуха.

— Спроси у него, с какой стороны они пришли? Почему ни одна коза не убегает туда, откуда пришли мы?

И снова Фарух долго спрашивал старика.

— Он говорит, что они движутся вниз по старой козьей тропе, огибая сверху ее восточную часть. — Он указал большим пальцем на север через плечо. — Говорит, что люди используют… веками использовали это место, чтобы напоить и накормить свои стада. Он говорит, что Талибан появились в этих краях полгода назад, когда стали поставлять свой опиум на рынок Таджикистана. Думаю, он не врет.

— Хорошо, — согласился Кроссвайт. — А что они сделают, если мы оставим их в живых?

— Вы спрашиваете меня или их?

— Тебя.

— Думаю, они погонят стадо обратно той же дорогой, вверх по склону, и потом спустятся в следующую долину.

Кроссвайт призвал по рации всю команду, и спецназовцы заняли позиции, укрывшись за камнями. К тому времени козы уже поняли, что приближаются люди, и, казалось, это не сильно их волновало. Капитан развернул карту и дал команду развязать руки старику. Затем он подсветил красным лазерным лучом место на карте, и Фарух удостоверился, что старик понял, где они сейчас находятся.

— Спроси у него, куда они двинутся, — попросил Кроссвайт.

Старик указал маршрут.

— Хорошо, Фарух, скажи ему: прежде чем двинуться дальше, пусть дождутся полудня. Если они отправятся раньше, их могут убить. Проверь, все ли он понял.

Фарух предупредил старого пастуха, и тот с невнятным бурчанием закивал головой.

— Он говорит, что понял. Они поступят так, как мы им сказали. Они не хотят проблем. И они любят Америку.

Кроссвайт кивнул.

— Эх, все любят Америку. Только убедись, что они поняли, и пусть лучше не отрывают своей задницы от поляны.

— Он обещает так сделать, — ответил Фарух. — Еще он говорит, что вы пахнете табаком и просит угостить его американскими сигаретами.

Кроссвайт усмехнулся. Достав пачку Camel из кармана на рукаве, он вытащил половину сигарет и протянул их старику.

— Скажи ему, чтобы не взрывал их до утра.

— Взрывал?

— Ну, не зажигал сигарет до утра.

Фарух перевел, и старик пригрозил пальцем, что-то бормоча.

— Он просит не беспокоиться. Он говорит, что воевал с моджахедами против русских и знает, как можно безопасно покурить ночью. Также он хочет узнать, могут ли они взять с собой оружие убитых под деревом контрабандистов.

Кроссвайт кивнул.

— Скажи ему, что это будет подарок, но пусть не трогают его до утра.

Фарух убедился, что старик все понял верно.

— У него есть еще вопрос. Он спрашивает, идем ли мы в деревню за американкой.

Каждый волос зашевелился на теле капитана.

— Спроси его, что ему известно.

— Говорит, нам надо поспешить. В деревню пришли ХИК.

27
Афганистан

Провинция Нуристан, деревня Вайгал

Сандра все еще пребывала в опиумном дурмане, когда Наим и Аасиф Кохистани вошли в комнату и остановились у ее кровати. Наим держал в руках керосиновую лампу, и в ее свете они ясно видели, что Сандра вся взмокла от лихорадки и рана на ноге гноится. Она смогла на мгновение приоткрыть свои блеклые глаза и прошептать «пошли на…», а закрыв их, вновь впала в беспамятство.

— Хороший подарочек мне приготовил брат Нуристани, — проговорил Кохистани. — Скоро нога сгниет, и инфекция проникнет внутрь. Без срочной медицинской помощи она скоро умрет….

Наим все еще злился из-за провала с выкупом Сандры. Он был не в курсе гибели Шакала и ничего не знал об арестах, но он точно знал, что денег его поверенные в Кабуле не дождались. Возможно, посредник оставил деньги себе, но Наим в этом сомневался. Говорили, что человек из кабинета Карзая достаточно надежен, и что денег хватит всем, поэтому жульничать не было смысла.

Когда утром появился Кохистани, Наим пришел в ярость и поклялся, что сотрет в порошок Сабила Нуристани, но потом Бадира сказала, что пленница умрет раньше, чем будет предпринята вторая попытка получить выкуп, поэтому Наим поблагодарил в душе Аллаха за помощь. Возможно, он сможет заключить сделку с Кохистани, чтобы компенсировать неполученный выкуп.

— Наша медсестра не очень хорошо лечит, — пробормотал он, недовольный тем, что Бадира недостаточно понимает в медицине.

— Дело здесь не в медсестре, брат, — вежливо поправил его Кохистани. — Медикаментов нет. Она курила сырец опиума, а он подавляет иммунную систему.

Наим с трудом представлял, что такое иммунная система и как она работает.

— Сколько за нее могут дать в таком состоянии? — резко спросил Наим.

Кохистани по-дружески опустил руку ему на плечо и улыбнулся.

— Тебе лучше бы перестать требовать выкуп за мою пленницу.

— Ты оставил ее мне, — не соглашался Наим. — Я думал, она тебе не нужна после допроса. И потом, я собирался поделиться с тобой прибылью.

— Меня не интересует прибыль, — признался Кохистани. Он посмотрел на своего охранника Рамеша, чтобы оценить, сможет ли тот, если потребуется, убить Наима.

— У меня есть более серьезные планы на эту женщину, чем какие-то презренные бумажки.

— Деньги — это не бумажки, — сказал Наим, сузив глаза и пристально взглянув на Кохистани. — Наверное, если бы «Хезби» не держали свои планы в секрете…

— У нас есть причина хранить все в тайне, — спокойно сказал Кохистани. — Я пришлю несколько винтовок и медикаментов для твоих людей.

— Нет, — отрезал Наим, отступая назад. — Этого недостаточно. Она стоит больше. У тебя есть связи в Аль-Джазире. Ты можешь показать ее по телевизору и прославиться. Я захватил ее и заслуживаю лучшей награды. Пока ты мне ничего не дал.

Кохистани шагнул вперед, вновь положил руку на плечо молодого человека и вежливо провел его в соседнюю комнату, где усадил за стол, освещаемый лампой.

— Мы не ищем славы, ты и я. Мы слуги Аллаха. Мы ведем священную войну, джихад… и все, что мы получим за женщину, должно применяться во имя Аллаха и только его. — Он смотрел Наиму в глаза, ожидая спора. — Ты хочешь узнать, почему не состоялся выкуп? Я скажу тебе: этого не разрешил Аллах. У него тоже более существенные планы на эту американку. — Он снова остановился, чтобы взять чашку горячего чая, которую принес в дом один из его людей.

— Сейчас, мой брат… я хочу, чтобы ты отдал мне женщину в обмен на оружие и медикаменты, которые я тебе предложил, а вместе с ней верни мне и кассету с видео.

Наим понимал, что добыча ускользает из его рук. Его невежественный ум отчаянно искал решения проблемы. Бросить вызов Кохистани прямо сейчас означает обеспечить себя проблемами на долгий срок, но он должен получить хоть какое-то утешение от своего неудавшегося выкупа.

— Хорошо, — решительно выпалил он. — Женщина твоя, мне достаются винтовки и медикаменты, а также видео. Я подожду, а потом сам продам его Аль-Джазире, а деньги потрачу на помощь деревне.

Кохистани мягко улыбнулся, в душе предпочитая убить Наима, но ХИК пока еще нуждался в Талибан, поэтому стоило относиться к ним терпеливо. Он понял, что Наим чрезвычайно амбициозный парень — фанатичный ваххабит, страдающий манией величия. Если его предоставить самому себе, то он легко может стать лидером полевых командиров в регионе, а Кохистани в последнюю очередь нуждался в авторитетных варварах внутри сферы его влияния. Неграмотные фанатики непредсказуемы, они представляют угрозу как другим людям, так и себе самим. Положение усугублялось тем, что Наим был одержим гордостью и жадностью — практически психопат. Кохистани хорошо понимал, почему талибы отослали этого буйного парня подальше на юг — они сами хотели от него избавиться, и создать ХИК новую головную боль.

— Очень хорошо, брат, — решил Кохистани. — Я дам тебе одну хорошую канадскую снайперскую винтовку и пятьдесят патронов в обмен на видео… ее доставят вместе с другим оружием и лекарствами. — Кохистани имел в виду захваченную винтовку McMillan Tac-50[66].

Глаза Наима заблестели. Другого шанса заполучить такую винтовку у него не будет.

— Я хочу сто патронов.

Кохистани пожал плечами.

— У нас сейчас есть только пятьдесят, брат, но патроны достать легче, чем саму винтовку. Тебе лучше принять мое предложение.

— Тогда хорошо, — рявкнул Наим, уже ощущая, как держит винтовку в руках. С таким оружием он будет чувствовать себя на равных с американцами. Он сможет взрывать их плоть так же, как взорвали его двоюродного брата Мухаммада, чье тело, разорванное пополам всего одним выстрелом, доставили на грузовике в дом дяди. Наим приказал одному из людей принести видео.

— Зачем оно тебе?

— Я передам его человеку, который знает, как его использовать во славу Аллаха, — ответил Кохистани, довольный тем, что молодого простофилю, сидящего перед ним, он купил за игрушку. Сейчас ему нужно было втянуть американцев в зону боевых действий. Совсем скоро граждане Америки будут настойчивей требовать возвращения своих войск домой.

— А сейчас, брат, мне нужно идти. Американку мы возьмем с собой. Я надеюсь, ты не возражаешь, если мы заберем с собой и медсестру?

Наим покачал головой.

— Забирай обеих. Медсестра все равно вдова. У нее никого нет. Ты отправишь американку в Базарак[67]?

Кохистани немного помедлил с ответом.

— Нет, на север, в Парун[68].

— Ясно, — ответил Наим, подумав про себя, что Парун как раз восточнее Базарака. Он знал, что ХИК уже укрепились в Панджшерской долине.

Пока Кохистани допивал чай, они говорили о джихаде, и лидер ХИК оказывал молодому выскочке больший почет, чем тот заслуживал. В течение часа Сандру завернули в простыню и закрепили на русских носилках, оставшихся еще с предыдущей военной кампании. Спавшую в доме Бадиру разбудили и велели ехать с людьми из ХИК, которые увозили американку в Парун. Медсестре дали время одеться, а после вытолкали за дверь.

Она пошла узкой тропинкой, которая вела к воротам в деревню, где увидела четырех мужчин, державших в темноте носилки с Сандрой.

Из соседнего дома вышел Наим — он шагал впереди Кохистани, удерживая в руках керосиновую лампу.

— Бадира, ты едешь с этими людьми, чтобы присматривать за Сандрой.

— Я ничего не могу для нее сделать, — сказала она с презрением. — Нет лекарств, только опиум, который может дать ей каждый.

— Вот ты его ей и дашь, если понадобится, — отрезал Наим. — Людей брата Кохистани не должны волновать женские дела. Они же воины! Закрой свой рот.

К огромному облегчению Бадиры, на помощь спешил Сабил Нуристани с фонариком в руках.

— Подожди, Наим! Ты не можешь посреди ночи отдать нашу единственную медсестру.

Кохистани шагнул вперед, говоря с Нуристани на языке калашей.

— Не бойтесь. Я очень скоро вам ее верну. Ты сохранил американке жизнь и этим оказал нам большую услугу. Когда вернется Бадира, я пришлю с ней в деревню лекарств.

— Лекарства, которые украдет он. — Сабил указал пальцем на Наима.

— Я отправлю много медикаментов, хватит для всех, — заверил его Кохистани, стараясь пообещать все возможное, чтобы избежать столкновения двух противников и как можно скорее покинуть деревню.

— Нет, — возмутился Сабил. — У нас у самих тут больные люди. Я глава деревни, и я говорю, что наша медсестра никуда не

поедет.

Наим выхватил у одного из мужчин палку и, шагнув вперед, со всего размаха ударил Сабила по голове. Тот упал замертво, уронив фонарь на землю.

— Надо было сделать это несколько дней назад.

Бадира подбежала к Сабилу и, опустившись на колени, закричала:

— Он мертв! Ты убийца!

Наим оттолкнул ее от тела, ударив ее по спине палкой.

— Подчиняйся, женщина! Иди — и больше не возвращайся! Это больше не твой дом!

28
Афганистан

Провинция Нуристан, деревня Вайгал

Кроссвайт, убедившись, что его бойцы поняли план действий, двинулся вместе с Фарухом вверх по тропинке на разведку — искать стоянку контрабандистов. Они рассчитывали обнаружить наркоторговцев метров через 50–60, но не прошли они и полусотни шагов, как услышали пуштунскую речь, доносившуюся из-за дерева. Военные застыли, держа оружие наготове; в приборах ночного видения показались мужские фигуры, осторожно ступающие в темноте.

Фарух прошел вперед и что-то произнес спокойно по-пуштунски.

Кроссвайт быстро отошел назад, отступая от Фаруха. Остальные мужчины их не видели, но, разумеется, стали подходить на звуки голосов, размещаясь по краям. По резкому тону разговора капитан понял, что человек за деревом напустился на Фаруха, выспрашивая, кто он и что произошло на поляне. Он намеренно говорил слишком громко, чтобы его люди собрались поблизости и заняли нужные позиции.

Присев, Кроссвайт стал быстро передавать сигнал по рации. Трижды нажал на кнопку, затем, подождав три секунды, повторил это же еще три раза. Это — сигнал для Альфы: двигаться вперед и приготовиться к бою. Приглядевшись к позе Фаруха, капитан понял, что тот также ожидал нападения, хотя голос его и оставался по-прежнему сдержанным. Он различил сигнал рации о боевой готовности и знал, что его задача теперь — потянуть время, пока остальные «морские котики» займут места.

Мужчина за деревом был занят тем же самым — медлил, чтобы подготовились его люди. Кроссвайт сомневался, что наркоторговец в курсе, что на их территории американцы. Скорее всего, тот решил, что Фарух — местный бандит, который хочет захватить товар. Из-за дерева Кроссвайт не мог следить за мужчиной, поэтому ему оставалось надеяться, что Фарух в случае чего справится с ним сам. Капитан быстро оценил обстановку: десять человек, поровну разделившихся по обе стороны тропинки, пробирались вслепую между камнями и деревьями, а это означало, что менее чем через минуту они с Фарухом будут окружены.

Альфа с командой оказались в пределах видимости, и

Кроссвайт услышал, как Альфа стал определять цели для каждого бойца.

Внезапно разговор между Фарухом и пуштуном оборвался, и лес погрузился в неприятную, жуткую тишину. Оба мужчины припали к земле.

Альфа тихо скомандовал:

— Огонь.

Винтовки «М-4» с глушителем шикнули в темноте, и Кроссвайт увидел, как восемь пуштунов-контрабандистов упали замертво. Пара автоматов «АК-47» покатилась по склону, прямо справа от него, но спецназовцы сейчас же их подхватили.

Из-за дерева показался контрабандист с гранатой в руках. Он ее бросил, и Кроссвайт услышал, как она лязгнула между камнями прямо позади него. Фарух нырнул за булыжники, капитан же инстинктивно приник к земле, понимая, что он в зоне поражения гранаты. Взрывной волной его оторвало от земли и отбросило на валуны. От удара грудью у него перешибло дыхание. Больше он ничего не слышал, кроме своего же жалобного стона, который издал, когда попытался шевельнуться — и не смог, тут же потеряв сознание.

Кроссвайт очнулся от яркого света фонарика, бившего в глаза.

— Капитан, вы меня слышите?

В голове начало проясняться. Пошевелившись, он первым делом схватился проверить пах.

— Все на месте, капитан. Вы в порядке. Немного контузило, растрясло — и только.

— Помоги встать на ноги. — Он неловко, на ощупь сделал первые шаги.

Военный санитар приложил свою крепкую руку к груди, поддерживая его и усаживая затем на землю.

— Вас не на шутку тряхануло. Не шевелитесь.

— Что с тем мужчиной за деревом?

— Он мертв, — ответил Альфа.

— Фарух?

— Он в порядке, капитан. Мы все невредимы, территория под контролем. Просто не шевелитесь, пока не придете в себя.

Альфа отвел Фаруха в сторону.

— Тебе что-нибудь сказал тот пуштун? Есть кто-то поблизости, кто мог слышать взрыв?

— У меня сложилось впечатление, что они очень удивились, увидев людей в этом месте, — ответил Фарух. — Это значит, теперь мы в безопасности, но… всякое бывает, мы же в Гиндукуше.

Один из членов команды, снаряженный на поиск вьючных ослов, сообщил по рации:

— Альфа, это Тригг. Мы обнаружили пять ослов в семидесяти метрах от тропы. Здесь никого, но мы кое-что нашли. Это лучше увидеть своими глазами.

Через несколько минут Кроссвайт снова поднялся на ноги, но все по-прежнему плыло перед ним, так что временно командование на себя взял Альфа. Надо признать, они все были сейчас очень уязвимы — операция шла не по плану. Они направились к Триггу, которого обнаружили рядом с пятью неподвижными ослами. Груз с опиумом был связан в кучу и свален с краю тропинки.

— Что там? — спросил Альфа.

Тригг двинулся в сторону, приглашая проследовать за ним.

— Я почти угодил в ловушку, — тихо сказал он. Остановился в тридцати пяти метрах от того места, где тропинка начинала сужаться, и, включив карманную лазерную указку, подсветил установленные на уровне колена растяжки, проходившие зигзагами через тропинку. Сквозь очки они представали белыми нитями.

— Видел их раньше?

Альфа покачал в темноте головой.

— Нет. Они так заметают следы или что? И куда это ведет?

Тригг повернулся, обратив лицо в ту сторону, откуда они пришли.

— И еще две противопехотные мины висят на деревьях.

Альфа, тоже обернувшись, увидел пару противопехотных мин M18A1[69], подвешенных к деревьям над головой, по обеим сторонам тропинки. Было очевидно, что любой, кто среди ночи будет передвигаться по тропе, натолкнется на них, взорвется сам и, ко всему прочему, заберет с собой всех людей в радиусе сорока пяти метров.

— Наркотики — грязный бизнес, — пробормотал Альфа. — Мы должны быть предельно осторожны сейчас… мы отстаем от графика.

Они обезвредили мины, убрав их подальше в целях безопасности. Ослов отпустили, и команда приготовилась к дальнейшему пути. Тригг шел впереди, подсвечивая лазером небезопасную тропинку.

Через час Кроссвайт оправился и снова принял командование. Чтобы опередить солнце, капитан постоянно подгонял свой отряд, заставляя бойцов стремительно взбираться наверх, двигаться в два раза быстрее и без остановок, не проверяя GPS по пути. Подъем был изнурителен, и спецназовцы уже

опустошили свои фляги. Если кто-то отлучался в туалет, после ему приходилось бежать еще усердней, чтобы нагнать команду. Времени до рассвета оставалось слишком мало, а ведь нужно было еще провести разведку в деревне и саму операцию.

Через три часа подъема Тригг свернул с тропинки и оказался лицом к лицу с семью пуштунами, спускавшимися с горы навстречу наркоторговцам.

Шагая с автоматами «АК-47» за плечами, они непринужденно болтали о чем-то между собой. В это время пять спецназовцев стремительно появились из-за поворота, держа наготове винтовки. Тригг и Кроссвайт бросились на двух впереди шедших пуштунов, и все вместе, повалившись на землю, превратились в кучу спутанных ног и оружия.

Испуганные пуштуны принялись вопить и кричать, пытаясь понять, в чем дело. Чтобы еще больше смутить афганцев, Фарух пламенно обратился к ним на пуштунском, но в этот момент кто-то начал стрелять. Ситуация приняла угрожающий оборот. Остальные спецназовцы подбежали к пуштунам и обезоружили их. Секундой позже началась заваруха. Мужчины дрались врукопашную прикладами винтовок и ножами, пиная и толкая друг друга, чтобы освободить пространство.

Кроссвайт, схватившись с пуштуном, ткнул того ножом в руку, повалился на землю и ощутил во рту вкус крови противника. Оказавшийся сверху тщедушный мужчина ударил капитана по лицу здоровой рукой. Наконец, Кроссвайту удалось вдавить большие пальцы глубоко в глазницы пуштуна. Спецназовец поднялся, но сейчас же снова повалился на землю вместе с Фарухом, которого сбил с ног подоспевший на помощь пуштун. Один из «морских котиков» пролетел мимо, целясь прикладом винтовки в пуштунского боевика, который, не целясь, поливал вокруг свинцом из автомата «АК-47». Спецназовцу удалось съездить тому по лицу прежде, чем пуштун успел выпустить пули в сторону американцев, — тем самым он спас жизни двоим своим товарищам, не говоря о себе самом. Если бы Тригг и Кроссвайт были на ногах, пока пуштун стрелял в их направлении, они уже были бы покойниками.

Когда подоспели четверо остальных «морских котиков», перед ними развернулась панорама битвы. Три оставшихся в живых пуштуна без приборов ночного видения не могли разглядеть, что происходит, и потому судорожно вцепились в свои автоматы Калашникова, не рискуя стрелять. Пуштуны бросились врассыпную, но, не сделав и трех шагов, упали замертво.

Схватка закончилась. Найдя на земле свой автомат, Кроссвайт провел перекличку. Все были живы, правда, двое

разбили очки ночного видения, а еще одного спецназовца — Фишера подстрелили в левую лопатку.

— Я все сделаю сам, — настаивал Фишер, когда санитар перевязывал ему плечо. — Только освободите предплечье, чтобы я переложил все в другую руку.

Кроссвайт до сих пор отплевывался от пуштунской крови. Его лицо было в рваных ранах, а переносица разбита в кровь.

— Ты левша, сынок?

Фишер покачал головой.

— Нет, капитан.

— И то хорошо, — пробормотал Кроссвайт и, отобрав троих, приказал отдать Фишеру свои пистолеты, забрав у него «М-4» и патроны к нему. — Итак, слушайте, — сурово объявил капитан негромким голосом. — Операция принимает нешуточный оборот. Никто не знает, сколько еще «духов» мы встретим в пути. Предлагаю проголосовать, будем мы участвовать дальше в этой операции или нет. Нас всего десять, но если кто-то решил, что игра стала не в кайф, мы вернемся обратно и не будем никого обвинять. Полную ответственность за операцию несу я, и я потружусь, когда вернемся, чтобы никто не узнал, где мы были.

— Никто же не будет голосовать только из-за меня, — выпалил Фишер. — А со мной все в порядке.

Больше никто ничего не сказал.

Наконец, Альфа кашлянул, и Кроссвайт посмотрел на него сквозь очки ночного видения.

— Что думаешь?

— А как ведут себя в «Дельте»? Чешут назад, едва завидев опасность?

Кроссвайт усмехнулся.

— Тогда поторапливаемся. Мы не укладываемся в график.

29
Афганистан

Провинция Нуристан, деревня Вайгал

Остановившись во время спуска с гор, Сандра и ее захватчики слушали в темноте звуки стрельбы из «АК-47», доносившиеся с противоположной стороны долины. Когда через пару минут стрельба затихла, двоих разведчиков послали выяснить, в чем дело. В ожидании новостей Кохистани подозвал свою охрану и проинструктировал их на случай внезапного нападения американцев. Он не верил в случайности и понимал, что такое американский беспилотник. Если янки узнают или хотя бы заподозрят, что женщину-пилота держат в деревне Вайгал, в ту же минуту один из их дронов инфракрасными лучами просканирует долину.

Сандра отчетливо сознавала, что настроение ее захватчиков изменилось. Пока грохотал «АК-47», они стремительно продвигались вниз по горе без малейших предосторожностей. А сейчас они остановились и заняли оборонительную позицию, окружив носилки и шипя налево-направо на непонятном языке, готовые броситься змеей в атаку в любом направлении. За ней наблюдала только Бадира, и Сандра начала развязывать веревки, которыми она была привязана к носилкам, чтобы встать, на тот случай если появится штурмовая группа. Она обещала себе, что соберется с силами и, когда придет время, побежит, даже несмотря на жуткую боль в ноге и замедленную от опиума реакцию.

Время тянулось медленно, однако, когда минуты сложились в час, адреналина в крови поубавилось и решимость сошла на нет. В голове снова повис туман, и тело охватил новый приступ боли. Через полтора часа она потеребила руку Бадиры, давая понять, что ей требуется новая доза опиума.

Бадира ее проигнорировала, зная, что в сложившейся ситуации Кохистани не позволит зажечь и спички.

Когда боль усилилась, в голове у Сандры прояснилось. Она собрала всю силу, глубоко вдохнула и отчаянно выкрикнула:

— Я здесь! Я здесь! Идите!..

В голову ударили кулаком, и она лишилась чувств. Еще один боевик прыгнул на нее и с силой ударил по грудной клетке, чтобы в следующий раз она не смогла набрать в грудь воздуха и закричать.

Разведчики пришли десять минут спустя и доложили Кохистани, что нашли семерых мертвых пуштунов на тропинке, по ту сторону долины. Один из разведчиков высыпал в руку своему лидеру пригоршню стреляных гильз 5,56 мм.

— Американцы убили их всех, а сами поднялись на гору в деревню, — объяснил разведчик. — Они не вернутся до рассвета. Пока они обнаружат, что в деревне ее нет, мы уже далеко уедем на грузовике.

Кохистани улыбнулся в темноте.

— Слава Аллаху, — удовлетворенно проговорил он. До этого момента он был убежден, что женский голос всех перебудил в округе. — Братья, мы не случайно оказались в этом месте. Аллах все делает не случайно.

Он подошел к носилкам, освещая фонариком лицо пленницы: ее левый глаз отек от удара, заставившего ее замолчать. Кохистани направил свет фонаря в глаза Бадире со словами:

— Ты должна была догадаться прикрыть ей рот рукой.

— Может, вам следовало мне об этом сказать, — возразила Бадира.

Он ударил ее по лицу фонариком, разбив верхнюю губу.

— Не путай меня с главой деревни, — почти дружеским тоном сказал Кохистани. — А теперь закрой ей рот кляпом и проследи, чтобы он там оставался, пока мы не доберемся до грузовика. Если она снова пискнет, отвечать будешь ты.

30
Афганистан

Деревня Вайгал

Уже перед самым рассветом Кроссвайт и «морские котики» вышли к южной окраине деревни Вайгал. Вода закончилась, все вымотались, но отставали от графика всего на двадцать минут. Кроссвайт повелел санитару выдать всей команде по две таблетки бензедрина, которые на продолжительное время зарядят их энергией, а также направил Тригга и Альфу обследовать восточную и западную границы деревни. С севера деревню защищали скалы, поднимавшиеся на триста метров.

С их точки обзора деревня представлялась одним гигантским домом, выстроенным из игральных карт, где хижины теснились одна на другой, хотя в действительности каждая отдельная хижина была построена на крутом каменистом склоне. По склонам проходила лесополоса, но очень редкая. Отряду было необходимо как можно скорее проникнуть в деревню, чтобы воспользоваться преимуществом ночного видения.

Кроссвайт присел за камнями и просматривал деревню.

— Грандиозное зрелище, — восхищенно сказал он Фаруху.

— Да, — согласился тот. — Практически все они разговаривают на языке калашей. Но я его не знаю.

Кроссвайт повернулся и поглядел на него.

— Какого черта ты нас не предупредил до операции?!

Фарух пожал плечами.

— Это не так важно. Никто не знает их языка, кроме них самих. — Он похлопал капитана по плечу. — Не беспокойтесь. Многие из них говорят по-пуштунски. Очень сомневаюсь, что талибы, которые захватили Сандру, из народности калашей. Они этим не занимаются. Ты должен сообщить об этом остальным ребятам.

Кроссвайт хмыкнул.

— Мы не станем убивать кого не следует.

Взявшись за рацию, он проговорил:

— Второй, второй, это первый. Как слышите? Прием.

Последовал быстрый ответ от «ночных сталкеров»:

— Первый, отличная слышимость. Прием.

— Второй, будьте готовы…

Кроссвайт посмотрел на Фишера, который прятался за камнями, держа пистолет Mk.23 с глушителем в правой руке.

— Готов?

Фишер кивнул.

Альфа первым сообщил по рации, как обстоят дела:

— Капитан, я не могу отсюда рассмотреть деревню. Очень крутые горы. Я вижу только фасады домов. Дальше ничего не разглядеть.

— Хорошо, — ответил Кроссвайт. — Возвращайся обратно. Тригг, что там у тебя?

— Все еще пробираюсь, — ответил тот. — Но пока почти ничего.

— Хорошо, тогда возвращайся.

Когда вся команда была в сборе, Кроссвайт дал свою оценку происходящему.

— Мы застрянем здесь надолго, если будем обследовать каждый дом. У кого-нибудь есть идеи получше? Время-то идет.

Тригг указал на гору.

— Я предлагаю наведаться в изолированную хижину, в ту, на горном хребте. Она расположена над деревней, и мы можем расспросить семью, не поднимая шума в деревне.

Лачуга была размером с половину одноместного гаража.

Кроссвайт в последний раз оглядел местность и приказал вывигаться, лично возглавив колонну, которой предстояло пройти по склону восемьдесят метров. Они шли против холодного ночного ветра, спешно поднимаясь по острому каменистому склону, чтобы за пять минут добраться до хижины. Капитан подал знак, что он, Альфа и Фарух войдут первыми. Остальные семь спецназовцев будут следить за ситуацией в деревне, держа наготове оружие.

Ветхая деревянная дверь была не заперта. Кроссвайт поднял деревянную щеколду и привидением скользнул внутрь, за ним вошли Альфа и Фарух. Они видели все в зеленовато-черных тонах: одна маленькая комната, одинокий хозяин, завернутый во множество одеял, спал на скамье у противоположной стены. В комнате стоял едва уловимый запах, который Кроссвайт описал бы как запах старого тела… и еще какой-то гнилостный душок.

— Черт, я думаю, он сдох, — пробормотал капитан.

— Нет, не похоже, — осторожно заметил Фарух.

Альфа потыкал фигуру в одеяле, и Фарух на пуштунском велел хозяину проснуться. Фигура зашевелилась и закашляла под одеялами.

— Просыпайся! — громко повторил Фарух.

Фигура снова шевельнулась. Когда она начала подниматься, из-под одеяла послышались отхаркивающие звуки.

Кроссвайт приблизился к фигуре и рукой в перчатке откинул

одеяла с ее лица, обнажая сильно изуродованное лицо старухи, которое, казалось, прогнулось вовнутрь. Она открыла глаза, но вместо них появилось что-то белое без зрачков и сетчатки. Сонная, она отерла нелепо деформированной рукой, с обрубками вместо пальцев, и что-то невнятно пробормотала, но ее слова были непонятны даже Фаруху.

Капитан посмотрел на Фаруха и закрыл лицо куфией.

— Это то, о чем я думаю?

— Что за черт! — выпалил в испуге Альфа и отпрыгнул назад, роняя позади себя стул. — Господи, да она же больна проказой!

— Да успокоишься ты уже! — резко сказал, повернувшись, Кроссвайт.

— Да блин, мы должны валить отсюда! — Альфа пнул стул ногой и пополз на четвереньках к двери.

— Подожди ты! — сказал Фарух, тоже обматывая лицо куфией. — Девяносто девять процентов людей не восприимчивы к проказе.

— Что за фигню ты несешь? — Альфа поднялся на ноги и бросился к двери. Он вышел за дверь, но не ушел, а стал смотреть. — Черт, мы же уже надышались зараженным воздухом — твою ж мать! Только посмотрите на нее!

Кроссвайт подошел к двери и еле слышно прошипел:

— Ты бы заткнулся, парень.

— Да она ж больна проказой, а мы надышались!

Тригг подошел сзади, удушающе захватил предплечьем голову Альфы, чтобы сдавить сонную артерию, и потащил его за хижину, под тень выступающего валуна. Через несколько секунд Альфа отключился, и Тригг уложил его на землю, поручив спецназовцу по кличке Спидо следить за ним.

Тем временем Фарух начал допрашивать слепую женщину, задавая вопросы по-пуштунски, объяснив ей вначале, что бояться их не нужно. Старуха отвечала на смеси пуштунского и калашского. Говорила она невнятно, и Фарух плохо ее понимал.

— Не знаю точно, что она имеет в виду, — наконец сказал он капитану. — Она путает времена глагола. Она утверждает, что американку держат в хижине с видом на деревню, и в то же время говорит, что ее там держали.

— Попроси ее объяснить, — велел Кроссвайт, все еще сердясь на Альфу.

Фарух в отчаянии замотал головой.

— Я уже спрашивал пять или шесть раз. Она не знает на пуштунском нужных слов и заменяет их языком калашей.

— Боже правый. Неужели они чем-то отличаются? По-моему, звучат одинаково, — признался Кроссвайт.

Фарух пожал плечами.

— Мы можем найти эту хижину, про которую она говорит, или же зайти еще к кому-нибудь в деревне.

— Вот черт, — недовольно произнес Кроссвайт. — А она не поднимет деревню на уши, когда мы уйдем?

— Вряд ли, — ответил Фарух. — Она все без конца повторяет, как устала. Думаю, после нас она опять заснет. Она, наверное, думает, что мы ей снимся.

Капитан увидел через распахнутую дверь, как светлеет на востоке горизонт. Скоро должны проснуться жители деревни.

— У нас мало времени. Двинемся к этой хижине с видом на деревню. Ты уверен, что она в этом доме?

— Она вроде ясно описала его.

— Ну, хоть что-то. Пошли, — позвал Кроссвайт.

Когда они покинули хижину, Альфа уже стоял на ногах, глядя в землю. Очевидно, из-за происшедшего он был очень взволнован и смущен. Сейчас он стоял между Триггом и Спидо, державшими его под руки.

Кроссвайт подошел вплотную к Альфе и прорычал:

— Ты сможешь дальше выполнять свои обязанности, военный?

— Да, сэр.

— Если ты еще раз поставишь операцию под угрозу, я зарою тебя на месте. Надеюсь, понятно?

Альфа встретил его пристальный взгляд.

— Да, сэр.

Кроссвайт повернулся к Спидо.

— Глаз с Альфы не спускай. Под твою ответственность.

Спидо кивнул.

— Все будет хорошо, капитан. Гарантирую.

— Лучше бы он сам гарантировал.

Фарух объяснил, куда следует идти. Хижина с видом на деревню громоздилась на высоте в сто пятьдесят метров, и, чтобы до нее добраться, нужно было пройти через центр деревни, при этом большую часть пути надо было проделать по десятиградусному подъему, хаотично двигаясь между скученными домами.

— Не делиться и не идти в обход, — велел Кроссвайт. — У нас нет времени на разведку. Мы вломимся в этот чертов дом через переднюю дверь, а дальше начинаем драться по обстоятельствам, кто как может, — как при ограблении банка. Видите человека с оружием, — сразу стреляйте. А теперь двигаемся. Наверху нас ждет Сандра.

Пройдя несколько первых хижин, они никого не заметили и

двинулись по узкому проходу между хижинами по второму ярусу домов. Светало, и очки ночного видения были уже не нужны. Вдруг открылась дверь, и в проходе застыл мужчина, широко раскрыв глаза от страха. Фарух приказал ему оставаться внутри, и тот сразу подчинился, аккуратно запирая дверь на засов.

Из-за уклона, из-за неровностей земли, на которой они стояли, было трудно определить, где именно они сейчас находятся. Оставалось только подниматься прямо, держа курс на северо-запад. Взобравшись на третий ярус, за углом они увидели двух подростков, стоявших перед хижиной с автоматами «АК-47» на плечах. Кроссвайт выпустил автоматную очередь, и они откинулись, гулко ударившись головами о стену хижины.

Из дома вышел какой-то мужчина — выяснить, что за шум. Фишер сильно ударил его пистолетом Мк.23 по голове, так, что тот потерял сознание. Войдя в хижину, Фишер увидел у стола женщину с двумя маленькими детьми, в страхе прижавшимися к ней. Она выглядела так, будто собиралась закричать. Фишер приставил пистолет к ее лицу и приложил палец к губам. И только убедившись, что кричать она не будет, он схватил за руку, втащил внутрь ее мужа и ринулся догонять команду.

Наконец, они уткнулись в тупик, где схватили парня, направлявшегося за водой. Фарух объяснил ему, зачем тот им нужен. Мужчина тут же признался, что Сандры уже нет, ее увезли ночью. Кроссвайту это, разумеется, не понравилось, и, вставив пистолет в глотку мужчины, он потребовал сказать правду.

Мужчина начал кричать и клясться, что он говорит правду.

— Отведи нас в эту чертову хижину! — приказал Кроссвайт.

Фарух отругал мужчину и пояснил:

— Американцы должны все увидеть сами. Отведи нас в хижину, чтобы они убедились, а потом мы тебя отпустим.

Проводник провел их через пустую хижину и вывел через боковую дверь, выходившую на своего рода террасу. По ту сторону террасы стояла одинокая хижина, которую охраняло двое спавших на крыльце подростков, прислонившихся головами к двери и зажавших «АК-47» между коленями.

— Убери их, — велел Кроссвайт Альфе, намереваясь проверить того в деле.

Альфа встал в дверном проеме с автоматом в руках, приготовляясь к стрельбе.

Проводник стал возражать.

— Что, сволочь, хочешь надуть нас? Кто выставляет охрану перед пустой хижиной? — напустился на него Кроссвайт и оглушил ударом.

Альфа выстрелил каждому в голову. Дверь забрызгало

мозгами подростков, а тела попадали с крыльца.

Отряд ринулся на террасу, занимая все возможные пути прохода. Кроссвайт и Тригг подошли к заветной хижине и стали прислушиваться к звукам из-за двери. Оттуда доносился только мужской храп. Тригг отодвинул щеколду и, толкнув дверь, вошел внутрь, а за ним и Кроссвайт.

В основной комнате стояли стулья и стол и висела занавеска, граничившая со смежной комнатой. Выхватив пистолеты, «котики» двинулись к комнате за занавеской. Откинув ее, они увидели спящего на кровати бородатого мужчину.

Кроссвайт был уверен: он видел эту комнату раньше. Крадучись, он прошел в помещение и приставил пистолет прямо к лицу спящего мужчины.

— Поднимайся, урод!

Глаза Наима распахнулись и тут же расширились от неожиданности.

— Покажи фото, — обратился Кроссвайт к Триггу, готовый всадить в афганца весь магазин, если тот пошевельнется.

Тригг вытащил распечатку увеличенного кадра из видео с изнасилованием. Легко узнавался шрам возле левого глаза главного действующего лица.

— Ну, говори, что знаешь, — приказал капитан. Перевернув пистолет, чтобы держать его за дуло, он ударил Наима рукоятью по яичкам.

Наим застонал и согнулся пополам на кровати.

— Приведи-ка Фаруха, — велел Кроссвайт.

Тригг вышел из хижины, затем появился Фарух.

— Спроси у него, где Сандра.

Фарух пристально посмотрел на Наима, мгновенно узнав в нем насильника с видео.

— Говори, где американка? — спросил он на пуштунском.

— Да пошел ты! — огрызнулся тот на сносном английском.

Кроссвайт ударил его прикладом автомата по зубам, и Наим схватился за лицо, взвыв от боли.

— Спроси у него снова!

— Отвечай, где американка?

Наим прокричал что-то похожее на «поффол ты».

Вернулся Тригг.

— Капитан, надо что-то делать. Похоже, что к нам пробирается тридцать боевиков. Идут через деревню. Как только они прошли второй ярус, мы потеряли их из виду, но они стремительно приближаются. Может, вызвать вертолет?

— Давай вначале свяжем ему руки! — сказал Кроссвайт. — Возьмем его с собой.

Он немедленно объявил по рации:

— Второй, второй, это первый. Нас слышите? Прием?

— Вас понял, первый. Слышно хорошо. Прием.

— Второй, мы в сейфе, но денег нет. Повторяю. Денег больше здесь нет! Но, внимание, мы взяли Ромео. Повторяю. У нас Ромео! Прием.

— Вас понял, первый. Взлетаем через шестьдесят секунд. Ожидаемое время прилета — пятнадцать минут. Прием.

— Второй, не забудьте включить дальний радиомаркер. У нас намечается стрельба в том направлении, и поэтому нам не нужен гранатомет. Убедитесь, что к Вайгалу безопасно приближаться. Прием.

— Вас понял, первый — маркер будет включен, пока мы не свяжемся с вами.

31
Афганистан

Деревня Вайгал

Кроссвайт схватил трясущегося от страха проводника и взглянул на Фаруха.

— Скажи этому ублюдку, пусть выведет нас из чертова крысиного лабиринта.

Фарух перевел, но проводник лишь еще больше испугался. Он принялся что-то быстро лепетать, потом упал на колени и стал молиться.

Фарух взглянул на капитана и покачал головой.

— Он говорит, что если поможет нам, талибы убьют его жену и детей. А если откажется, то мы убьем только его.

— Черт, да не собираюсь я его убивать, — ответил Кроссвайт. — Скажи ему, пусть встанет. Пусть тогда объяснит словами, как выйти отсюда, а мы как-нибудь выберемся сами.

Благодарный проводник поднялся на ноги и с облегчением заговорил с Фарухом, показывая руками количество поворотов по пути. Казалось, они только и должны делать, что передвигаться зигзагами до конца деревни.

— Господи, — пробормотал Кроссвайт. — Эти люди вообще слышали, что существуют прямые линии? Передай ему, пусть прилетает в Нью-Йорк — покажем, как должен выглядеть город!

Фарух пропустил высказывание капитана мимо ушей, стараясь сосредоточиться на маршруте, который ему объясняли. Как только понял, что запомнил все повороты, он поблагодарил проводника и извинился за то, что Кроссвайт ударил его по лицу.

— О'кей, — обратился к команде Фарух. — Идемте, пока я не забыл.

Кроссвайт повернулся к Наиму, который стоял рядом с завязанными руками и ухмылялся. Капитан вытащил нож и приставил к подбородку талибского лидера.

— Передай выродку, что, если он что-то выкинет по пути — без разницы, что, — я выколю ему глаза и оставлю здесь.

Фарух перевел, и ухмылка Наима мгновенно исчезла с лица. Мысль о смерти пугала его меньше, чем перспектива прожить остаток жизни слепым инвалидом, а особенно он боялся, что в загробной жизни Аллах пожелает сохранить его уродство.

— Уже не так смешно, правда? — проговорил Кроссвайт, глядя ему прямо в глаза. — Спидо, ты отвечаешь за этого

выродка. Альфа, ты прикрываешь. Фарух, держись справа от меня. В путь!

Команда двинулась по закоулкам между рядами домов в указанном проводником направлении. К тому времени в деревне уже знали о них, поэтому никого не было видно, но из хижин доносились тревожные разговоры.

— Жители паникуют, — объяснил Фарух. — Они боятся воздушной атаки.

Кроссвайт остановился и огляделся вокруг.

— Отлично — этим можно воспользоваться. Объяви им, что сейчас будет бомбардировка. Пусть покидают деревню. Мы скроемся в толпе.

Мешкая с ответом, Фарух поднял глаза на капитана.

— Что такое? Не томи, говори давай.

— В этой деревне очень много старых и больных людей, капитан. Калаши никому не желают зла. И не заставляйте меня идти против них.

Кроссвайт воздержался от брани, понимая, что Фарух прав, и велел Альфе снова двигаться вперед.

Альфа добежал до конца переулка и осторожно заглянул за угол: к ним приближалась группа вооруженных талибов. Он отскочил назад, выхватил из кармана на ремне гранату и метнул за угол. «Морские котики» без лишних напоминаний легли на землю. Взрывом снесло угол хижины, в воздух полетели части тела. Изнутри послышались мужские и женские крики. Захныкал ребенок.

— Вперед! — крикнул Кроссвайт, вскочил на ноги и бросился за угол. Пять-шесть тел убитых валялись между хижинами и каменной стеной. В поисках укрытия раненые жители деревни в панике разбегались по разрушенным лачугам, пока мимо пробегали американцы. «Морские котики» не могли им помочь. Они сами должны отразить удар противника и спастись. И в этом заключалась самая гадкая сторона войны.

В конце переулка они подошли к узкой крутой каменной лестнице в сорок пять метров высотой. Мысль об отступлении претила капитану Кроссвайту, но иного пути не было. На полдороге вниз талибский боевик, укрывшийся за поленницей, начал их обстреливать из полуавтоматического карабина Симонова[70]. Он ранил двоих американцев. Кроссвайт и Альфа открыли ответный огонь и убили его, но сейчас же впереди, у лестницы, возникла пара новых боевиков и начала пальбу.

Фишер получил второе ранение в то же плечо и упал, но, все еще владея второй рукой, продолжал стрелять. Одного из талибов Фишер ранил в шею, а второго заставил спрятаться. Эта пауза

помогла Спидо. Истекая кровью от ранения в поясницу, ему удалось снова взобраться на лестницу и выстрелить прямо в лицо приблизившемуся талибу. Спецназовец опустился на колено и крикнул остальным бойцам, чтобы те спускались по лестнице.

— Я за тобой! — крикнул он, переглянувшись с Кроссвайтом, потом сразу повернулся и выпустил автоматную очередь в направлении оставшихся спецназовцев, заставляя троих боевиков Талибана спрятаться от стрельбы за разрушенный угол хижины. Спидо ощупал рану на пояснице: рука была вся в крови.

— Вот дерьмо! — пробормотал он. — Плохи дела.

Он вытащил из кармана на рукаве оставшуюся капсулу бензедрина и проглотил ее всухую, но тут же почувствовал, как та застряла в глотке. Он снова потянулся к ране и, зачерпнув перчаткой крови, смог запить ей капсулу.

— И как на вкус? Противно? — послышался сзади голос Фишера.

Спидо оглянулся.

— А ты что здесь делаешь?

— Прикрываю твою задницу.

Они дождались, пока спустятся все остальные, затем Спидо сдернул с пояса Фишера гранату и бросил в переулок, прямо к углу, где прятались боевики. Спустя четыре секунды, когда вдвоем они прошли четверть лестницы, взорвалась граната. Внизу Спидо и Фишер присоединились к остальным «котикам» и, выстроившись оборонительным полукругом за углом, ждали санитара, чтобы тот оказал помощь тяжелораненому спецназовцу по кличке Блейн.

Наим лежал на животе, в грязи, у ног бойца по кличке Конмэн. Конмэн был самым мелким в команде и при росте в сто семьдесят сантиметров весил не больше шестидесяти пяти килограмм. Это был настоящий любитель оружия, аферист с замашками киллера. Одной рукой он держал пистолет, дуло которого закручивалось в ухо Наима, в другой — «М-4», готовый в любой момент выстрелить. Увидев Спидо, он пожал плечами, словно говоря: «Снова трудовые будни».

Осмотревшись, Фарух указал на хижину, перед которой стояла поржавевшая голубая бочка для дождевой воды.

— Вон голубая бочка, — сказал он, вспомнив слова проводника. — Как доктор закончит, нам надо двигаться на восток от этой хижины.

— Да какая к черту разница, как двигаться, везде одни засады, — отозвался Кроссвайт. Он перевел взгляд на санитара-латиноамериканца, который занимался сейчас раненым. У раненого Блейна была повреждена бедренная артерия, и парень

истекал кровью.

— Ну, как дела, док?

Санитар покачал головой, спешно доставая скальпель из пластиковой упаковки.

— Надо пережать артерию, пока он не умер от кровопотери. — Санитар велел спецназовцу по имени Джексон сесть Блейну на грудь. — Обещаю, будет больно, Блейн… но не так больно, как в Могадишо, когда ты чуть не умер у меня на руках.

Как только санитар стал резать мышцу на бедре Блейна, раздалась стрельба между хижинами. Команда пустила автоматную очередь в том направлении, и стрельба затихла.

Диким зверем зарычал и заскрежетал зубами Блейн, сжимая своей рукой руку Джексона и вгрызаясь в сложенную несколько раз кожаную перчатку, которую санитар вставил ему между зубами. Блейн так сильно ее прикусил, что, казалось, его зубы сейчас раскрошатся.

— Черт! — ругнулся Джексон, чувствуя, как Блейн сжимает его руку мертвой хваткой. — Док, а вы будете резать прямо так? Может, дать ему немного морфина?

Санитар обреченно вытер рукавом пот с глаз.

— Ну и как тогда он будет сражаться? Не дрыгай ногой, Блейн!

Снова начали палить с конца переулка и с запада от их позиции. Кроссвайт выстрелил из подствольного гранатомета «М-203»[71] и разнес хижину в щепки. Он достал и выбросил стреляную гильзу и встретился на мгновение с Триггом взглядом.

У того из шеи сочилась кровь: он был ранен, но не серьезно.

— Мы не удержим эту позицию, капитан. Вы готовы вызвать вертолеты?

Кроссвайт, не отрывая глаз от хижины, которую он только что разнес на щепки, покачал головой.

— Вертолеты не смогут здесь сесть. Они будут кружить в воздухе низко, над головой, и в итоге какой-нибудь дятел собьет их из гранатомета. Поэтому у нас только один выход — двигать на восток.

— Ну да. Но вертолеты могут…

— Я не могу отдать приказ уничтожить деревню, — честно сказал Кроссвайт. — Одно дело, если бы мы нашли Сандру, а так… нам придется это вытерпеть.

— Нашел! — воскликнул санитар. — Вот это да! — Он взял кровоостанавливающий зажим и перевязал бедренную артерию Блейна. Затем наложил давящую повязку на рану и плотно обмотал ее зеленой клейкой лентой, чтобы артерию не растрясло,

когда Блейн будет ходить, а если повезет, и драться.

Джексон встал с груди Блейна. Раненый приподнялся; он был мокрым от пота, глаза остекленели. Санитар вынул из аптечки стальную флягу и поднес к губам Блейна.

— Глотни-ка! — Санитар наклонил флягу и плеснул содержимое тому в горло. — Тебе надо оправиться от шока, не то ты не сможешь драться.

Блейн проглотил обжигающую жидкость и дернулся, закашляв и замотав головой.

— Это что за фигня — текила?

— Она замедлит действие шока, — пояснил санитар, быстро убирая фляжку обратно в аптечку. — По пути будешь держаться рядом со мной, старина. А то ты пока слаб.

Санитар глянул на Кроссвайта.

— Готовы двинуться, когда вы, капитан… — Тут он впервые заметил, как боец по имени Макаллистер перевязывает поясницу Спидо. — Ты в порядке?

Спидо пожал плечами.

— Плохи дела, но тут ничего не поделаешь. Если мы сейчас не двинемся на восток, мне крышка.

Кроссвайт оценил обстановку: если считать и его собственное ранение в ногу, то раненых всего пятеро, двое — в критическом состоянии. Даже Фишера повторно задели в ту же злосчастную лопатку, хоть он и держится молодцом.

Джексон с санитаром помогли Блейну встать на ноги. Тот вздрогнул, когда перенес тяжесть тела на раненую ногу, но заверил всех, что сможет идти.

Альфа возглавил колонну, направившись в сторону хижины с голубой бочкой.

Оказавшись в середине колонны, Кроссвайт забрал у Тригга противопехотную мину.

— Альфа, веди колонну через деревню. Я догоню. Эти уроды с лестницы наверняка постараются выследить, куда мы двигаемся.

Группа наткнулась на семью калашей, которые прятались неподалеку, и взяли тех с собой. Отыскав узкий проход, о котором Фаруху говорил проводник, они прошли через заднюю дверь.

Тем временем Кроссвайт откинул складные ножки мины и воткнул ее в грязный пол у двери в глубине хижины. Потом встал и пустил через окно автоматную очередь по группе талибов, которые показались на вершине каменной лестницы. Он ни в кого не попал, но ненадолго заставил их спрятаться. Как только он вернулся к установке мины, на хижину обрушилась очередь из

«АК-47», вынудившая его лечь на землю. Он быстро протянул растяжку к двери, закрепляя ее вокруг ржавого гвоздя, торчавшего из пола. Пуля, ударившись о шлем, впилась в спину между позвоночником и лопаткой. Сейчас он как никогда жалел о том, что оставил свой бронежилет, хотя понимал, что это вопрос спорный. Он не смог бы в бронежилете совершить марш-бросок по горам.

Когда талибские стрелки замолкли на время, перезаряжая автоматы, он вскочил на ноги и бросился к задней двери. Дверь открылась, и он врезался в трех талибов, которые решили обойти хижину с голубой бочкой сбоку.

Все трое растянулись на земле, но сейчас же вскочили на ноги, и начался рукопашный бой. Кроссвайт понимал, что автоматом и даже пистолетом воспользоваться невозможно. Поэтому он вытащил боевой нож Ka-Bar[72] и пустился в атаку, тут же пронзив грудную клетку самого крупного из троицы. Кроссвайт старался прикрыться умирающим талибом, заслонив себя от другого боевика в узеньком проходе. Молодой талиб не мог наброситься на капитана и просто стоял, в то время как его раненый собрат орал и мучился в агонии, безуспешно пытаясь выцарапать Кроссвайту глаза.

Кроссвайт ударил раненого и отпрыгнул назад. Нож остался в теле мужчины. Капитан выхватил пистолет и застрелил двух оставшихся талибов.

В этот момент отряд боевиков, преодолевший лестницу, приблизился ко входу в хижину. Открылась дверь, мина M18A1 взорвалась, выбросив в воздух со скоростью 1200 м/с семьсот стальных трехмиллиметровых шариков. Передняя часть хижины полностью рухнула, похоронив девятерых талибов.

Кроссвайт выкрутил из тела свой нож и, убедившись, что преследователи мертвы, заспешил по переулку. По пути он связался с Альфой по рации.

— Альфа, мина хорошо поработала. Двигаюсь к вам.

— Вас понял, — ответил Альфа. — В конце переулка сверните налево, потом направо. Мы где-то в пятидесяти метрах, за каменной стеной. Имейте в виду, нас обстреливают!

Кроссвайт услышал гул «черных ястребов» высоко в небе и сигнал с внешнего маркера. Он связался с ними по рации:

— Второй, второй, внимание, у нас тут перестрелка! Сейчас вы не сможете нас спокойно забрать. Опасно! Не заходите в зону поражения! Прием!

— Первый, внимание, мы заняли высоту тысяча пятьдесят метров. Если вы включите метки, мы постараемся задать перцу этим ребятам. Прием.

Кроссвайт продолжал двигаться, осознавая, что вертолеты на высоте 1050 метров, а граната «РПГ-7» летит только до девятисот. Конечно, из «РПГ» на такой высоте поразить цель практически невозможно.

— Нет, второй, нет! Боевики смешались с местным населением.

Кроссвайт услышал грохот в деревне и понял: вертолеты начали обстрел. Он включил инфракрасную метку, прикрепленную к снаряжению, и приказал остальным спецназовцам сделать то же самое, чтобы вертолетчики могли отличить своих от чужих. Раздался громкий взрыв. Капитан догадался, что кто-то выстрелил по вертолету из «РПГ».

— Второй, второй, вас не задело? Прием.

— Нет, не задело, первый, — ответил скучающим голосом пилот. — Послушайте, мы сейчас одинаково хорошо видим и вас, и неприятеля. Похоже, им известен ваш маршрут. Они поджидают вас, засев в камнях ниже деревни. Может, уже разрешите нам убрать их и ускорить вашу эвакуацию?

Кроссвайт понял, что ЦРУ или АНБ, или и те, и другие уже могли перехватить все лишние радиосообщения, так что вскоре их нелегальная операция попадет в новости прайм-тайм.

— Второй, второй, говорите, они еще не вошли в деревню? Прием.

— Вас понял, первый. Нам лучше поспешить и убрать их сейчас, потому что они приближаются к деревне. Прием.

— Ликвидируйте их.

— Вас понял. Советую вам пригнуться, молодые люди.

«Ночные сталкеры» открыли по боевикам огонь из многоствольных 7,62-мм авиационных пулеметов «М-134»[73], делающих 6000 выстрелов в минуту. Люди Кроссвайта видели, как из-за каменной стены выбегают талибы, пытающиеся спастись бегством. Красные лазерные лучи сотен трассирующих пуль обрушились на талибов, превращая их тела в фарш. Через несколько секунд все двадцать пять боевиков были уничтожены.

Кроссвайт отдал приказ выступить из-за каменной стены. Они прошли еще тридцать метров, спустившись с горы, и вышли на относительно плоский участок земли, который заранее выбрали в качестве пункта эвакуации, и стали ждать, пока приземлится «Черный ястреб». Второй вертолет оставался в воздухе, патрулируя воздушное пространство.

Командир экипажа вышел из вертолета и отдал Кроссвайту честь.

— Ни слова, капитан. Мы только что получили приказ немедленно возвращаться на базу. В любое время здесь может

появиться истребитель F-15.

Кроссвайт дал знак своим людям. Наима вывели в центр.

— Сержант-майор, это… Ромео.

Командир поднял щиток летного шлема и улыбнулся в лицо захваченному боевику.

— Поздравляю, мистер Талибан. Именно сейчас мы присваиваем вам звание «Лузер Вселенной».

32
Лэнгли

Роберт Поуп стоял в темноте в потайной комнате с мониторами высокого разрешения, отображающими данные, получаемые со шпионского геостационарного спутника. Поуп позволил себе не думать ни о чем какое-то время, пока он смотрел, как поднимается в воздух «Черный ястреб». Сражение в деревне Вайгал, очевидно, закончилось, но не было видно, спасли ли Сандру, да и внешность пленника не попала на экран. Кличка «Ромео» Поупу ни о чем не говорила. Он одобрительно похлопал двух техников по плечам и повернулся к двери.

— Отлично поработали, молодцы. Проследите, чтобы видео отправилось в черную дыру, хорошо?

— Да, сэр.

Он подмигнул им и выскользнул в коридор. Его нисколько не волновало, обнаружит ли кто-то, что он наблюдал по видео нелегальную операцию — от начала и до конца и не сообщил об этом директору ЦРУ. Он сам был на вершине системы разведки. Никто не знал больше него, никто не курировал его работу. Фишка дальше не шла — в этом небольшом уголке мира вся ответственность лежала на нем. Он нередко использовал в личных целях многие компьютерные программы. Шпионские компьютерные программы предназначались для сбора конфиденциальной информации, разведки, которую от имени правительства США возглавлял Поуп. И если кто-нибудь и попытается проследить, чем он занимается, то в итоге не найдет ничего, кроме бесконечных весьма обычных, нудных, законных, ничем не примечательных папок с рапортами… и каждая датирована, аккуратно просмотрена и оценена.

Философия Поупа была довольно проста: зачем отказываться от одной красивой женщины в пользу другой, когда можно наслаждаться обеими? Он не только удвоил объем своей работы, но и тратил на нее в два раза больше времени, чем требовалось при сборе данных, действительно его интересовавших. Взять, к примеру, русских, которые отправили флот в Охотское море — почему это не должно привлечь его внимание? Почему американские нефтеразведчики копаются в Африке, где нефти совсем нет? И с чего это Моссад внезапно заинтересовался мексиканским правительством?

Ответы на все эти вопросы могли оказаться весьма безобидными, но пока они не найдены, Поуп не мог себе

позволить игнорировать столь подозрительные вещи. Когда он понял, что группа войск специального назначения США намеревается самовольно покинуть гарнизон и попытаться вызволить из плена Сандру Брукс, его заинтересовала их смелость, а не возможность настучать правительству. Тем не менее он намекнул о происходящем директору Шройеру, только весьма изощренно.

Он сидел за столом, задумавшись, и ждал неминуемого смс-сообщения от заместителя директора по оперативным вопросам. Агентство по национальной безопасности перехватило радиообмен участвующих в несанкционированной операции спецназовцев, и сейчас эти разведданные должны были отправить прямо в отделение ЦРУ в Кабуле. Его сотрудники свяжутся с начальником Ближневосточного бюро, который лично позвонит заместителю директора ЦРУ по оперативным вопросам — Клетусу Веббу.

В ту же самую минуту, как и рассчитывал Поуп, на лежавший на столе iPhone пришло сообщение с ожидаемой фразой:

«Позвоните мне немедленно на домашний!»

Он взял стационарный телефон и машинально набрал домашний номер Вебба. Поуп часто засиживался в офисе до полуночи, поэтому не было оснований беспокоиться об этом и что-то подозревать. Он хорошо понимал, что почти каждый видит в нем чудика — а он только и рад был производить такое впечатление с пользой для себя.

Вебб сразу поднял трубку.

— Боб?

— Да. Что такое, Клетус? Что-то стряслось?

— А я думал, это ты мне что-то расскажешь, — ответил Вебб. — Разве ты не слышал сегодня новости из Афганистана?

— Нет, я пока ничего не слышал, — сказал Поуп, громко зевая. — Прослушивание — не по моей части.

— Но это же тебя раньше не останавливало, — пробормотал Вебб. — Послушай, Боб, похоже на то, что спецназовцы и DevGru и SOAR самовольно отправилась на спасательную операцию в долину Вайгал. Я тебе звоню, чтобы выяснить подробности, прежде чем сообщить обо всем Шройеру. Мне надо изложить ему суть дела, чтобы он сообщил президенту раньше, чем это сделает кто-то другой.

— Ты имеешь в виду кого-то из АНБ?

— Да, кто угодно может настучать. Ну, что расскажешь?

— Ну, Вайгал находится в провинции Нуристан, — начал Поуп. — Севернее Джалалабада. Местные жители говорят на языке калашей. И я припоминаю, что…

— Боб, ты утверждаешь, что ничего не знаешь об операции? Твои люди могут спокойно провести нелегальную спасательную операцию так, что никто не узнает о ней до ее окончания?

В этот момент Поуп заметил, что начался уже новый месяц, а он забыл оторвать листок ежедневника. Он принялся расчищать место на столе, чтобы оторвать листок с прошедшей датой и не уронить ничего со стола.

— Боб!

— Да? Ах — ну да, конечно, могут, Клетус. Все-таки они далеко от нас. Мы же не можем отслеживать каждый их шаг. И, в конце концов, они же взрослые люди и профессиональные солдаты, за себя постоять они могут. В какой-то степени мы им должны доверять … и я предупреждал тебя о принципе неопределенности? Кстати, кто тебе сообщил об операции? Ответственный по ближневосточному региону?

— Нет, Боб, меня информировал комитет начальников штабов, — ответил Вебб, — а именно генерал Кутюр позвонил. Он сейчас в афганском театре военных действий.

Генерал Кутюр был верховным главнокомандующим в Афганистане.

— Он, видимо, завтракал, когда ему доложили, что ночью проведена тайная операция, и никто даже из простого приличия не сообщил ему об этом. Он был вне себя от ярости.

Поуп усмехнулся.

— Да, зная Кутюра, могу представить его в бешенстве. Я разберусь с этим, Клетус, и перезвоню тебе. Идет?

Вебб обреченно вздохнул.

— Хорошо, Боб. Сразу позвони мне, как только найдешь что-нибудь существенное, чем можно поделиться.

— Конечно. — Поуп повесил трубку.

Забыв о ежедневнике, Поуп потянулся, зевнул и, развалившись в кожаном кресле, вспомнил, как, будучи молодым, неопытным агентом разведки, сотрудничавшим с Air America, он участвовал в воздушно-транспортной операции, которую в интересах ЦРУ проводило подразделение особых операций с 1950 по 1976 год. Это было как раз в конце войны во Вьетнаме, когда он сорвал свой первый куш в рулетке американской разведки.

На старом самолете «С-130», полном секретных документов, он со вторым пилотом вылетел с американской базы Бьенхоа на Филиппины. Над джунглями двигатели самолета встали. И по сей день Поуп считал это саботажем, но точно проверить уже никогда не удастся. Во время жесткой посадки самолет развалился на куски. Второй пилот погиб, а Поуп со сломанной ногой выбрался из кабины. Транспортник загорелся, и, едва Поуп успел отойти на

безопасное расстояние, как мощный взрыв уничтожил обломки «С-130».

Отправить сигнал SOS он не успел, так что Поуп уже приготовился или сгинуть в джунглях, или, если его обнаружат, пасть от рук вьетконговцев[74]. На следующий день, когда взошло солнце, Поуп смастерил себе костыль из ветки сухого дерева и, ковыляя, обошел сгоревший дотла фюзеляж, без надежды найти хоть что-нибудь, что можно использовать для спасения.

Но он обнаружил дипломатический мешок с секретными документами: тот вывалился при крушении. Заняться было нечем, и он, усевшись под деревом, стал перебирать документы. В документах мелькали имена двенадцати американских оперативников — сотрудников и офицеров ЦРУ, которые обогатились во время войны во Вьетнаме за счет перевозки наркотиков самолетами Air America.

На следующее утро его нашел отряд «зеленых беретов», но по дороге они попали в засаду, устроенную вьетнамцами. Когда закончилась перестрелка, в живых остались только Поуп и один сержант. Сержанта «зеленых беретов» звали Гай Шеннон. Он взвалил Поупа на спину и тащил его до тех пор, пока в облаке фиолетового дыма не показался вертолет «хьюи», который в итоге их и забрал.

В течение следующих нескольких лет Поуп с выгодой для себя использовал полученную секретную информацию, оказывая помощь нужным людям, занимавшим высокие посты в ЦРУ, а после эти высокие покровители помогли ему собрать имена уязвимых людей из тех ветвей власти, до которых у ЦРУ не доходят руки. К тому времени, когда волосы Поупа стали седеть, в Вашингтоне практически не осталось никого, кто осмелился бы ему в чем-то отказать. Все до единого знали, что если их о чем-то просит Поуп — значит, у него имеется компромат.

Поуп лучше других понимал, что информация — именно информация, а не деньги или оружие, — и есть настоящий источник могущества в современном мире. Ее охраняют всеми силами и, уж конечно, с нею ни с кем не делятся … за исключением немногих избранных.

33
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабад

Стиллард вошел в комнату в глубине ангара, где выстроились полукругом Гил, Тригг, Фарух и лейтенант-коммандер Перес. Они стояли перед Наимом, чья голова была прикрыта черным мешком, а сам он сидел, привязанный к железному стулу. Старшина Стиллард бросил окурок своей тлеющей сигары на бетон и придавил его каблуком.

— Надо быстро с этим разобраться, — объявил он. — Если штаб пронюхает, кто тут у нас, он пришлет военную полицию, и нашего языка заберут. Тригг, подай-ка мне полиэтиленовые мешки для мусора и пачку хомутиков. Коммандер, вам, наверное, не стоит здесь оставаться.

Перес смущенно посмотрел на Гила, потом выпрямился, выпятив грудь вперед.

— Все в порядке, старшина. Я останусь.

— Вы уверены, сэр? Мы будем действовать не по Женевской конвенции.

По лицу Переса пробежала легкая улыбка.

— Знаю, что это придется вам не по душе, старшина… Но я останусь.

— Хорошо. — Стиллард кивком головы подал сигнал Гилу, чтобы тот снял с головы Наима черный мешок.

Наим смотрел на них с вызывающей усмешкой на подбитом лице.

— Пофли на…! — прошепелявил он из-за выбитого зуба.

Стиллард обратился к Фаруху:

— Спроси его, где они держат Сандру.

Фарух по-пуштунски спросил об американской заложнице.

— Пофли на…! — в ответ Наим только ухмыльнулся.

Фарух, давно наблюдая за Наимом, наконец, понял, отчего тот ведет себя так дерзко.

— Ты ваххабит, не так ли?

Наим поднял на Фаруха свои стеклянные глаза, полные презрения.

Фарух посмотрел на остальных, качая головой.

— Он нам ничего не скажет. Он ваххабит. Сейчас у него появился шанс доказать свою верность Аллаху.

— Он говорит по-английски? — спросил Перес.

— Ничего не знает, кроме одного ругательства, — снова покачал головой Фарух.

Стиллард взял полиэтиленовый мусорный пакет из рук Тригга со словами:

— А это мы сейчас проверим.

Он надел на голову Наима мешок, надавил на лицо ладонью, выпуская лишний воздух, затем стянул вокруг шеи пластиковый хомут и туго его затянул.

— Скажи ему, что лучше начать говорить сразу.

Фарух перевел Наиму, что если тот не расскажет, где Сандра, то задохнется в пакете.

— Пошли на…! — хватая ртом воздух, проговорил Наим, страдая от нехватки кислорода. При каждом вдохе пакет будет попадать в рот, и он будет в панике сплевывать его, сдувать обратно. Наим усиленно мотал головой, отчаянно пытаясь вдохнуть оставшийся в целлофане воздух. Через несколько секунд он запаниковал, принялся орать и вырываться, тщетно стараясь освободиться.

Гил схватился за спинку стула, чтобы Наим не смог раскачать стул, свалиться на пол и разорвать пакет о бетонный пол.

— Скажи им, где женщина, — повторял ему Фарух. — Скажи сейчас, не то убьют!

Прошло еще несколько секунд, и Наим начал дергаться, как дергается тонущий человек. Он остервенело боролся с духотой, судорожно подергивая связанными ногами и руками, втягивая в рот пакет, каждый раз все отчаяннее. Он яростно впился в пакет зубами, упорно пытаясь проделать в нем дырку, но Стиллард звонко отвесил ему по ушам удар своими тяжеленными руками, так, что тот упал в обморок. Голова его завалилась набок, а тело, немного подергавшись в конвульсиях, наконец, замерло.

Стиллард сделал дырку в пакете и освободил голову Наима. Не приходя в сознание, посинелый Наим задышал.

Перес побледнел от испуга.

— И как часто вы это проделываете?

Стиллард поймал на себе пристальный взгляд Гила.

— С этим ублюдком придется повозиться дольше, чем обычно.

Фаруху было не по себе. Он впервые присутствовал на подобном допросе, и его мучили дурные предчувствия.

— Может, продолжим допрос в другом месте? — предложил Гил.

— Нет, — возразил Перес. — Здесь нигде не безопасно.

Наим начал приходить в себя.

Гил повернулся к Триггу.

— Беги и найди санитара! Возьми у него ампулу альбумина и шприц на сто миллилитров.

Тригг сунул Пересу охапку мусорных мешков и выскользнул из комнаты.

— Каковы шансы нарваться на военную полицию? — решился спросить Гил.

Старшина Стиллард взял еще один мусорный мешок из рук Переса.

— Да вроде никаких. Командование военной полиции не делает для нас исключения. Они слишком заняты, чтобы марать о нас руки.

Гил вытащил из кармана нашатырный спирт и поднес его к носу Наима.

— Пробудись, урод.

Талиб мгновенно пришел в себя, отдернув голову от едкого запаха нашатыря.

— Где американка? — снова спросил его Фарух.

— Пофел на…! — ругнулся Наим, сплюнув на тунику Фаруха.

Гил оглушительно ударил Наима по ушам — тот взвыл от боли, а тем временем Стиллард, повторяя уже привычные действия, надел ему на голову второй мешок, только на этот раз сильнее затянул пластиковый хомут на шее, чтобы затруднить приток крови в мозг и заставить Наима сильнее страдать.

Наим еще сильнее заерзал на стуле, и, когда старшина затягивал хомут, талиб уже страшно задыхался. Он снова потерял сознание, и Стилларду пришлось взять острогубцы и разрезать хомут и снять пакет с головы, чтобы восстановить кровообращение.

Лицо Наима изменилось до неузнаваемости — превратилось в один сплошной вздутый фиолетовый синяк.

— Надо привести его в чувство, — велел Стиллард. — Надо продолжать.

Наим снова пробудился от запаха нашатыря и попытался драться, но ему сейчас же надели на голову очередной пакет.

— Да скажи им уже, где женщина! — взмолился Фарух. — Скажи уже, и все закончится!

Наим скрежетал зубами, выплевывая самые крепкие ругательства, какие только знал, моля, чтобы все они отправились прямиком в ад.

— Накажи их всех, Всемогущий! — прокричал он, обезумев от ярости и стыда. — Он вас всех покарает за это!

Фарух с тревогой взглянул на Стилларда.

— Он же сейчас сдохнет.

За ангаром послышался визг тормозов внедорожника

«хамви». В это же мгновение на пороге появился Тригг.

— И все-таки эти проклятые полицейские!..

Гил схватил шприц и ампулу альбумина. Взглянув на Переса, он сказал:

— Коммандер, задержите их — хотя бы на две минуты.

Перес запротестовал.

— Черт возьми, коммандер, хоть раз в жизни поступите как один из «морских котиков»!

Перес сердито посмотрел на него и выбежал из комнаты.

— Что-то мне это не по душе, — пробормотал Тригг, обеспокоенный тем, что Перес может приказать полицейским их всех арестовать.

Гил держал ампулу с вытяжкой крови и, просунув внутрь иглу, набрал полный шприц, затем обратился к Фаруху.

— Скажи ему, что у меня в руках сыворотка из крови свиньи. Медики вводят ее раненым, чтобы те не умерли от кровопотери.

Фарух замялся и стал, запинаясь, говорить.

— Да переводи уже!

Фарух перевел все, что от него требовали, и впервые глаза Наима наполнились подлинным страхом.

Стиллард сдернул с головы талиба пакет. Гил схватил руку Наима и приставил иглу к его пульсирующей вене.

Наим остервенело задергал головой, крича и безнадежно прося Фаруха о помощи.

— Скажи ему, что сейчас он отправится прямо в ад, — велел Гил. — Еще ни один правоверный мусульманин не попадал в рай со свиной кровью в венах.

Фарух сам был мусульманином, и слова Гила глубоко его потрясли.

— Гил, ты не можешь… это не…

— Скажи ему, к чертовой матери! — заорал Гил. — Давай переводи.

— Брат! — в страхе обратился Фарух к Наиму. — Прошу тебя! Скажи этим неверным, где женщина. Они собираются запятнать тебя перед взором Аллаха — ты же целую вечность будешь мучиться в аду!

— Не надо! Останови его! — закричал Наим. — Ради Аллаха, я скажу! — Он затрясся от ужаса, уже представляя, как нечистая свиная кровь сжигает его вены. — Я все скажу! Скажу! Только пусть он не делает этого!

— Где она? — прорычал Гил. — Я делаю укол.

— Брат, скажи! Иначе он впустит тебе в вены свиную кровь!

— Базарак! Она в Базараке, в долине Панджшер! Останови его, пусть не колет!

Фарух все перевел Гилу, быстро проговаривая слова.

— Он говорит правду? — спросил Стиллард. — Ты ему веришь?

— Да! Да, я верю ему! — решительно закивал головой Фарух. — Он очень напуган, еще мгновение — и он бы встретился с дьяволом!

Стиллард подмигнул Гилу, и в ту же минуту распахнулась дверь и шестеро высоченных военных полицейских ввалилось в комнату.

— У нас приказ от генерала Кутюра арестовать пленника, — сказал старший сержант, массивный, словно вырезанный из черного дуба.

Гил надавил на шприц, и Наим в ужасе вскрикнул.

— Он ваш, старший сержант.

Полицейские прошли к Наиму и, отстегнув ремни, подняли его. Пленник обмяк в их руках и, рыдая, не чувствуя тяжести своего тела, он стал лепетать что-то похожее на унылую молитву о прощении.

Старший сержант взглянул на Стилларда и разочарованно покачал головой.

— Не хотелось бы ставить вас в неудобное положение, старшина. Но мне придется об этом сообщить.

Стиллард вынул из кармана сигару и зажал ее во рту.

— Этот выродок изнасиловал женщину-пилота «ночных сталкеров», и мы старались выбить из него признания, где они ее держат … а вы делайте, что должны, старший сержант.

Старший сержант нахмурил лоб.

— Вы хотите сказать, что американская военнослужащая где-то в плену?

Стиллард чиркнул спичкой.

— Да, но это пока секретная информация. — Он зажег сигару. — Да, старший сержант, об этом я и говорю.

Старший сержант приказал полицейским усадить арестованного в джип. Он наблюдал, как те выводят его, а сам обдумывал сказанное Стиллардом.

— Я не буду указывать стул и шприц в моем рапорте, — решился старший сержант. — Но больше не ставьте меня в такое положение. — И с этими словами покинул комнату.

Сразу после этого появился Перес.

Гил и Стиллард оба многозначительно посмотрели на него.

— Не смотрите на меня так, — возмущенно потребовал Перес. — Я почти убедил их, что они ищут не в том ангаре, пока вы, идиоты, не стали орать.

Фарух оттолкнул Тригга и направился к двери.

— Что случилось? — Гил схватил афганца за куртку.

Фарух обернулся, сверкая от злости глазами.

— Ты предатель! Ты сказал, что ты не будешь колоть ему свиную кровь, если он все расскажет. Ты мне врал — и сейчас его душа будет безвинно мучиться. Ты лжец — я не буду больше работать с тобой.

Гил отпустил его куртку и обменялся со Стиллардом улыбками.

— Старшина, вы ему скажете или я?

Фарух по очереди смерил их взглядом.

— Что сказать?

Стиллард вытащил из рта сигару.

— Сынок, мы вкололи ему раствор обычной соли. Альбумин не делают из свиной крови. Но нужно было, чтобы поверил ты, и только тогда мог поверить и тот ублюдок. Иначе бы не сработало.

У Фаруха отвалилась челюсть.

— Это что, была шутка?

Гил рассмеялся.

— Не сердись на меня. Я вообще хотел засунуть ему в задницу свиную котлету, но постеснялся при старшине, да и вряд ли бы вышел тот же эффект.

34
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабада

Кроссвайта и четверых раненых спецназовцев отправили в медицинский кабинет к хирургу сразу, как только «Черный ястреб» приземлился. Никто из начальства не ждал их в кабинете для допроса, поскольку все на базе еще думали, что «Ограбление банка» — разрешенная операция.

Тем временем наступил вечер, а начальство все еще не появлялось, чтобы допросить (или арестовать) капитана. Он приподнялся на больничной кровати. После наркоза и лекарств он чувствовал себя, как в тумане. Ранение в ногу было не опасно, а вот со вторым ранением все обстояло намного хуже. После четырехчасовой операции по извлечению пули из спины хирург признался капитану, что попади она на пять миллиметров ближе к позвоночнику — и Кроссвайта бы парализовало.

Кроссвайт оглядел Гила и Стилларда, пришедших навестить его и других раненых.

— Знаете что? — сказал он. — Я собираюсь представить к кресту «За выдающиеся заслуги»[75] нашего санитара. Пусть ему дадут крест «За боевые заслуги». Он спас Блейну жизнь. Если бы наши медики в Сомали оперировали во время боев так же, то Джейми Смит, наверное, остался бы жив после той кровавой битвы.

Речь шла о рейнджере-капрале, который умер от кровопотери 3 октября 1993 года при поимке Мухаммеда Айдида, в тот день, когда произошло печально известное «Падение Черного ястреба» в Могадишо. Смита ранили в верхнюю часть бедра, и ни жгутом, ни надавливанием на саму рану — ничем нельзя было остановить вытекавшую из бедренной артерии кровь.

Гил закатил глаза.

— Ну, это какое-то богохульство.

— Да ну вас.

Стилларда выждал, пока медсестра измерит Кроссвайту давление и температуру. Когда она ушла, он обратился к капитану.

— Дурачина, нам бы в тюрьму не загреметь после провалившейся операции. А ты хочешь рекомендовать к награде санитара?

Кроссвайт подмигнул Гилу.

— Может, напомнишь своему напарнику, что он обращается сейчас к старшему по званию?

— Уверен, он это прекрасно понимает, — мрачно ответил Гил. Его раненая ягодица сильно болела.

— А что сказал капитан Меткалф о нашем пленном талибе? — внезапно поинтересовался Кроссвайт. — Он даже не заглянул меня проведать.

Стиллард поморщился и подал знак Гилу, чтобы тот закрыл дверь.

— Капитан Меткалф ничего не знает об операции — таков был уговор. Мы, мы несем за все ответственность… и мы облажались.

Кроссвайт сел прямо на кровати, и многочисленные трубки, протянутые между его венами и металлической стойкой, натянулись, угрожая опрокинуть капельницу.

— Эй, старшина… мы не облажались. Ее там просто не было!

Гил подвинулся вперед к Кроссвайту и опустил руку на его ногу.

— Дэн, он не это имел в виду. Успокойся.

— Это все из-за морфина, — пробормотал Стиллард, скрестив на груди руки. — Послушай, Дэн, ты прав. Я оговорился. Это не мы промахнулись, это цель сместилась. Такие вот дела. Радует, что все ребята остались живы, и ты привез с собой этого сукиного сына. По крайней мере, есть небольшой шанс избежать тюрьмы.

Внезапно открылась дверь, и в палату прошел генерал Уильям Дж. Кутюр в отутюженной форме с черными звездами на погонах. Рядом с ним был капитан Меткалф и адъютант генерала — высокий, суровый мужчина с нашивками рейнджера и с пистолетами «Глок»[76] под каждой рукой.

Гил и Стиллард быстро вскочили по стойке «смирно». Гил слышал пару небылиц про схожесть Кутюра с генералом Паттоном, но, завидя его адъютанта с пистолетами, Гил подумал, что небылицы вполне могут оказаться правдой.

Не обращая внимания на раненого Кроссвайта, генерал Кутюр остановил свой взгляд на Гиле и Стилларде. Ростом он был больше ста семидесяти сантиметров. Его волосы были зачесаны назад. Взгляд серых глаз — суров и пронзителен, на левой щеке уродливый шрам. Все, кто с ним работал, знали, что шрам генерал (тогда еще генерал-майор) получил, когда его «хамви» в самом начале второй иракской кампании попал под обстрел из «РПГ».

— Шеннон, — обратился генерал к Гилу задумчиво. — Помнится, где-то я уже слышал это имя. Был недавно в Иране?

Гил все еще стоял, вытянув руки по швам.

— Примите мои извинения, сэр, но пока что я не имею права подтверждать или опровергать такие сведения.

Генерал Кутюр хмыкнул и обратился к Стилларду:

— Главстаршина, а вы-то как попали во всю эту кутерьму?

— Я ее и заварил. Вся ответственность лежит на мне.

Кроссвайт приподнялся на кровати.

— Сэр, при всем моем уважении к старшине я заявляю, что он врет. Провести операцию — моя идея. Я приказал старшине и его людям помочь мне в операции…

— Сэр, я боюсь, что капитан Кроссвайт пока сам не знает, что говорит… из-за морфина, — оборвал его Стиллард.

— Да что ты несешь! Я в сознании! — воскликнул Кроссвайт.

Взгляд генерала потеплел.

— По-вашему, мне следует верить вам обоим, когда два упрямца заявляют, что участвовали в операции «Ограбление банка», и ради спасения друг друга бросают мечи на землю?

— Да, сэр! — в унисон воскликнули оба.

— Ну и отлично, — сухо сказал генерал. — Это облегчает мою работу. — Он повернулся к капитану Меткалфу. — Капитан, кажется, у нас теперь новые начальники армии и флота, которых надо представить президенту. По-моему, надо осветить это в СМИ, а вы как думаете?

Меткалф быстро переглянулся со Стиллардом. Оба вместе служили не первый день.

— Да, сэр. Следует сообщить прессе.

— Тогда хорошо, — согласился Кутюр. — Так держать, джентльмены. — Он остановился перед выходом и встретился глазами с Гилом.

— Хорошо сработано, главстаршина.

— Спасибо, сэр, — пробормотал Гил, опустив глаза.

Адъютант открыл, а после закрыл за всеми дверь. Трое бойцов сидели в тишине, пока Кроссвайт не вздохнул.

— А ну их, — сказал он, приглаживая простыни рукой. — Ну, после таких событий я точно рекомендую санитара к награде.

Гил прислонился головой к стене, чтобы немного расслабиться.

— Предлагаю идею получше. Почему бы тебе не сделать нашему медику приятное — и не оставить его в покое?

35
Вашингтон

Белый дом

Президент Соединенных Штатов, глядевший через стол в Овальном кабинете на директора ЦРУ Шройера, казался ничуть не заинтересованным.

— В конце концов, Джордж, SAD и SOG находятся под вашим контролем, верно?

Шройер ощутил напряжение.

— Да, господин президент.

Президент кивнул и, погрузившись в размышления, перевел взгляд на портрет Джорджа Вашингтона. Хотя ему было за пятьдесят, выглядел он весьма презентабельно: выразительные голубые глаза, подернутые сединой волосы и загар с пляжей Флориды. До своего президентства он был простым бизнесменом и, плохо разбираясь в военных делах, нуждался в советниках.

— Ну что же, — начал, наконец, он. — Надеюсь, вы мне сейчас расскажете, что выяснили… если вам есть, что сказать.

Шройер почувствовал, что краснеет: впервые за всю жизнь он попал в такое затруднительное положение.

— Господин президент, по-видимому, два подразделения группы специальных операций, а именно, «Шестой отряд» спецназа ВМС США, известный как «Морские котики», и 160-й авиационный (десантный) полк специальных операций…

— Подождите, а что с DevGru?

Шройер криво улыбнулся.

— Прошу прощения, сэр, но DevGru и есть «Шестой отряд». Извините, что запутал вас.

Президент бросил недовольный взгляд на своего главного военного советника Тима Хагена — маленького сухопарого человека в очках в проволочной оправе, сейчас стоявшего поодаль.

— А почему я только сейчас об этом узнаю?

Про себя Хаген закатил глаза, но внешне натянул свою самую сострадательную улыбку.

— Господин президент, мы с вами обсуждали это вчера, и, как я уже сказал, требуется время, чтобы запомнить все эти военные аббревиатуры.

— Он прав, — пришел на помощь Шройер. — От вас и не требуется их все запоминать, господин президент. Это наша

работа.

Президент поудобнее устроился в кресле, позволив себе расслабиться.

— Продолжайте.

— Судя по всему, — продолжил Шройер, — военнослужащие, принимавшие участие в операции, не знали, что она не была санкционирована. Насколько я понимаю, план операции был разработан капитаном спецназа сухопутных войск и главстаршиной ВМС, которые действовали сообща на основании ДНК-анализа, который, как мы думаем, им передал чиновник ФБР в Кабуле.

— Вы думаете?

— Да, сэр. Я так говорю, потому что уорент-офицер, которая провела исследование ДНК-анализов, передала результаты своему руководителю — и сразу после этого началась операция «Ограбление банка». Ее начальник в этот же день уехал из Афганистана в Айову к больной раком жене. Он не отвечает на телефонные звонки, и мы никого еще не прислали к нему домой.

— А что такого особенного было в этих ДНК-анализах?

— ДНК одного из убитых во время нападения на вертолет боевиков связана с деревней Вайгал в Гиндукуше. Судя по нашим последним данным, Сандру действительно держали там, но спецназ опоздал на несколько часов — ее увезли. Сейчас мы предполагаем, что она в Базараке, в городе-оплоте «Хезб-е Ислами Кали».

Президент подал знак рукой, прерывая доклад Шройера.

— Давайте позже вернемся к Базараку. А сейчас объясните. Вы мне рассказываете, что операция «Ограбление банка» прошла сама по себе, и ни вы, ни я не были в курсе того, что они предпринимают? Я правильно понял?

Шройер заерзал на стуле.

— Полагаю, если можно так выразиться, господин президент, что…

— И, как я понимаю, эти сведения о Базараке вы получили от плененного в Вайгале талиба?

— Да, сэр. Его зовут Наим Вардак. Мы знаем о нем немногое, но, кажется, он был талибским головорезом средней руки. — Шройер выждал короткую паузу, готовясь забить решающий гол в ворота соперника. — И, что самое важное, он похож на того человека из видео, который изнасиловал Сандру.

Президент откинулся на спинку стула и обменялся с Хагеном обеспокоенным взглядом. Они впервые услышали, что пленный талиб был насильником Сандры. И вот, наконец, блеснул луч света в темном царстве. Взять одного только насильника под

стражу уже означало, что все они оправдаются, если вдруг скандальное видео появится в Интернете.

Несмотря на то, что президент ничего не произнес, Шройер разглядел в его глазах облегчение. Спасибо безалаберному Поупу! Тот позвонил полтора часа назад, когда Шройер уже ехал в Белый дом на встречу с президентом.

Президент сел прямо и, упершись о стол локтями, сцепил пальцы.

— А что будем делать с капитаном и главстаршиной ВМС, которые спланировали операцию?

— Насколько мне известно, — осторожно начал Шройер, — с ними беседовал генерал Кутюр, и они взяли всю ответственность за операцию на себя. Капитан и еще несколько «морских котиков» были серьезно ранены, но, как сообщил мне директор отдела специальных мероприятий ЦРУ Роберт Поуп, все они восстановятся после надлежащего лечения.

— А каково ваше мнение об этом человеке? — подозрительно спросил президент.

— О Поупе, сэр? — Шройер понял: у него появилась блестящая возможность разгромить соперника. — Откровенно говоря, господин президент, этот человек сильно меня расстраивает… но в большинстве случаев оттого, что я его не понимаю.

— Я спрашиваю потому, — пояснил президент, — что объединенный комитет начальников штабов им недоволен. Они хотят его убрать. По их мнению, он слишком независим.

У Шройера было несколько секунд, чтобы принять решение: спасти Поупа или оставить его на произвол судьбы? Он бы хотел сначала посоветоваться с Веббом, но решил, что, скорее всего, на этот раз Вебб встал бы на сторону Поупа, а Шройер понимал, что Вебб умнее, чем кажется, поэтому…

— По сути, — ответил Шройер, — не так уж страшно, что комитет начальников штаба недолюбливает его. Их огорчает, когда кто-то из ЦРУ вылезает из своей раковины, чтобы посмотреть на их работу. Я думаю, Поуп помогает поддерживать баланс.

— Понимаю, о чем вы говорите, — задумчиво проговорил президент. — Итак, вернемся к капитану и мастер-старшине… Кому они подчиняются? Отделу специальных мероприятий ЦРУ или комитету начальников штабов?

Шройер улыбнулся, угадывая ход мыслей президента.

— Формально, сэр, они военные, а вы — Верховный главнокомандующий. Они подчиняются вам, и, если вы так решите, они сложат с себя полномочия.

— Понятно, — сказал президент, довольный тем, что нашел временное решение срочной проблемы. Затем взглянул на Хагена. — Позвоните Бобу Поупу из подразделения особых операций. Скажите, что в свете последних событий с заключенным-талибом его ведомство должно снять дисциплинарные взыскания с этих двух инициаторов военных действий… на время. Убедитесь, что тем не менее он сможет снова заняться этим делом… если потребуется.

— Да, сэр. — Хаген выскользнул из кабинета.

Шройер облегченно выдохнул, довольный тем, что временно отсрочил казнь Поупа и этих двух заговорщиков — капитана и главстаршины. Так или иначе, президент был доволен тем, как решилась проблема с Сандрой Брукс.

36
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабад

Когда раздался стук в дверь, Стиллард еще спал в казарме. Он тут же сел на кровати, взглянул на часы: шесть утра. Предположив, что его пришли арестовывать военные полицейские, он решил встать, одеться и лишь потом отворить дверь. Пусть вышибают ее, если хотят. Спустя несколько минут он отпер — и там, на лестнице, стоял несколько смущенный капитан Меткалф.

— Что-то не припомню, когда бы еще я так долго ждал под дверью.

Стиллард отошел, позволив Меткалфу войти.

— Потому что все лижут твою задницу эти десять лет. — Он закрыл дверь за старым приятелем и повернулся пожать тому руку. — Хорошо, что они вместо полицейских прислали тебя. Когда уже меня отправят домой?

Меткалф опустился на складной казенный стул у окна.

— Ты никуда не едешь, — сказал он, жестом указав Стилларду на другой стул. — По крайней мере, пока. Пока не утрясутся эти дрязги в Вашингтоне. Веришь ты или нет, но Боб Поуп заведует дисциплинарными взысканиями.

Стиллард возмутился.

— Поуп?! Чертов гражданский шпион еще и этим командует!

Меткалф серьезно посмотрел на него.

— Ты же еще не встречался с этим гадом.

— И не горю желанием.

Меткалф помахал рукой, утихомиривая Стилларда.

— Твои ругательства сейчас не помогут. Президент решил попридержать вас, пока ситуация с Сандрой не разрешится. Если все кончится хорошо, Белый дом возьмет ответственность за «Ограбление банка» на себя.

— Конечно, они припишут заслуги себе, — вставил Стиллард. — А нас всех наверняка отправят к Дэвиду Леттерману[77]. И выставят все напоказ, как это было после ликвидации Бен Ладена. Сделают из нас чертовых звезд.

Меткалф вздернул бровь.

— Все не так плохо, Хал. Скорее всего, тебя с Кроссвайтом хотят спрятать — а мы будем на это надеяться, потому что, если Сандра умрет, вы окажетесь козлами отпущения.

— Все уже решено?

Меткалф, откинувшись на стул, вздохнул.

— Да. Ах, ты же спал. И ничего еще не слышал.

Стиллард удивленно поднял брови.

— Чего не слышал?

— Видео с изнасилованием Сандры попало в Интернет. Скоро это выльется в самый страшный президентский кошмар.

Стиллард покачал головой.

— Мы же знали, что так случится.

— И вдобавок, — продолжил Меткалф, — она больше не у талибов. Она у ХИК, а те уже не просят выкупа. Они хорошо знают, что такое пропаганда, и хотят использовать ее в своих целях вроде «американцы не могут защитить своих женщин, посмотрите, какие они слабые». И все в таком духе.

Стиллард подошел к холодильнику.

— Хотя ты знаешь, ведь это правда. Мы действительно не смогли ее защитить. — Он вытащил из холодильника бутылку молока и сел обратно. — Она все еще в Базараке?

— Думаем, что да, но это селение — центр ХИК. Если мы атакуем их там, они убьют Сандру.

— От них еще не поступали конкретные угрозы?

— Им это не нужно, — ответил Меткалф. — И понятно почему. Еще один иранский кризис с заложниками в миниатюре. ХИК собирается прославить Базарак. Они стали стягивать своих людей в Панджшерское ущелье полгода назад, как только наши войска ушли из региона. С тех пор ничего не сделано, потому что президент Карзай не хочет идти против «Хезб-е Ислами». А у ХИК сильные позиции в парламенте.

Стиллард отпил и предложил молока Меткалфу. Тот подался вперед, чтобы взять бутылку.

— Эти головорезы не вернут нам Сандру живой, — сказал главстаршина. — Они и дальше будут унижать Америку, используя женщину. А когда, наконец, наша сторона предпримет боевые действия, они выбросят ее обезглавленное тело на какую-нибудь вонючую улицу в Кабуле.

— Все равно. Теперь это будет выясняться на дипломатическом уровне. — Меткалф отер ладонью рот. — Это уже решено.

— А президент вообще знает, что эти уроды плевать хотели на демократию? Что они не будут торговаться? Они хотят одного — хаоса.

— Не знаю, но президент понимает, что осталось всего одиннадцать месяцев до выборов, — сказал Меткалф. — А еще он понимает, что кризис, если с ним не разобраться сейчас, может

надолго затянуться.

— Ему лучше не затягивать. Они хотят выставить его на посмешище — как это сделали иранцы с Картером. А за неделю до выборов подкинут ее тело.

— Хал, мы не знаем наверняка.

— Пока не знаем, — согласился Стиллард. — Но, спорим на доллар, ХИК будет долго и упорно размышлять, кого бы им хотелось в президенты на срок до ноября.

— Ну, все, что мы думаем, по сути, не имеет значения, — сказал Меткалф. — Я зашел только передать, чего от вас ждет Поуп.

— И чего же?

Меткалф не смог сдержать улыбки.

— Он просил, чтобы ты и Кроссвайт держались подальше от неприятностей.

— И это все? — осторожно спросил Стиллард. — Держаться подальше от неприятностей?

— Поговаривают, что объединенный комитет начальников штабов хочет убрать его из спецслужб, — продолжил Меткалф. — Я недолго разговаривал с генералом Кутюром и не знаю всех деталей, — а спросить так, чтобы не вызвать подозрений, я не мог, — но мне кажется, что Поуп знал об операции «Ограбление банка». Знал и скрыл ото всех.

— Думаешь?

Меткалф криво улыбнулся.

— Думаю? Нет. Уверен. Я просто работаю там.

37
Афганистан

Селение Базарак

Аасиф Кохистани вошел в тот дом на краю деревни Базарак, где держали Сандру, и, присев в уголке, стал наблюдать, как доктор обрабатывает ее раненую ногу, которая оказалась сильно заражена. Развивалась гангрена, которая могла полностью лишить Сандру ноги. Бадира сидела на стуле вблизи доктора и держала в руках глиняную миску, где плавали личинки. Доктор вынимал их из миски длинными щипцами и опускал на пораженную поверхность ноги.

— Для чего нужны личинки? — спросил Кохистани, чувствуя отвращение при виде копошащихся в омертвелой плоти ноги личинок.

Доктора звали Хан. Он был не старше Бадиры, и его тоже возмущало присутствие ХИК в деревне, однако он понимал, что с этим ничего не поделать.

— Личинки помогают удалить омертвелую ткань, — пояснил Хан. — Они поедают старую плоть и не трогают живую. Ей повезло, что вы ее привезли сейчас.

— И она выживет?

— Мне кажется, шанс у нее есть, — сказал Хан, — но вы должны прислать антибиотики посильнее. У нас тут только пенициллин, который для этого не подходит. Заражение сильное. У нее лихорадка, велика угроза подхватить пневмонию. Если это произойдет, она умрет, так как защитные силы организма на исходе.

— Постараюсь прислать антибиотики получше, — пообещал Кохистани, — но ты должен пока обходиться тем, что есть. Вскоре сюда придут американцы, и с медикаментами будет туго.

Доктору это не понравилось, и он стал выказывать недовольство.

— Вы говорите, что американцы уже знают, что она здесь?

Кохистани позабавило, что Хан осмелился так нагло выразить свое недовольство. С давних времен врачи могли позволить себе пренебрежительно относиться к власти, в то время как простые люди за то же самое подвергались наказанию.

— Да, скоро они узнают, если уже не узнали, — непринужденно сказал он. — Но вам не о чем волноваться. Американцы не смогут просто так провести спасательную

операцию здесь, в центре хезби: иначе мы убьем пленницу. Сейчас мы держим их за яйца. Мы окунем их лицом в дерьмо, и надолго.

— Все поставки в селение прекратятся. Мы будем отрезаны, — предостерег доктор, снова принимаясь за работу.

— Тогда мы отрежем ей пальцы на руках, — как ни в чем не бывало проговорил Кохистани. — А потом — на ногах, а затем отрежем руки, ноги. Видишь… у них не останется выбора, кроме как оставить нас в покое… при условии, что вы приведете ее в чувство.

Хан опустил кусок муслиновой ткани в зеленоватую жидкость, отжал ее и положил сверху на рану, чтобы личинки не разбежались.

— Могу я попросить, — обратился Хан к Кохистани, — чтобы вы воспользовались своим авторитетом и достали антибиотики… не только для нее?

— Составь список, — улыбаясь предложил Кохистани. — Я посмотрю, что можно сделать. — С этими словами он встал и вышел из комнаты.

Хан посмотрел на Бадиру: сквозь ткань угадывалось, что у нее нет большей части носа. Но у нее были очень красивые глаза, и, глядя на нее, он не мог не улыбнуться, пусть даже это была грустная улыбка.

— Кто догадался дать ей опиум?

— Я, — ответила Бадира. — Больше ничего не было.

Хан понимающе улыбнулся.

— Ей, наверное, было совсем плохо, и ты это знала.

Она кивнула.

— Но мы делаем все, что можем.

Они заметили, что Сандра проснулась и наблюдала, как они разговаривают. Безжизненные глаза провалились куда-то в глубь ее отекшего, покрытого потом лица.

— Спроси, больно ли ей.

— Тебе больно? — спросила Бадира.

Сандра кивнула и закрыла глаза. Надеясь, что это поддержит силы раненой, Бадира рассказала Сандре о том, как американцы приходили за ней в Вайгал, но новости о возможном спасении оказали противоположный эффект. И Бадира уже жалела, что заговорила об этом, так как американка потеряла всякую надежду.

— Я попрошу женщин, чтобы сварили особенный чай, — сказал Хан. — Проследи, чтобы она выпила его. Ей следует много пить и кушать три раза в день. Я объясню женщинам, какую еду надо готовить. — Он уже собирался встать со стула, но остановился. — И не стесняйся ей врать, Бадира. Скажи, что уже

ведутся переговоры по ее освобождению. Иначе она не выживет.

— Может быть, даже лучше, если она умрет, — осмелилась произнести Бадира. — Она ужасно мучается, и боли будут только усиливаться… и американцы все равно придут… несмотря на слова Кохистани… в конце концов они придут. Они всегда приходят, а когда приходят, гибнет много мирных жителей.

— Да, — согласился Хан, вставая со стула, — но придут они только тогда, когда Кохистани добьется своей цели, а у них закончатся варианты. Его план хорошо продуман. Он заставит американцев играть по своим правилам: убедит их, что у них есть шанс получить Сандру живой без штурма Базарака. Так будет продолжаться несколько недель, пока они не поймут, что их дурачат, и никто не собирается отдавать пленницу живой. У Кохистани одна цель: показать, что американцы уязвимы. Тогда позиции хезби во всем Афганистане укрепятся, и они заполучат новых бойцов в свою группировку.

— Он сам сказал тебе о своих планах?

Хан покачал головой.

— Кохистани ни с кем не делится своими планами. Я думаю, что так может произойти.

Бадира не привыкла находиться в обществе мужчины, который обращается с ней, как с равной.

— Где ты учился?

— В медицинском институте в Пакистане. А родился я здесь, в Базараке. Потом вернулся домой присматривать за своими престарелыми родителями. Они тогда оба болели. После их смерти я хотел вернуться в Пакистан, но в итоге решил остаться. Базарак был мирным селением, пока хезби не захватили его. Может, он снова станет таким… если Аллах того пожелает.

— Может, — повторила Бадира, подавляя в себе странное ощущение теплоты внизу живота, которое было ей незнакомо.

— А ты? — спросил он. — Где ты училась?

— Я тоже училась в Пакистане.

Хан снова сел на стул.

— Можно я спрошу про нос? — вежливо сказал он. — Не угодила своему мужу?

Она кивнула, сдерживая вдруг навернувшиеся на глаза слезы.

— Он умер?

— Да, — пробормотала она. Глаза ее наполнились слезами.

— Слава Аллаху, — сказал он улыбаясь.

38
Вашингтон

Кофейня Starbucks

Спустя две недели после того, как скандальное видео о жестоком изнасиловании Сандры Брукс попало в СМИ, Клетус Вебб зашел в Starbucks, где Тим Хаген, военный советник президента, попивал двойной латте и читал Washington Post. Хаген отложил газету в сторону и встал, чтобы пожать Веббу руку. Оба они пересели за столик в пустом тихом углу.

— Поскольку оба наших начальника по уши в грязи, — начал Хаген, — я подумал, что было бы неплохо нам встретиться один на один.

Вебб еще не встречался с тридцатилетним Хагеном наедине, но много слышал об этом невысоком тощем человеке. Тот обладал фотографической памятью и уже в двадцать четыре года получил степень кандидата наук и магистра бизнеса в Массачусетском Технологическом Институте. Он окончил курс бизнес-администрирования по программе Leaders for Global Operations, а также получил ученую степень по специальности «Вычислительные методы в области аэрокосмической техники». Оставалось только гадать, почему с таким образованием он стал работать на правительство. Многие считали, что его привлекала власть.

Вебб не был уверен, что придумает что-то такое, что сделает их встречу продуктивнее, поэтому прямо спросил:

— Чего вы хотите?

— Как вы знаете, — сказал Хаген, — на прошлой неделе президент приказал окружить Панджшерское ущелье, чтобы прекратить поставки и остановить поток повстанцев, наводняющих Базарак.

— Да, он приказал вопреки нашей инструкции, — ответил Вебб, задумавшись, кто повлиял на президента: сам Хаген или объединенный комитет начальников штабов. — Он хочет принять жесткие меры против похитителей, но это не сработает.

— На мой взгляд, вы были правы, — признался Хаген. Вытащив небольшой портативный компьютер из футляра, открыл его и воткнул пару наушников, которые протянул затем Веббу. Агентство национальной безопасности перехватило это видео в Интернете шесть часов назад. Они следят за перепиской Аль-Джазиры по электронной почте большую часть времени — это,

кстати секретная информация, — и ожидают, что Аль-Джазира скоро выйдет в эфир.

Вебба не удивило, что в этом замешано АНБ. Они следят за каждым закоулком на планете, где только есть доступ к Интернету, за исключением разве что Китая, где правительство само контролирует сеть. Вебб надел наушники и пересел на сторону Хагена, чтобы больше никому не было видно, что происходит на экране.

— Хочу вас предупредить: разрешение низкое. — Хаген нажал Play.

На экране появилось избитое, перепуганное лицо уорент-офицера Сандры Брукс. Кадр отдалился: стало видно, что голая Сандра привязана к кровати.

— Пожалуйста, не делайте этого, — сказала она кому-то за камерой. Сменился ракурс съемки, и в кадре теперь был развалившийся в кресле улыбающийся Аасиф Кохистани.

— Приветствую вас, — обратился он по-английски, — и пусть вас благословит Аллах. Американские войска окружили Панджшерское ущелье, отрезав нас от остального мира, чтобы наши жены и дети голодали. Этого нельзя терпеть.

Он подал сигнал оператору, чтобы в кадр попала Сандра.

Теперь голос Кохистани звучал за камерой.

— Сандра, скажи своему президенту, что ты хочешь, чтобы он сделал.

Сандра рыдала от страха и от стыда и даже не могла взглянуть в объектив.

— Я хочу, чтобы он убрал наши войска.

— Почему?

— Потому что, если он этого не сделает… — Сандра стала всхлипывать.

— Скажи же ему! — выкрикнул Кохистани.

— Потому что мне отрежут пальцы на руках и на ногах.

— А потом?

— Мои руки и ноги, — проговорила она и зарыдала еще сильнее.

Кохистани сказал что-то по-пуштунски, и в кадре появился Рамеш, держа в руках инструмент, похожий на большой секатор. Он схватил Сандру за левое запястье.

— Нет! — закричала Сандра, отчаянно борясь с кожаными ремнями, которыми она была привязана к деревянной кровати. Она сжала руку в кулак, но Рамеш легко поддел кусачками ее свободный палец и отрезал его. Она заорала от боли и ужаса, кровь побежала из обрубка ручьем.

Рамеш освободил от ремней ее кисть и направил ее в

объектив камеры, чтобы было лучше видно, что палец действительно ампутирован. В другой руке он держал отрезанный палец.

Сандра отдернула руку и зажала губами кровоточащий обрубок. Спустя мгновение она повернулась к краю кровати; началась рвота. В кадре снова появился Кохистани. На этот раз он уже не улыбался.

— Это ваша работа, господин президент, это вы сделали, а не кто-то другой! Уберите войска, не то за каждый просроченный день мы будем отрезать вашей женщине по пальцу. Попытаетесь ее спасти — мы ее мигом убьем. Выполняйте наши требования — иначе она умрет!

Оператор направил камеру на Сандру: рыдая, она прижимала к грудям истерзанную руку, по-прежнему зажатую в кулак, откуда сочилась кровь, окрашивая грудь и живот в красный цвет. Видео закончилось, экран погас.

Хаген опустил экран компьютера.

Вебб вынул из ушей наушники и, поеживаясь, пересел на свое место.

— Президент уже смотрел?

— Да, — ответил Хаген. — Сегодня у нас было собрание с вашим начальником и с комитетом начальников штабов.

— Он хотел посоветоваться?

Хаген покачал головой.

— Он уже отдал приказ, чтобы войска покинули долину реки Панджшер. Собрание было по другому поводу: надо было убедиться, что на этот раз никто из спецназовцев не станет действовать без приказа. Он хочет, чтобы никто и ничто не усложняло положение Сандры.

— Хорошо, — понял Вебб. — А что, собственно, от меня требуется? Шройер не собирается идти путями, которые усложнили бы имеющиеся обстоятельства.

— Я это понимаю, — ответил Хаген. — Я надеюсь, что мы с вами вдвоем можем взглянуть на эту проблему в глобальном масштабе.

Вебб помрачнел.

— В каком еще глобальном масштабе?

— Вполне очевидно, чего добивается ХИК, — начал проливать свет на свои слова Хаген. — Они используют Сандру, чтобы выставить США дураками, — и у них это получается.

— Ну конечно, — согласился Вебб, согнув плечи и тут же их выпрямив. — Вы говорили это президенту?

— Разумеется, говорил, — ответил Хаген, — но… это только… это должно остаться между нами.

— Хорошо.

— Президент отреагировал на это видео как рядовой человек. Можно сказать, он принял его слишком близко к сердцу… он боится, что видео отразится на его президентском сроке.

— И по-вашему, это значит «отреагировал как рядовой человек»? — Вебб откинулся на спинку стула.

Хаген пропустил его слова мимо ушей.

— Пару недель все шло хорошо. Да, на него обрушилась вся эта шумиха из-за видео с изнасилованием, но после того как он выступил по телевидению с заявлением, что талибский насильник арестован, все вроде бы утряслось. Однако второе видео жестче первого, и последствия будут еще страшнее, и мы практически не можем этого избежать. Президент приказал окружить долину реки Панджшер, и Сандру из-за этого изувечили — примерно так это будет выглядеть в глазах общественности.

— Прошу прощения, — вставил Вебб, делая вывод, что Хаген хладнокровен, как рептилия, — но я не понимаю, как это относится к нам с вами. Пусть эту проблему решают люди с другим уровнем зарплаты и с другими полномочиями, чем у нас.

— Согласен, — ответил Хаген, отпивая латте. — Но президенту нужно поменять решение, и только я могу повлиять на это. Если вы в свою очередь посоветуете Шройеру то же, что и я, то мы сможем полностью изменить мнение президента. Я сейчас не строю иллюзий, но попытаться, думаю, стоит.

Веббу становилось все труднее скрывать раздражение.

— Что я должен посоветовать?

— Полномасштабную атаку на Панджшерское ущелье. Это прекрасная возможность ликвидировать сразу сотни боевиков ХИК. Они совершают серьезную тактическую ошибку, чтобы стратегически выиграть.

— Да, но в их руках Сандра. И они, несомненно, свой промах кроют этим козырем.

— Если только мы позволим им сделать это, — жестко ответил Хаген. — Ты должен смотреть на это с точки зрения математики, Клетус. Сандра все равно умрет. Ты это знаешь, я знаю, даже она — и то знает! Если уж она умрет, то почему не во время спасательной операции? Почему бы не пойти ва-банк? Почему бы не использовать эту попытку в качестве предлога и не ликвидировать как можно больше боевиков? Эти бредовые фанатики скорее всего захватят Афганистан сразу, как только мы уйдем оттуда. Мы не можем позволить своей гуманности застилать нам целую панораму иного масштаба.

— О каком глобальном масштабе вы все время твердите?

— Очень просто. Если мы сровняем это ущелье с землей,

включая все и вся, то никогда больше ни один фанатик не унизит гражданку Америки.

39
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабада

Настроения на базе царили довольно мрачные. Весть о том, что Сандре отрезали палец и войска должны покинуть долину, нанесла сокрушительный удар по духу солдат. По крайней мере, пока Базарак был в окружении, они чувствовали, что какие-то шаги по спасению Сандры предпринимаются. Впрочем, сейчас тягостные чувства, переполнявшие ее родных «ночных сталкеров», рейнджеров и «морских котиков» оттого, что Сандра так и осталась у противника (с чем не могли смириться американские военные), пошли на убыль: ведь некоторые из американцев рискнули организовать несанкционированную операцию, пусть даже под угрозой тюремного срока.

Разговоров об очередной операции велось мало и вполголоса, только чтобы выпустить пар, и уж конечно, никогда ничего не произносили перед офицерами вслух. Президент дал ясно понять генералу Кутюру, что любая попытка провести неофициальную операцию будет караться по всей строгости Единого свода военных законов, и поэтому все дорожили карьерой и не хотели никаким образом вовлекаться в такие опасные мероприятия.

Мнения по поводу отступления от Панджшера разделились поровну. Часть военных сочувствовала президенту, хотевшему освободить Сандру от мучений. Вторая половина, напротив, примерив на себя положение Сандры, похвалялась, что они готовы прямо сейчас броситься в бой и стереть Базарак с лица земли. Пусть лучше Сандра погибнет во время сражения, чем ее замучают мусульманские фанатики.

Недавно выписавшийся из больницы капитан Кроссвайт приковылял в ангар, в помещение для дежурных экипажей, где Гил, Стиллард и другие спецназовцы, многие из которых участвовали в операции «Ограбление банка», курили сигареты и пили из пары фляжек, передаваемых по кругу, запрещенное виски.

Гил стряхнул пепел в помятую жестяную банку и улыбнулся.

— А я думал, ты уже летишь обратно в Кандагар.

— Хрен вам, — сказал Кроссвайт, протягивая руку, чтобы взять сигарету у самого молодого бойца, сидевшего у стены. — Они не хотят меня туда отправлять. — Он затянулся и вернул сигарету обратно. — Я же теперь персона нон грата. А скоро буду

и вовсе бесславно демобилизован или еще что похуже. — Он подмигнул Стилларду. — Как и мой дружок.

Стиллард рассмеялся.

— Будь я на десять лет моложе, я бы решился на штурм ущелья. Но, так как я уже стар, никому от этого не лучше. Старость не радость, ребятки, запомните это.

Раздались дружеские смешки.

Кроссвайт присел и взял в руки фляжку.

— А как насчет тебя, поддержал бы атаку? — спросил Гил.

— Ну, нет. — Кроссвайт опрокинул фляжку. — Спасибо, только этого мне не хватало. Я только что столкнулся у больницы с Джоном Бруксом. Он сказал, что прилетел сюда поблагодарить меня за то, что пытались спасти его жену. Я сказал, что не стоит меня благодарить, и спросил, может, он зайдет сюда и скажет спасибо остальным участникам операции? Но он просил сделать это за него. Он ужасно подавлен. По-моему, он узнал, что Сандре пару часов назад отрезали палец. Сказал, что ему не хотели об этом сообщать.

— А можно ли их в этом обвинять? — спросил Альфа.

Лицо капитана вспыхнуло, когда он заприметил Альфу.

— Эй, прокаженный. Будешь много щелкать клювом — отвалится.

Все дружно расхохотались, а Альфа вскочил и, встав в центр круга, показал неприличный жест двумя руками.

— Вот вам, придурки! — Он забрал свои вещи. — Зассали? Никто из вас мне ничего не сделает.

Даже Гилу было сложно подавить улыбку. Заметив краем глаза, что Фарух подает ему сигнал, призывая выйти наружу, он выскользнул из ангара, когда стали шутить о том, как облажался Альфа во время операции.

— В чем дело? — осторожно спросил Гил, ожидая, что Фарух снова будет жаловаться на допрос Наима.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал переводчик. — Наедине.

— Послушай, Фарух, если речь о допросе…

— Нет, тут другое, — шепотом произнес Фарух.

— Хорошо, идем. — Гил завел его за ангар, где они взобрались в кузов военного грузовика.

— Ну, в чем дело?

Фарух посмотрел на него, все еще раздумывая, рассказывать или нет.

— У меня в Базараке семья.

По телу Гила пробежали мурашки.

— Семья? Насколько большая?

Фарух пожал плечами.

— Дяди, племянники. Они еще воевали с Масудом[78] против русских.

— Ты сможешь пробраться туда?

Фарух кивнул.

— Мои дяди за меня поручатся. Никто из них не знает, что я работаю в американском спецназе.

Гил мысленно был уже на полпути к Базараку.

— Думаешь, ты сможешь пойти туда и найти, где держат Сандру? Ты хочешь попытаться?

— Да, — ответил Фарух. — Хотя немного волнуюсь. Я не доверяю ЦРУ.

— Не беспокойся, — заверил его Гил. — Мы им не скажем. Мы сохраним это строго между нами. Но прежде мне нужно добыть санкцию.

Фарух смутился.

— Разрешение? Ты же не хочешь предупреждать SOG.

— Они тут ни при чем. — Гил похлопал его по плечу. — Я собираюсь получить разрешение у более важных ребят. Давай встретимся через два часа здесь же.

Гил зашел в казарму, откопал iPhone, который он получил от Джо в ночь перед операцией «Коготь тигра». Тогда было оговорено, что Гил заимствует КПК на неопределенный срок.

Он набрал подробное сообщение и отправил его в Лэнгли, штат Вирджиния[79]. Затем лег на кровать и вздремнул. Через час он получил объемный ответ на свое сообщение, спрыгнул с кровати и пошел искать майора Джона Брукса.

40
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабада

Майор Джон Брукс сидел в одиночестве в столовой, теребя в руке пирожок с говяжьим фаршем, как вдруг напротив него сел человек, которого он впервые видел.

— Джон Брукс, верно? — сказал незнакомец.

Брукс, которому явно не понравилось такое вторжение, взглянул на мужчину.

— А вы кто такой?

— Меня зовут Гил Шеннон. Я друг Дэна Кроссвайта. И я также знаком с вашей женой.

Брукс был кареглазым крупным мужчиной с широкими плечами, которые из-за тяжести событий последних дней странно опустились. Он заметил значок орла с трезубцем на форме Гила.

— Вы тоже участвовали в операции «Ограбление банка» вместе с Кроссвайтом?

— К сожалению, нет, — вздохнул Гил, усаживаясь поудобнее. — Я застрял в госпитале с ранением в ягодицу. Хотел бы поговорить конфиденциально.

Брукс оглядел столовую. Ближе всего — через пять столов — сидела пара гражданских специалистов по анализу разведданных.

— Я слушаю.

Гил понизил голос и придвинулся вперед, сохраняя обычное выражение лица.

— Если я смогу достать местного жителя из Базарака, который укажет на дом, в котором находится Сандра, разрешишь ли ты пойти и вызволить ее оттуда?

Брукс еще раз взглянул на аналитиков, которые с любопытством на него посмотрели, а потом снова принялись за еду.

— О чем это ты?

— Так да или нет?

— Нет, — ответил Брукс. — Уже и так чуть не погибло десять человек. Двоим грозит трибунал. Она не хотела бы, чтобы кто-то еще рисковал. И вообще, что может сделать один человек?

Гил пожал плечами.

— Это зависит от человека, сколько в нем храбрости. А еще, что важнее, от того, поддерживает ли его самолет Spectre[80].

Брукс покачал головой, думая, что Гил просто геройствует.

— Нет. Я ценю твое желание помочь, но все-таки нет. Пусть Госдепартамент ведет переговоры о ее освобождении, так для Сандры будет лучше.

— Джон, не обижайся, но это же просто дерьмо собачье, и ты это сам знаешь. Она в руках у ХИК, а эти люди собираются захватить страну, как только мы отсюда уйдем. Проявляя жалость и слабость, власть не захватывают.

Брукс внимательно смотрел на него, но лицо омрачилось смесью страха и злости.

— Думаешь, я хочу сейчас слушать твою брехню?

Гил продолжал говорить так же тихо.

— У меня есть план, как освободить твою жену. Ты за или против?

Брукс заметил, как встают и уходят аналитики, затем тоже тихо сказал:

— Что такого в тебе особенного, а? Почему я должен доверять жизнь жены какому-то подозрительному обдолбанному придурку, который жаждет сдохнуть на поле боя?

Глаза Гила загорелись.

— Потому что я… потому что эта операция… еще один… путь без возврата.

Брукс откинулся на спинку стула. Всего лишь несколько людей на земле знало об операции «Путь без возврата», во время которой пилот транспортного самолета MC-130H Combat Talon II[81] эвакуировал из Китая главстаршину Гила Шеннона путем подхвата человека с земли (система STAR). Впервые ЦРУ применило такой способ во время Вьетнамской войны. Из соображений конфиденциальности Бруксу имя Гила никогда не называли и даже не позволяли увидеть его лицо.

— Так это был ты, — тихо заключил он.

— Если меня не смогли замочить полмиллиарда визгливых китайцев, как же с этим справятся духи?

— В Панджшерском ущелье у ХИК порядка тысячи бойцов.

Гил хмыкнул.

— Так это в горах. А в самом Базараке их не больше пары сотен.

— Как ты вычислил, что именно я был в кабине, когда тебя эвакуировали? — поинтересовался Брукс. — Нам же запретили разглашать личности.

— Однажды вечером мы с Сандрой разговорились, — пояснил Гил. — Мы приземлились здесь после учений на границе с Пакистаном. Немного посмеялись… она вспомнила, что ее муж летел как-то раз через Манилу… вопрос за вопросом… ну, ты знаешь, как это обычно бывает.

Брукс не смог сдержать улыбки.

— Ну, да, она у меня такая, вечно рот не закрывается. А вы знаете, что было между ней и капитаном, как его там?..

— Шон Бордо?

Брукс потупил взгляд и кивнул.

— Ничего о них не слышал.

Брукс взглянул на него.

— И что это значит?

— Они хорошо общались. Я часто это замечал, но мне и в голову не приходило, что между ними что-то есть. Говоришь, у тебя в Маниле нет надежных товарищей? На кого можно положиться?

Брукс пожал плечами.

— Ты и вправду думаешь, что ее можно вызволить оттуда?

— Я думаю, мы можем вызволить ее оттуда.

— Предположим, я соглашусь. Что от меня потребуется?

— У тебя есть друзья в 24-й эскадрилье? Я имею в виду настоящих, смелых друзей?

Под 24-й эскадрильей подразумевалась 24-я тактическая спецэскадрилья ВВС США, базирующаяся в Форт-Брэгге.

Брукс улыбнулся.

— Смотрю, у тебя бронированная задница.

Гил повернулся и пощупал раненую ягодицу.

— Давно я не проверял, как там у нее дела.

— Сколько людей нам потребуется?

— Нам нужны люди тебе в компанию на самолет Spectre… еще несколько — на пушки… и еще парочку на систему STAR.

— На систему STAR? — удивленно спросил Брукс. — Которая будет на Spectre? Но ее не ставят на самолет «С-130». Тот «небесный крюк»[82], которым тебя эвакуировали… это было специальное оборудование, которое разобрали в ту же ночь.

— А что, если я скажу, что на авиабазе ЦРУ на острове Диего Гарсия[83] есть один такой Spectre, оснащенный системой STAR?

У Брукса холодок пробежал по телу.

— Хотелось бы спросить, откуда такие данные?

— Я и сам узнал об этом десять минут назад, — признался Гил. — Я отправил сообщение своему другу, какие у него есть соображения насчет операции, и он предложил использовать Spectre. Я доверяю тебе информацию, о которой знают только два человека: я и Джон. И то лишь потому, что от нее зависит жизнь Сандры. Я связался с Лэнгли, у меня есть связи с верхушкой, с человеком, которого я сам никогда в жизни не встречал. Если мы решимся на эту авантюру, это может стоить ему карьеры, но он хочет рискнуть… при условии, что ты тоже рискнешь и поведешь

этот самолет.

— Прямо с острова Диего Гарсия?

Гил повертел головой.

— Если пообещаешь мне в течение суток собрать команду, тогда этот чудесный самолет волшебным образом появится сегодня на площадке в половине первого ночи.

Улыбка проступила на лице Брукса.

— Теперь я понимаю, почему именно тебя послали в Китай. Ты точно шпион.

— Не-е, — заверил его Гил. — Вот мой отец однажды спас жизнь одному шпиону во Вьетнаме.

— Хорошо, — согласился Брукс и раскрыл карты. — Через двенадцать часов здесь будет один экипаж, но послушай, смельчак… все они в самовольной отлучке, поэтому нам надо их надежно спрятать.

— Черт, Джон, мы же в огромной песочнице. Тут столько места, чтобы зарыться с головой.

Часом позже Гил сидел на своей койке и звонил жене по спутниковому телефону, который он у кого-то одолжил.

— Привет, красотка. Это я. Извини, что разбудил.

— А я и не спала, — ответила Мари. — Я лежала и ждала, пока ты позвонишь.

— Да ладно? Я только полчаса назад решил тебе позвонить.

— Понятно, — ответила она, по-девчачьи зевая. — Я сама проснулась полчаса назад — почувствовала, что ты позвонишь. Вот и ждала.

Гил сам не знал, рад он был это услышать или нет. Он не верил в предзнаменования, в добрые ли, в недобрые ли, но это совпадение показалось ему странным.

— Все в порядке? Мама, Осо, лошади?

— Да. Все отлично. Что случилось?

— Я собираюсь покинуть военную базу, малыш. И все это может вылиться в большие неприятности.

— Это означает, что ты идешь спасать Сандру? А покидаешь базу, соответственно, без разрешения начальства?

Он почувствовал комок в горле, и на ум пришел только Джон Брукс.

— У меня есть разрешение ее мужа.

— Ну да, это многое значит. Насколько я понимаю, другого разрешения тебе не требуется.

— Нет, нужно еще у кое-кого спроситься, — прохрипел он. — У тебя.

— Считай, что ты его получил, — спокойно сказала она. —

На этот раз обстоятельства еще сложнее, да?

— Да, сложнее.

— Ты звонишь, чтобы попрощаться. Я правильно поняла?

Он опустил голову.

— Возможно, — прошептал он прочувствованно.

— Я благодарна тебе за это. Знаю, что это трудно… но я очень рада, что ты позвонил. Это лучшее, что можно было сделать в такой ситуации.

Чувство вины захлестнуло его. Он не мог говорить.

— Гил, послушай меня. Я никогда никого не любила сильнее тебя… но я всегда знала, что этот день настанет. Я знала это, потому что понимала, что ты за человек. И я готовилась к этому. И больше всего боялась, что ты уйдешь, так и не попрощавшись. Ты должен знать, что ты самый замечательный мужчина, — сказала она ему. — Лучшее, что может предложить эта страна этой женщине… моего мужа. И я скажу большее: я горжусь тем, что ты идешь туда без этих проклятых командиров…

41
Афганистан

Военно-воздушная база Джалалабад

Поздно ночью Гил открыл дверь в свою комнату, щелкнул выключателем и обнаружил внутри поджидавшего его главстаршину Стилларда.

— Какого черта ты тут делаешь?

Стиллард чиркнул спичкой и зажег сигару.

— Хотелось бы узнать, что ты задумал.

— Это не твое дело. Все, выходи из моей комнаты. Я устал.

В дверь громко постучали, вошел Кроссвайт.

— Что бы ты ни задумал, Гиллиган, я в этом участвую.

— Черт! — сказал с досадой в голосе Гил. — Фарух проболтался?

— Если бы. Я все перепробовал, только разве что в таз с водой не окунал его голову. Молчит, зараза.

— И правильно. Потому что и выбалтывать нечего.

— Мы не слепые, — сказал Стиллард. — Вы двое бегаете от нас по базе, как два таракана. И поэтому либо ты нам все откроешь, либо мы сдаем тебя штабу.

Гил ухмыльнулся.

— Зачем вам это, старшина? Вашим задницам не хватило приключений?

Кроссвайт потрепал Стилларда по плечу.

— Эй, старшина, приятель, не одолжишь сигару?

Стиллард повернулся к нему, вздернув бровь.

— А поцеловать меня в задницу… *приятель*? — Он встал со стула и подошел к Гилу. — За тобой должок с Индонезии, Гиллиган. Так какого черта тут происходит?

— Послушайте, старшина, вы уверены, что хотите участвовать? Это довольно рискованная игра, вроде рулетки.

— А я еще тот рисковый парень!

Гил присел на краешек кровати.

— У Фаруха есть родственники в Базараке. Я раньше и сам не знал, пока он об этом не рассказал. Они вроде бывшие военные или были ими. В любом случае, я собираюсь спрятаться высоко в горах, за деревней, а Фарух укажет мне на дом, где держат Сандру. Затем я спущусь и заберу ее.

— Ты и духи, — заключил скептично Кроссвайт. — Один против всех.

— Ну, не совсем, — ответил Гил. — Решено, что я должен быть там завтра ночью… главный в операции «Стремительный налет» … поэтому мы улетаем утром. У меня на примете есть один летчик из спецслужб, который высадит нас на юге ущелья.

Стиллард и Кроссвайт обменялись суровыми взглядами.

— Что еще за «Стремительный бросок» и каким макаром Фарух укажет тебе дом?

Гил запустил в большой карман своей полевой формы руку и достал оттуда MS-2000 Firefly — инфракрасный проблесковый маяк, который заметен на расстоянии в несколько миль, но исключительно через приборы ночного видения.

— Он закинет это устройство на крышу. Никто и не заметит, что тот мигает. Проще некуда.

Стиллард перешагнул и опустил на подножку кровати ногу в сапоге. Он оперся локтем о колено и, тыкая в сторону Гила мокрым кончиком сигары, говорил:

— Все не так просто, и ты сам это знаешь. ХИК месяцами стягивали свои силы в ущелье. Тебе нужен тактический самолет и грамотный летчик, чтобы выбраться оттуда живым, дружище.

— А я уже об этом позаботился.

— Не хочешь ли ты сказать, что нашел еще одного придурка, готового рискнуть жизнью?

— Посмотри в окно.

Стиллард и Кроссвайт подошли к окну. На дальней стороне площадки появился AC-130J — вооруженный самолет Spectre с торчащими в разные стороны многоствольными пулеметами, 40-мм автоматическими пушками и 105-мм гаубицей… хотя в конструкции самолета было не все гладко.

Стиллард повернулся к Гилу.

— Хочешь сказать, он там стоит по твоей просьбе? Официально?

Гил помотал головой.

— Официально он приземлился час назад: у него поломка. Насколько я понял, понадобится несколько дней, чтобы найти нужные запчасти и исправить проблемы.

— Вот это да! Как тебе удалось провернуть такое? — спросил Стиллард.

Гил встал с кровати.

— Хочешь взглянуть поближе?

— Я хочу знать, как тебе удалось его достать.

Гил так выпятил грудь, что в нее уперлось лицо Стилларда.

— Да так, есть знакомые в Ватикане. Так вы хотите увидеть поближе или нет?

Спустя пять минут они стояли на площадке рядом с самолетом. Три пушки, выступавшие вперед с левого борта, были накрыты брезентом, защищавшим их от дождя. От носовой части самолета уходили назад две нелепые стальные балки, прикрепленные к обеим сторонам фюзеляжа.

— Никогда не видел такого странного самолета Spectre, — признался Кроссвайт. — Для чего эти приспособления?

Стиллард вынул сигару изо рта и сплюнул.

— Похоже на какой-то переделанный Skyhook. — Он взглянул на Гила. — Это же самолет ЦРУ. Которого, вероятно, нет даже в военных учебниках.

Гил указал на эмблему ВВС США на фюзеляже.

— Нет, этот самолет принадлежит нам, главстаршина. Вон же эмблема на…

— Да хоть свастику нарисуй, — проворчал Стиллард. — От этого самолет все равно не станет нацистским. Наши ВВС прекратили использовать систему STAR еще в девяносто восьмом, поэтому такие самолеты вообще не должны существовать. Спрашиваю тебя еще раз: кто из ЦРУ тебе его одолжил?

— Извини, старшина. Я уже давал тебе подсказки.

Стиллард выдержал длинную паузу, пялясь на Гила, и вспомнил странную фразу про Ватикан. И когда гул моторов немного утих, он произнес:

— Ватикан…Поп…Поуп!

Гил заулыбался.

— Господи! И как давно ты знаком с этим прощелыгой?

— У меня сохранилась его записка пятилетней давности — ну, как только президент назначил его начальником SAD. В записке говорится, что, так как мой отец спас ему жизнь, то Поуп обещает помочь мне со службой. И если что-то понадобится, надо сообщить ему. Поэтому сегодня я написал ему письмо со своим планом. Спросил, что он думает об этом. — Гил указал на самолет. — И вот что он предложил.

Кроссвайт негромко присвистнул.

— Говорят, что Поупа защищает сам дьявол.

— Он и есть дьявол, — жестко выразился Стиллард. — А где экипаж?

— Они поспешили вернуться обратно на остров Диего Гарсия.

— И кто полетит на нем — Брукс, да? Ты и Брукса в это втянул?

— Вот видишь? — сказал Гил. — Я знал, что война в Персидском заливе сделала вас проницательными.

— Брукс не подходит. Он же на нем разобьется, — усомнился Кроссвайт.

Гил вытянул подбородок.

— Признаться, Дэн, я сам сомневался насчет операции, пока ты не сказал, что видел Брукса на базе. Нелегко было уговорить его попытаться, но теперь у меня есть его разрешение и все необходимое для операции. Он — единственный из всех известных мне летчиков, кто хоть однажды использовал Skyhook.

Стиллард кивнул Гилу головой и ткнул в него своим коротким пальцем.

— Ах ты, чертов болтун. Теперь понятно, *каким образом* ты выбрался из Китая. Я всегда знал, что та история с подводной лодкой — брехня.

— Как ты уже верно сказал, старшина… Skyhook официально снят с вооружения *еще в 1998 году*. — Гил опускал челюсть, имитируя манеру разговора Стилларда с его двойным подбородком, но вместо этого получалась плохая пародия президента Никсона, поэтому Кроссвайт громко заржал.

— Да хватит уже! — недовольно обратился к Кроссвайту Стиллард, поворачиваясь к Гилу. — Эй, приятель, ты скрыл от нас правду. А я всегда все тебе рассказывал.

— Прямо-таки все, старшина? — Гил подошел к Стилларду и вытащил из внутреннего кармана его куртки пару сигар. Одну он отдал Кроссвайту.

— А что там за путана из Манилы, Халлиган, фотку которой ты хранишь в кошельке?

— Шеннон! Она не путана. — Стиллард сделал шаг назад, застенчиво поднимая брюки. — И вообще ты единственный, кто видел эту фотку.

— Эй, — оживился Кроссвайт. — Ты еще ничего не сказал нам об операции «Стремительный налет». Что, черт возьми, это такое и как ты о нем узнал?

— Ну, ответ на второй вопрос очевиден, — ответил за Гила Стиллард. — Поуп сказал ему, когда согласился предоставить самолет. Ну что, Гиллиган? Генерал Кутюр, наконец, получил разрешение атаковать долину реки Панджшер?

Гил спросил спички, чтобы зажечь сигару.

— А что, твой дружок Меткалф ничего тебе не говорил?

— Я же уже сказал. Меткалф только и делает, что лезет на рожон. Он бы не получил капитана, если бы боялся риска. И, кстати, ты тоже заруби себе на носу… если хочешь однажды стать главным корабельным старшиной.

Все трое переглянулись и расхохотались над этой нелепой фразой.

— Пойдемте обратно в мою комнату, — предложил Гил. — Скоро прибудет экипаж Брукса. Они здесь в самоволке, поэтому

надо придумать, где бы их спрятать до начала операции.

42
Афганистан

Кабул, Центральное командование

Генерал Кутюр стоял перед огромной картой Панджшерского ущелья, висевшей на стене. На карте выделялись большие красные стрелки, указывавшие, в каком направлении американские войска должны двигаться, чтобы проникнуть в долину реки Панджшер. Капитан Меткалф вместе с остальными офицерами занимали несколько рядов стульев. Все готовились внимательно выслушать план Кутюра — план операции «Стремительный налет».

— Для тех, кто не в курсе, я начну с общего описания Панджшерского ущелья, этого бесславного куска земли, — заговорил Кутюр. — Длина ущелья, которое правильнее называть долиной, — сто километров, по центру проходит река Панджшер. Это стратегически важный военный пункт, и во времена афгано-советской войны, когда наш союзник Ахмад Шах Масуд был еще лидером повстанцев, ущелье было оплотом партизанской войны. Было и остается. Советский Союз шесть раз штурмовал Панджшер, и раз за разом неудачно[84]. По всей долине разбросаны останки уничтоженной советской военной техники. Это важный стратегический пункт еще и потому, что долина связывает прямой дорогой два горных перевала — Хавак и Анджоман. Контроль над этими перевалами абсолютно необходим любой крупной армии, которая хочет перебросить оружие и людей в Гиндукуш. Даже Александр Македонский проходил через Панджшер.

— Как вы знаете, Аль-Каида казнила Масуда еще в 2001-м[85], и с тех пор ущельем мало кто интересовался. Но в настоящее время ситуация изменилась. Из-за планового вывода наших войск с афганского театра военных действий последние шесть месяцев США не занимали и даже не брали под контроль эту территорию. На данный момент долина для нас не представляет стратегической ценности, но мы также не хотим, чтобы она перешла в руки ХИК. Как вам известно, хезби заняли ущелье и удерживают его уже четыре месяца, и все мои предложения изгнать их оттуда были отклонены. Карзай не заинтересован в том, чтобы моджахеды объединились против него, поэтому идет им на определенные уступки. Президент же не хотел вмешиваться… до настоящего момента.

— Для тех из вас, кто еще не в курсе: ХИК удерживают в плену уорент-офицера Сандру Брукс в селении Базарак. Уорент-офицера используют в качестве живого щита, чтобы пресечь любую нашу попытку занять долину. Разведданные с БПЛА указывают, что неприятель укрылся глубоко в горах, опоясывающих долину. Огневые точки неприятеля укреплены «РПГ» и крупнокалиберными пулеметами. Несмотря на то, что у них ограниченный запас артиллерии, они решили действовать по отработанной схеме моджахедов и Масуда, применяя тактику, отработанную на Советском Союзе. За последние недели становится все более очевидно, что ХИК формируют дугу, они намереваются заманить наши войска в ущелье, чтобы убить сотню-другую наших солдат, пробить брешь в нашей обороне и, угрожая унизить нас окончательным поражением, вынудить нас свернуть военные действия в Афганистане.

Совсем не обязательно, что мы угодим в эту ловушку, но математическая истина, которую отрицать невозможно, заключается в следующем: если и дальше тянуть с освобождением Сандры Брукс, это выльется в большие потери как людей, так и оружия. В разведке убеждены, что религиозный фанатик Аасиф Кохистани не собирается отпускать Сандру живой — поэтому решено, что мы идем ее освобождать.

На этих словах Меткалф понял: Сандра — лишь предлог, нужный для того, чтобы пойти против воли Карзая и очистить Панджшер от ХИК раз и навсегда.

— Операция носит название «Стремительный налет», — продолжал Кутюр. — Главная роль в ней отводится рейнджерам 1-й бронекавалерийской дивизии. По мнению объединенного комитета начальников штабов, это лучший способ уничтожить наибольшее число хезби и при этом спасти уорент-офицера Сандру Брукс. Операция начнется с массированного огневого налета. С воздуха будут нанесены удары по опорным пунктам, опоясывающим долину, чтобы снизить риск обстрела «Черных ястребов» и «Апачей»[86]. Тут же, пока не уляжется пыль, вертолеты 1-й бронекавалерийской дивизии высадят две группы рейнджеров — по одной на каждый конец селения Базарак.

Один отряд займет на юге блокирующую позицию, чтобы перерезать противнику пути к отступлению. Вторая группа пройдет по деревне в поисках Сандры Брукс, проверяя каждый дом. У каждого нашего бойца будет инфракрасный маяк — это необходимо, чтобы экипажи вертолетов могли отличить своих от врагов. Тем временем авиация продолжит обстреливать горы, чтобы гарнизоны вражеских опорных пунктов не смогли спуститься в деревню. Наши сухопутные войска уступают

противнику по численности, но мы зато имеем превосходство в воздухе.

Кутюр оглядел комнату и продолжил:

— Не волнуйтесь, — улыбнулся он. — Против нашего современного оружия, приборов ночного видения и боевой подготовки противнику нечего противопоставить. Мы быстро сломим сопротивление боевиков, которые предпочтут выжить, а не погибнуть в ночи. Каждый сантиметр селения занесен в глобальную навигационную спутниковую систему, поэтому наши войска на земле будут эффективно поддерживаться ударными вертолетами. Скорость — главное в этой игре. Как только Сандра окажется в безопасности, наши войска покинут ущелье, а всю оставшуюся работу доделают ВВС. Мы не ставим перед собой задачу захватывать долину.

Кутюр остановился и снова оглядел сидящих.

— Есть вопросы?

Капитан Меткалф прокашлялся.

— У меня один вопрос, генерал.

— Да сколько угодно, капитан.

— Хорошо, сэр. Хотелось бы уточнить, серьезно ли вы оценили охрану уорент-офицера Сандры Брукс? SOG готов участвовать в операции.

Генерал кивнул, серьезно глядя на него.

— Разделяю вашу озабоченность, капитан, и понимаю, что ваши люди из войск специального назначения готовы помочь. И все же решено, что больше всего шансов вызволить Сандру Брукс живой (с учетом того, что мы не знаем, в каком доме она находится) будет при проведении стремительной ударной операции. Проблему представляет форма и размеры селения. Базарак слишком велик и слишком плотно застроен, чтобы там справились одни лишь спецподразделения. А для комбинированной операции селение, наоборот, слишком мало. Специальные войска и рейнджеры будут действовать отдельно, и именно поэтому Вашингтон решил применить обычную тактику боя.

Меткалф оценил подробное объяснение, но понял, что это полная чушь. Было очевидно, что войска специального назначения наказаны за операцию «Ограбление банка». В войсках США всегда существовали люди, презиравшие спецназ. Даже их собственные «Зеленые береты» — и те не упускали возможности представить спецназ как бессмысленные и чересчур разрекламированные войска, лишь бы их оттеснить и не допустить к бою. Якобы слишком велико их самомнение и слишком мало боевых операций, которые смогли бы

удовлетворить их ненасытные аппетиты, их алчность до славы, признания и — главное — до финансирования.

Уорент-офицер Элишия Скелтон из криминально-следственного отдела ФБР, сидевшая в заднем ряду, подняла руку.

Кутюр на мгновение озадачило, почему она здесь, но потом он вспомнил, что КСО начнет расследование в случае, если Сандру найдут мертвой в Базараке. Он также вспомнил и начальника Элишии — Брента Сильвервуда, которого подозревали в утечке данных о ДНК, что в итоге и вылилось в операцию «Ограбление банка».

— Так что, Скелтон?

Если Элишия и чувствовала неловкость перед высшими чинами, которые разом к ней повернулись, то старательно это скрывала.

— Сэр, я хотела узнать, насколько при планировании операции учтено то обстоятельство, что большая часть жителей Панджшерского ущелья — не пуштуны. В основном там живут таджики, которые симпатизируют западу. Может оказаться, что мы в результате убьем огромное количество потенциальных союзников.

Бровь генерала поползла вверх, но он тотчас овладел собой.

— В настоящий момент это деревня противника, Скелтон. Может быть, в обычное время там и живут в основном таджики, но уверяю вас: сейчас там находятся сотни пуштунов. — Он перевел взгляд на остальных. — Помните: это прежде всего спасательная операция. Наша главная задача — освободить Сандру Брукс. Но это также и прекрасная возможность ликвидировать большое число боевиков хезби… одним стремительным ударом.

43
Афганистан

В горах над Панджшерским ущельем

Вертолет британской специальной воздушной службы[87] высадил Гила и Фаруха на юге Панджшерского ущелья незадолго до рассвета. Одеты они были, как таджикские пастухи, с той лишь разницей, что под одеждой Гила скрывалось боевое снаряжение с патронами, гранатами и прочей амуницией, необходимой на случай непредвиденных обстоятельств. С собой у него была снайперская винтовка.308 Remington Modular[88] со складным прикладом и оптическим прицелом Schmidt & Bender с планкой Вивера[89] и насадкой PS-22 с инфракрасной подсветкой[90]. Помимо этого, он взял автомат «M-4», пистолет Kimber Desert Warrior 1911 и отцовский нож Ka-bar. Под каждый вид оружия у него было припасено по десять магазинов: 100 патронов для винтовки, 300 для автомата и 80 для пистолета. И винтовка, и пистолет были оснащены глушителем. Из средств защиты Гил взял только усовершенствованный шлем IBH, укомплектованный прибором ночного видения и инфракрасным маяком. Все это добро было спрятано под широким, тяжелым коричневым халатом.

Чтобы не отличаться от местных, каждый из них нес за плечами по автомату «АК-47». Фарух покрыл голову традиционным паколем, а Гил замотал лицо куфией, скрывая белое лицо европеоида. Каждый, кто увидел бы их издалека, признал бы в них таджика с пуштуном. Тот же, кому не повезет приблизиться и догадаться, что Гил — европеоид, получит пулю из пистолета с глушителем.

Все утро они шли к подножию гор, которые опоясывали Панджшерское ущелье с юга.

— Чувствую себя тускенским рейдером[91] во всей этой одежке, — заметил Гил, цедя воду из Camelbak.

— А кто это?

— Песчаный народ из Звездных войн. Ты что, не смотрел? — усмехнулся Гил.

— Нет, смотрел, — печально ответил Фарух. — На DVD в Пакистане. Только давно это было.

— Давным-давно в одной далекой-далекой галактике?

Фарух даже не уловил шутки. Он остановился и оперся на палку, подобранную по дороге.

— Вот какими ты нас видишь? Уродливыми, дикими созданиями, которые живут в пещерах?

— Нет, — запротестовал Гил, понимая, что могло обидеть Фаруха в сравнении с Песчаным народом. — Это я так, про себя. Ты должен понимать, что американцы живут немного по-другому, более изолированно, что ли. Иногда мы просто ничего не имеем в виду, так, болтаем просто всякие глупости.

— Ты совсем не глупости говорил, — отметил Фарух, поднимаясь в гору. — У тебя просто мало мыслей, которыми можно поделиться.

Гил усмехнулся, пристраиваясь за Фарухом.

— С этим не поспоришь.

Час они поднимались на гору, на вершине остановились. Гил развернул карту и с помощью компаса и GPS-навигатора в смартфоне, позаимствованном у Джо, определил свои координаты. Затем отметил на карте точное расположение вражеских огневых позиций, спрятанных в горах. Этими данными его снабдил Поуп, как и безопасным интернет-каналом с передачей данных по зашифрованным протоколам.

— Итак, мы находимся прямо перед восточным входом в долину, — отметил Гил, сворачивая карту. — Ближайшая вражеская позиция в полукилометре к западу от нас. Как только мы доберемся до гребня, можно не опасаться, что нас заметят, тогда и откроется свободный доступ к долине.

Фарух улыбнулся, поджав губы.

— Ты просто мог бы меня спросить, где мы находимся.

Гил похлопал Фаруха по плечу.

— Ты уверен, что хезби не прицепятся к тебе в деревне?

Фарух жестом показал на сумку с магазинами к АК-47, которую он нес на плече.

— Это? Такой подарочек должен убедить их, что я не люблю американцев. Кроме того, мои дяди поручатся за меня.

— А твои дяди точно помогут с эвакуацией?

— Они сражались с Масудом против русских в этом ущелье. — Фарух засиял от гордости, затем указал на восток. — Вон там ранили моего дядю Орзу. Раньше они были моджахедами, но потом сражались в Северном альянсе против талибов при поддержке вашего ЦРУ. Потом Аль-Каида убила Масуда. Масуд дружил с моим дядей Орзу. Я тебе уже говорил, они не могут не помочь. Но они не смогут помочь тебе в деревне. Их и так мало. Что они смогут, так это охранять зону эвакуации. Они помогут нам скрыться в горах, когда женщина будет уже у тебя.

— А по какой тропинке ты выйдешь из деревни?

— Я тебе покажу.

Они поползли к гребню и легли на живот, оглядывая долину.

— Этот гребень разрезает гору и проходит севернее деревни. — Фарух проиллюстрировал свои слова ребром ладони. — Мои дяди заготавливают древесину. ХИК не вмешивается в повседневную жизнь деревни. Они приходят и уходят, когда им потребуется. — Затем он указал вниз, на долину, где местные жители играли в бузкаши, сидя верхом на конях. — Видишь? Талибы бузкаши запрещали, а ХИК играют вместе с нашими.

Игра в бузкаши напоминала поло, только роль мяча выполняла обезглавленная козлиная туша. А еще в этой игре не было правил.

— ХИК не любит талибов. Хезби только используют талибов.

Гил разглядывал игроков в бузкаши через снайперский прицел, на объектив которого был плотно натянут нейлоновый чулок: благодаря этому линзы не давали бликов на солнце. Он внимательно разглядывал лошадей: выносливые, красивые — многие даже слишком красивые для того, что он задумывал. Он заметил, что на многих игроках были странные раздутые шлемы, и, оторвавшись от винтовки, поинтересовался:

— У них на головах случаем не русские танковые шлемы?

— Они самые.

— Где вы их достали?

Фарух указал на корпус ржавого русского танка Т-34/85, который лежал в низине, под горой. Внизу много было такого ненужного военного добра, но не на всех танках было написано «Т-34».

— Досталось от русских.

— Да, глупый вопрос, все же очевидно. — Гил снова приложился к прицелу.

Фарух опустил руку на плечо Гила.

— Мне пора идти. Мы слишком близко от деревни, есть риск, что нас увидят вместе.

Они сползли с гребня, скрывшись из виду.

— Взял инфракрасный маяк?

Фарух постучал по обшарпанному прикладу АК-47. В его полости лежал инфракрасный маячок. Спрятан маячок был на случай, если прибор обнаружат при помощи спутникового телефона на пути в деревню. Цевье автомата было расколото надвое и несколько раз обмотано липкой, вымазанной в смоле бечевкой. Он нарочно выбрал потрепанный автомат, чтобы ХИК даже не пытались с ним поменяться.

Они пожали друг другу руки.

— Удачи там, внизу.

— Удачи и тебе, — ответил Фарух. — Тебе она нужнее, чем мне. — С этими словами он поднялся на ноги, отряхнул одежду и стал взбираться на гребень горы.

Гил немного подождал, затем тоже подполз к гребню горы и залег, наблюдая, как медленно Фарух спускается по склону. На его пути стоял белый грузовик-пикап с четырьмя основательно вооруженными охранниками ХИК. Двое из них спали на заднем сиденье. Двое других сидели, развалившись, у дверей машины и переговаривались. Они смотрели на дорогу, нисходившую в долину, и не сразу заметили Фаруха, который спускался сверху.

Охранники не очень удивились, когда заметили его. Они растолкали спавших товарищей, и все четверо спокойно дождались Фаруха.

— Мир вам, — произнес на пуштунском Фарух, помахав дружески рукой.

— И тебе, — приветливо ответил один из охранников. — Откуда ты идешь?

— Из Чарикара, — ответил Фарух. Он снял с плеча мешок с магазинами к АК-47 и протянул одному из молодых охранников. — Это подарок. Я пришел навестить родственников из клана Каримовых.

Молодой охранник заглянул в мешок и закинул его в багажник грузовика, затем потянулся за автоматом Фаруха.

Фарух сильнее сжал ремень автомата.

— А это я оставлю.

Молодой охранник посмотрел на самого главного из них.

— Мы должны тебя обыскать, — сказал главный из них. — Так сказать, убедиться, что ты не тащишь в деревню ничего лишнего.

Фарух снял автомат, разрешая им себя проверить.

— А что вообще я могу протащить в деревню?

— Американцы знают, что мы держим в деревне одного их человека, — объяснил охранник. — Они могут послать шпиона с рацией. Почему ты идешь не по дороге из Чарикара? Почему именно через горы?

Фарух скупо улыбнулся.

— Американцы загородили дорогу в Панджшер… насколько мне известно.

Охранник поверил ему на слово.

— А зачем ты идешь к Каримовым?

— Я же сказал… они мои родственники.

— Ты пришел помогать пасти коз?

Фарух снова растянул губы в мучительной улыбке.

— Они не пасут коз. Они дровосеки, заготавливают дрова на севере в горах.

Охранник криво усмехнулся.

— Отдай ему автомат.

Двое часовых остались караулить дорогу, пока двое других поехали провожать Фаруха до деревни. Все вместе они остановились перед домом Орзу Каримова, старшего дяди Фаруха, старейшины рода. Фарух выступил вперед и позвал домашних.

Орзу и двое его сыновей вышли на улицу.

Фарух заметил удивление в глазах дяди, но оно было настолько слабым, что главный охранник ничего не уловил.

— Это человек утверждает, что он твой племянник, — сказал часовой с заднего сиденья.

Орзу Каримову было шестьдесят пять. Его сухое лицо было испещрено морщинами, но глаза сохраняли остроту, а зубы — крепость.

— Да, это сын моей старшей сестры. Добро пожаловать, племянник. Прошел год. Ты готов к работе?

Фарух пожал плечами.

— А что, есть выбор?

Дядя засмеялся и посмотрел на охранников.

— Сколько себя помню, он всегда был ленивым. Будь его воля, всю жизнь гонял бы коз, а не работал.

Часовой засмеялся и похлопал водителя по плечу, подавая сигнал, что пора уезжать.

Орзу жестом пригласил Фаруха пройти в дом, а сыновьям приказал пока удалиться. Когда они очутились внутри, дядя запер дверь на засов и повернулся к племяннику.

— Слышал, ты работаешь на американцев. Это правда?

Слова Орзу прозвучали, как обвинение.

— Кто об этом знает? — удивленно спросил Фарух. — Кто тебе сказал?

Орзу смерил его сердитым взглядом.

— У меня повсюду друзья. Ты должен бы уже об этом знать. Ты здесь оказался из-за американской заложницы.

Фарух вынул нож из-под платья и кончиком лезвия снял болты с накладки АК-47. Инфракрасный маячок он положил на стол.

— Это устройство могут видеть только американцы. Я использую его, чтобы отметить дом, в котором ее держат.

Взгляд Орзу остановился в одной точке, он смотрел не мигая.

— Они хорошо тебе платят, эти американцы?

— Достаточно, но дело…

— Достаточно, чтобы ставить под угрозу весть род? — сурово спросил Орзу. — Он ткнул в маячок. — Этого достаточно, чтобы всех нас уничтожить.

Фаруха удивило, что дядя стал возмущаться.

— Я обещал, что мы поможем, дядя.

— Это ты обещал. — Орзу опустился на стул. — Почему ты пошел на это? Американцы оставят эту страну, а вот хезби становятся с каждым днем сильнее. Водить дружбу с американцами означает обречь себя на верную смерть.

Фарух сел напротив него.

— Я сказал, что помогу, потому что ты был близким другом Масуда. А Масуд бы никогда отродясь не потерпел в Панджшере хезби.

Орзу оставался непреклонен.

— Масуд мертв, а с хезби нам еще предстоит жить. Когда американцы уйдут, они оставят Панджшер. Им здесь нечего делать.

— Хезби не забирают часть твоей выручки от продажи дров?

— Даже если и так, это не повод для двадцати человек идти войной против шестисот. Они позволяют нам жить своей жизнью, и впредь я намерен им подчиняться.

Фарух понял доводы дяди.

— Честно говоря, я знал, что обманываю, когда сказал им, что ты поможешь.

Лицо Орзу помрачнело.

— Ты врал?

— Если и есть какая-то причина, которая вынудит тебя им помочь, дядя, то знай — ты можешь спасти деревню от полного уничтожения.

Орзу подался вперед, ударяя кулаком по столу.

— Американцы не дураки. Если они атакуют деревню, женщину сразу убьют.

Фарух убрал маячок обратно в надежное место.

— В горах, над деревней, прячется мужчина. Ты поможешь мне найти дом, в котором ее держат, чтобы я пометил его маячком. — Он начал заворачивать болты кончиком ножа. — После того, как мы отметим дом, мы с твоими людьми покинем деревню, якобы рубить лес. Когда мы дойдем до дороги, ведущей в перевал Хавак, то оборудуем оборонительный рубеж по периметру, для защиты зоны эвакуации. Пока мы будем этим заниматься, американец проникнет в деревню и заберет женщину. Он уйдет на север, а там мы его и встретим. Затем, как только женщину поднимут с земли, вы растворитесь в горах и начнете рубить лес. — Фарух усмехнулся. — Вернее, лес рубить будешь ты

с моими двоюродными братьями. А мы с американцем уедем на лошадях… и хезби ни за что не догадаются, что это ты им помогал. Даже, если мы откроем по ним огонь, защищая зону эвакуации, они не узнают, кто в них стрелял. А угнаться за нами без лошадей они не смогут.

Орзу изумленно посмотрел на него.

— Хезби тоже не дураки! И даже если они не догадаются… нет, у твоего американца все равно ничего не выйдет.

— Если ничего не выйдет, — заключил Фарух, — я буду рубить вместе с вами в лесу дрова до тех пор, пока вы не решите вернуться в деревню.

Орзу встал из-за стола.

— Нет, племянник, я отказываюсь помогать тебе с этим делом. Я не могу подвергать своих людей такой опасности ради помощи американцу.

— Нет, дядя, ты должен помочь. Потому что если откажешься, тогда завтра ночью деревню станут бомбить с вертолетов. Придут солдаты. Все хезби будут перебиты, а вместе с ними в перестрелке погибнут и многие таджики… и их лошади… и *твои* лошади.

— Я предупрежу хезби о налете, — пригрозил Орзу. — Скажу, чтобы они отправили женщину в другое место перед тем, как долину начнут бомбить.

— Это ничего не изменит, — ответил Фарух. — Они все равно оставят женщину здесь, а американцы все равно атакуют. Но это уже все равно не имеет значения. Ты не сообщишь об этом хезби.

— Почему ты так уверен, племянник?

— Из-за Масуда, дядя. Масуд никогда бы так не поступил, а я знаю, что это единственный человек, кем ты всегда восхищался.

44
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Хан сидел и слушал хрипы в легких Сандры, затем вынул из ушей стетоскоп и повернулся к Кохистани.

— Я предупреждал тебя, что это может случится. Ее организм боролся с инфекцией десять дней, и теперь у нее пневмония. Она умрет через неделю.

Кохистани смотрел на увядающую американку. Сандра спала. Глаза ее глубоко запали внутрь лица.

— Ты не ошибаешься?

— В чем? В том, что у нее пневмония или в том, что она умрет через неделю?

— И в том, и в другом.

— Нет, — заключил Хан, — не ошибаюсь. Одного пенициллина мало. Я тебе говорил.

Кохистани возмутила дерзость деревенского доктора.

— Тебе лучше попридержать язык за зубами, доктор, не то тебя прилюдно будут бичевать перед всей деревней.

Губы Хана превратились в тонкую линию, а взгляд стал вызывающим.

— Почему бы тебе не попросить у американцев лекарств для нее? Они бы привезли их на вертолете.

Кохистани покачал головой.

— Если они заподозрят, что она умирает, то предпримут попытку спасти ее — им уже нечего терять. Раненая нога заживает?

— Да, наконец-то. Но сейчас это меньшая из ее проблем.

— Понятно. — Кохистани стоял, поглаживая бороду. Он хотел, чтобы американка еще пожила, но смерть, увы, была неизбежна, хотя, признаться, американка и отработала большую часть его плана. Последние две недели были самыми важными для защиты ущелья. Если на то будет воля Аллаха — она выживет, даже невзирая на отсутствие лекарств. Доктора слишком много внимания уделяют таблеткам и слишком мало — воле Всевышнего.

Он повернулся к охраннику-подростку, который точил в углу нож. Мальчик был сыном его покойного брата.

— Они могут прийти за ней в любую ночь, племянник, — сказал Кохистани на арабском, чтобы ни Бадира, ни Хан не

поняли ни слова. — Когда деревню станут бомбить… а бомбить ее станут… ты перережешь горло сначала американке… а потом этому дерзкому доктору.

— Я все сделаю, дядя.

— Очень хорошо.

Кохистани удалился.

Когда он ушел, Сандра открыла воспаленные глаза и посмотрела на Бадиру.

— Что случилось?

Бадира отвела взгляд.

— Кохистани послал за лекарством.

Сандра закашляла и саркастически усмехнулась.

— Конечно, так и побежал. Он хочет, чтобы я, наконец, умерла. Он боится, что американцы сделают что-то ужасное, если узнают, что я не выживу… правда?

Бадира посмотрела на Хана, начала что-то говорить, но вдруг остановилась и покачала головой.

— А он прав? Твои люди атакуют нас, если узнают, что ты умираешь?

Сандра подтянула одеяло к подбородку: ее знобило.

— Даже не знаю, что еще они могут сделать. Можешь дать мне немного опиума… пожалуйста?

— Нет. Хан говорит, это ослабит твои легкие.

— Ох, ради всего святого, Бадира. Я умираю. Какая, к черту, разница? Просто дай мне наркотик, чтобы забыться.

Хан различил в голосе Сандры раздражение.

— Чем она расстроена?

— Она хочет опиума.

Хан потянулся за сумкой на столе.

— Я могу дать обезболивающее.

— Нет, у нее не болит нога. Она хочет забыться.

Хан помотал головой и встал со стула.

— Если так, то нет. Опиум ускорит разрушение легких. Если она умрет раньше положенного срока, Кохистани взвалит всю вину на меня.

— Может, в таком случае сделаешь ей укол, — предложила Бадира. — У нас есть героин.

И снова Хан отказался.

— Дай ей обезболивающее для ноги и держи ее в тепле. Давай ей пить… обильно пить… много воды и горячего чая. И, по меньшей мере, каждый час поднимай ее на ноги и проследи, чтобы она сидела как можно дольше.

Бадира вздохнула.

— Может, мы еще посадим ее на лошадь и отправим играть в

бузкаши вместе с родом Каримовых?

Хан мягко улыбнулся, вспоминая их нежные любовные объятья прошлой ночью. Бадира согласилась откинуть бурку только при задутых свечах.

— Я понимаю, что вы подружились. Но если ты хочешь, чтобы она и дальше жила, ты должна быть к ней строга.

— Что он говорит? — спросила Сандра, раздражаясь из-за непонятных разговоров вокруг. — Он говорит, что не даст мне опиума, да?

— Да, — ответила Бадира. — А еще он говорит, что тебе надо больше двигаться и ходить.

— Конечно, — еще более рассерженным тоном сказала Сандра. — Почему бы не отправить меня сразу играть в футбол, раз уж на то пошло?

Глаза Бадиры сверкнули из-под вуали.

— Я сказала ему то же самое… но ты должна попытаться. А еще тебе надо пить больше чая.

— Да он на вкус как козлиное дерьмо. Хан вообще сам пил этот чай?

Хан, не привыкший к тому, что женщины могут так громко говорить, с любопытством смотрел на Сандру.

— Что она теперь хочет?

— Ей не нравится чай.

Он фыркнул.

— Ты же не сказала ей, из чего он?

— Думаешь, я такая дура? Но она почти угадала.

— Так из чего же чай? — спросил подросток в углу.

— Из забродивших грибов, — небрежно ответил Хан. Он знал, что при атаке американцев тот мгновенно зарежет Сандру, и за это его ненавидел.

Сандра медленно приподнялась на кровати и села напротив стены, натягивая одеяло до подбородка.

— Вы двое, вы уже сделали это? — внезапно спросила она. — Поделитесь со мной, пока я не умерла. Ну что, голубки, было у вас или нет?

Глаза Бадиры вспыхнули из-под вуали.

Хан заметил это и спросил:

— И что на этот раз она говорит?

Сандра уловила интонацию любопытства в его голосе и, хихикнув, показала жестом, был ли у них секс. Для этого она оттопырила большой палец одной руки и зажала его четырьмя остальными.

— Секс, Хан. У вас уже был секс?

Хан понял жест и слово *секс*. Он посмотрел на Бадиру и

засмеялся, немного краснея.

— Американцы, — сказал он, качая головой. — Несносны до безобразия.

45
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Гил наблюдал за тем, как молодой охранник проверял Фаруха у подножья горы, и похвалил себя за то, что отказался от идеи переносить контрабандой в деревню любые электронные устройства связи. Часовой тщательно досмотрел незнакомца — от него не укрылось бы ничего даже размером с небольшой сотовый телефон. И когда пикап, на котором Фаруха увезли в деревню, без задержки вернулся обратно на пост, Гил счел, что это хороший знак.

Тело и мозг нуждались в отдыхе. Поэтому следующие шесть часов он позволил себе расслабиться. Он лежал с открытыми глазами, соблюдая технику, выработанную за годы тренировок, когда тело отдыхает, будучи начеку. Глубокое дыхание диафрагмой растягивало мышцы груди и плеч, чтобы скопившееся напряжение не сжало в ответственный момент мускулы и не повлияло на точность стрельбы. Также глубокое дыхание помогало регулировать частоту сердечных сокращений и обеспечивать мышцы кислородом, чтобы вступить в бой в любой момент. В бою напряжение вызывают не только стрельба и кровь. Еще хуже затяжные периоды ожидания, когда снайпер бездействует. В эти опасные периоды он должен правильно организовать свой ум, чтобы не погрузиться в сон. И ум, и тело должны всегда оставаться бдительными, упругими, готовыми в любой момент броситься в бой, если начнется внезапная заваруха.

С наступлением сумерек Гил вышел из расслабленного состояния и настроился на операцию. Фарух находился в селении уже шесть часов, и, хотя Гил еще не видел отмеченного маячком дома, он решил, что волноваться рано. Он продолжал изучать систему охраны, пытаясь определить дом, где могли удерживать Сандру. Некоторые хезби стояли на посту, другие бродили по улицам. Заметно было, что «бродяги» идут не в случайном порядке. Их маршруты не были постоянными, но каждая группа двигалась строго по «своей» территории. Кроме того, Гил разглядел на высоких крышах троих снайперов с винтовками Драгунова.

Часть селения с южной стороны долины была разбита на сорок с чем-то земельных участков, которые отличались по форме

и по размеру. Каждый из участков занимал не больше полутора гектаров и был огорожен каменной стеной высотой по пояс. На участках стояли какие-то постройки и росли деревья, и Гилу подумалось, что из-за рельефа снайперы едва ли его разглядят, если он ближе подойдет к деревне. Это позволит ему беспрепятственно приблизиться к ним на двести метров. А винтовка с дозвуковой скоростью пули поможет бесшумно снять с шахматной доски две крупные фигуры.

Также на юге деревни располагались различные конюшни и загоны для лошадей, и Гил уже набросал мысленно путь, который приведет его к лошадям. По счастливой случайности, здесь не бродили козы и овцы. Гил также не видел и не слышал ни одной собаки. А это означало одно: в деревне мало собак. В темноте собака видит в десятки раз лучше человека. Кроме того, есть что-то особенное в темном силуэте припавшего к земле человека, — это зрелище наверняка вынудит собаку залиться лаем. Гил вспомнил Осо и улыбнулся. Именно сегодня ему не хотелось бы стрелять в собак.

Как только окончательно стемнело, его внимание привлек дом, расположенный в центре деревни. Он вскинул Remington и через очки ночного видения стал наблюдать за шестью вооруженными людьми, которые столпились на крыше; еще четверо заняли позиции на земле. Внутри дома зажегся свет. Подъехали два джипа, и каждый из них высадил еще по шесть человек.

— Черт, — выругался Гил: на глазах здание превратилось в надежно защищаемый объект. — Его вычислили.

Спустя несколько минут группа из двадцати мужчин направилась к конюшням по узкому переулку. Каждый вывел по лошади в квадратный загон, затем все вместе их оседлали.

Выматерившись как сапожник, Гил приготовился отступить. Даже на таком расстояние ему не удастся потягаться с ХИК: у него при себе всего триста патронов от Remington и M4. Им достаточно всего лишь выйти ему в тыл — на машинах или на лошадях — а затем, когда он будет окружен, уничтожить его из миномета или гранатомета. Непонятно, проболтался ли Фарух, но ждать уже точно не было смысла. Все рано или поздно развязывают языки, и Гил надеялся, что Фаруху не пришлось отдать слишком много пальцев, чтобы Кохистани получил нужную информацию.

Фарух затянул подпругу и влез в седло.

Его дядя Орзу сел на рядом стоявшую лошадь.

— Ты все еще можешь ездить на лошади, племянник?

— Да, прошло не так уж много времени, дядя. — Фарух включил инфракрасный маячок, привязанный к шнурку на шее. Он не мог видеть света, который тот излучал в темноте.

— Хорошо, — сказал дядя с огоньком в голосе, придерживая лошадь. — Пока ночь, тебе придется скакать осторожно, чтобы ничего себе не отбить!

Дядя и братья Фаруха засмеялись.

— Ты точно уверен, что никто кроме американца не увидит, как тот мигает? — настороженно спросил другой дядя.

Фарух показал маячок.

— Он сейчас включен. Ты что-нибудь видишь?

Удостоверившись в надежности прибора, Орзу ударил лошадь каблуками по бокам, подгоняя ее.

— Помни: не прикрепляй маячок, покуда не начнется стрельба.

— Хорошо, дядя.

Колонна выступила из загона. У каждого за плечами был автомат АК-47 с запасным магазином, спрятанным под теплой одеждой. Они скакали по двое по дороге, которая немного уходила к реке, затем повернули на север и помчались по грязному проулку, минуя ряд домов с левой стороны. Таким образом, они добрались до Т-образного перекрестка и свернули налево. Параллельно шла еще одна дорога с севера на юг, а перпендикулярно — с востока на запад, в центре же деревни стоял хорошо освещенный командный пункт, который они только что миновали.

Когда Фарух и его родственники пересекли *Т*, Орзу привел их к безлюдному, обшарпанному зданию, затерянному в тупике, там, где обрывалась дорога с востока на запад.

Четверо вооруженных человек выбежали из открытой двери и начали кричать, целясь в колонну и пиная лошадей, чтобы те отошли от здания. Фарух со своими родными заорали им в ответ, сознательно поднимая шум; вскоре вокруг образовался настоящий хаос.

Сидевший в седле Орзу нарочито громко обращался к хезби, требуя, чтобы те перестали пинать лошадей. Он угрожал затоптать хезби, если те не уйдут с пути.

— Это не ваша деревня! — орал он на них сверху. — Мы идем, куда хотим!

Из командного поста, расположенного в девяноста метрах от них, набежало еще больше людей.

Открылась дверь, и из дальнего угла здания поспешно вышел Кохистани в сопровождении Рамеша, того самого человека, который отрезал Сандре палец.

Во время всей этой неразберихи Фарух притворился, что не смог удержать лошадь, и, попятившись бочком к зданию, закинул на плоскую крышу инфракрасный маячок.

— Что здесь происходит? — потребовал объяснения Кохистани. — Почему вы на лошадях и с оружием? Куда вы скачете?

Увидев, что Фарух справился с маячком, Орзу поднял руку, призывая своих людей прекратить ругань и усмирить лошадей.

— Мы едем на север заготавливать дрова. У нас много работы.

— В такое время? — озабоченно спросил Кохистани. — Но ведь сейчас темно!

— Конечно, темно! — добродушно засмеялся Орзу. — Ты думаешь, мы будем нелегально рубить лес среди белого дня?

Раздался дружный взрыв хохота.

Орзу знал, что Кохистани почти ничего не понимает в контрабанде древесиной, из-за которой так стремительно скудеет пейзаж Афганистана, и поэтому, вероятнее всего, поверит ему на слово.

— Но… А где ваши инструменты? — спросил Кохистани.

— Ты думаешь, мы возим туда-обратно наши инструменты, а, Кохистани? Может, пойдешь с нами? Тоже заработаешь себе на хлеб!

И снова всадники дружно загоготали.

Кохистани мгновенно пришел в ярость. Его обидело, что Орзу оскорбил его прилюдно, перед его же людьми.

— Ага, Орзу Каримов! — прокричал он сквозь смех. — Я все знаю! Тогда, если ты рубишь чужую древесину, будешь платить больший налог. Иначе в Кабуле все узнают о твоих незаконных делишках!

Орзу притворился, что тоже очень рассержен.

— Аасиф Кохистани, а с каких это пор хезби собирают налоги для правительства Карзая в Кабуле?

— А почему хезби не должны эти заниматься? — парировал Кохистани. На лице его появилась улыбка, демонстрирующая, что последнее слово осталось за ним. — Я просто объявлю, что высокие *местные* налоги необходимы, чтобы Карзай не узнал о твоих незаконных подвигах… А теперь прочь отсюда! Забирай своих людей и глупых животных. Это вам не игровое поле.

Ненавидя Кохистани всей душой, Орзу хотел сказать больше, хотел даже затоптать до смерти всех этих людей, но это не входило в их планы и привело бы к задержке. Здание уже было помечено, и не было смысла рисковать, вступая в открытое противостояние, которое могло — и должно было — обернуться

кровавым боем. Он обернулся в седле, призывая всех своих братьев и племянников покинуть деревню.

Кохистани стоял посреди дороги и смотрел им вслед.

— Мы должны перенести женщину в другой дом, Аасиф, — сказал Рамеш. — Если американцы наблюдают за нами сверху, они могли определить, что командный пункт — это приманка.

— Ты прав, — согласился Кохистани. Его самолюбие было уязвлено. — Но мы не можем перенести ее незаметно сегодня ночью. Нам вначале надо разработать план. — Он помолчал, затем добавил: — Отбери мужчин, которые могут хорошо скакать в темноте. Я хочу, чтобы они проследили за этим животным Каримовым. Надо понять, что те задумали. Каримов был приятелем Масуда, и, думаю, пришло время избавиться от него. Наши люди на севере проследят, чтобы ни он, ни его родственники не вернулись. Также объяви остальным жителям, что они больше не смогут покидать деревню. И мы не будем их эвакуировать перед атакой американцев. Чем больше таджиков погибнет в этом налете, тем лучше. Во всяком случае, они этого заслужили.

— Все будет сделано, Аасиф.

Гил не хотел завязывать с кавалерией бой на этом месте — пришлось бы отступать вниз, к подножью горы. Наверху было слишком много склонов, где враг мог бы внезапно появиться и начать обстрел. Единственный его шанс — спуститься к подножью сейчас и отойти как можно дальше от ущелья. Надев очки ночного видения, он в последний раз окинул взглядом долину в поисках маячка. Ничего не увидев, он повернулся.

Но стоп!

Он бросил новый взгляд и увидел, как светится один из наездников.

— Сукин сын! — пробормотал он, опускаясь на колени. — Неужто это ты, Фарух? — Он поправил очки и вскинул винтовку, чтобы лучше разглядеть наездника в оптический прицел. Конечно, это был Фарух. Гил поспешил обратно в укромное место между камнями. — Дурачок, тебе надо было дом пометить, а не себя. Ну, и что ты задумал?

Он смотрел, как всадники удалились от конюшен и повернули на север. Затем он увидел четверых мужчин, которые вышли из одинокого старого дома. Зашевелились на затылке волосы. Сосредоточив внимание на Фарухе, он наблюдал стычку между всадниками и охранниками. Если бы он моргнул, то упустил бы момент, когда Фарух закидывал маячок на крышу.

— Черт! Командный пункт — это приманка. А вы не

настолько просты.

Он заметил, как Кохистани и Рамеш выходят из дома, который находился справа от перекрестка на северной стороне дороги.

— Итак, что ты задумал, а? Хорошо, господин Кохистани, вы будете первым, кого я убью… вместе с этим уродом, который должен мне палец.

46
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Спрятавшись на склоне, Гил наблюдал за деревней, лежащей в восьмистах метрах ниже. Было уже за полночь, и Гил, лежа в очках ночного видения, оценивал обстановку. По движениям охранников он понял, что те все еще настороже, но Гил знал: к рассвету бдительность всегда ослабевает. Он отчетливо увидел дом, где держали Сандру; инфракрасный маячок по-прежнему мерцал. Этот дом сливался с другими такими же обшарпанными постройками в ста метрах от реки, ничем не примечательный и незаметный. Через прицел ночного видения американец разглядывал охранников, мелькавших в темноте дверного прохода рядом с пленницей, и от скуки задавался вопросом: догадываются ли они, что в двадцать первом веке тьма уже ничего не скрывает?

Он также посматривал и за командным пунктом, оказавшимся приманкой, которая должна была обмануть американцев и нарушить их планы, если те решат провести спасательную операцию. Расположенный в центре деревни командный пункт хорошо освещался за счет дизельных генераторов. Шесть человек, стоя на крыше, охраняли его; еще больше людей сторожило главный вход. Здание выглядело воинственно, и казалось, каждый из его обитателей готов броситься в бой. И того больше мужчин размещалось в освещенных домах по соседству.

Идея с ложным зданием была тактической уловкой. Если бы не Фарух, Гил никогда бы не догадался, что Сандру держат в одном из ветхих домов, скученных на склоне выше реки, на отшибе от остальной части селения. Казалось естественным удерживать ее в центре поселка, в хорошо освещенном, охраняемом здании. Своеобразная защита от современного врага, который может атаковать глухой ночью, в любой момент, — врага, который, спускаясь с гор, вламывается в дома, когда жители этого меньше всего ожидают.

Теперь, чтобы выполнить операцию, Гилу первым делом следовало расчистить дорогу к дому, находившемуся на западе деревни. Сделать это он должен абсолютно бесшумно. И никакого права на ошибку. Если какой-нибудь бродячий охранник или даже кто-то из деревенских засечет его, — вся деревня встанет на

дыбы.

Следующие три с половиной часа ушли на изучение маршрутов движения часовых. Особенное внимание Гил уделил тем, кто патрулировал запад деревни, территорию вблизи реки. Он насчитал двадцать девять охранников, но из них патрулированием занималась лишь половина. Отдельная песня — трое снайперов на крыше: с ними надо разобраться с большого расстояния. Гил догадывался, что у противника есть рация, и был даже уверен, что хотя бы одной пользуются охранники Сандры. Также он был уверен, что на посту в девяноста метрах от дороги прислушиваются к малейшему шороху и готовы мгновенно среагировать. Главная деревенская дорога проходила через командный пункт и спускалась вниз по склону, образуя тот самый тупик, в котором стоял дом с похищенной Сандрой.

Гил так все распланировал, что поддержка с воздуха должна была прийти только в случае, если к охранникам Сандры подтянется подкрепление.

В 03:30 Гил отправил мужу Сандры смс-сообщение: «мяч в игре». Это значило: спасательная операция начинается, Бруксу пора садиться за штурвал Spectre. Топлива было достаточно, чтобы самолет мог довольно долго кружить над деревней. А пока самолет будет в воздухе, Гил возьмется за часовых и разберется с той неизвестной переменной, которая могла бы внезапно сорвать поддержку с воздуха и, в конечном счете, помешать их эвакуации из горячей точки с намеченного места.

Держа Remington MSR в руках, он вышел из укрытия с автоматом M4 и рюкзаком на спине. Пришло время произвести зачистку в стаде.

Он спустился с горы к реке и перешел ее, ступая по большим камням, подобно местным жителям, за которыми он наблюдал ранее. Огороженные участки земли были распаханы, и прятаться в них было бессмысленно, так же, как и за дувалом высотой по пояс. Поэтому Гил держался ближе к реке — шум журчащей воды должен приглушить звук его шагов. Почти над горизонтом висел тонкий серп луны, и свет ее улучшал видимость в очках ночного видения. Но этот свет был слишком тусклым, чтобы кто-то смог заметить Гила невооруженным глазом с пятидесяти метров.

Спецназовец прополз вдоль реки, минуя двух часовых, которых ему предстояло убить прежде, чем он войдет в южную часть деревни. Он присел за каменной стеной, разложив приклад MSR и повесив винтовку на плечо. Двое мужчин стояли в конце участка вблизи друг от друга и курили под кустом. В очках ночного видения их фигуры просматривались ясно, как днем.

Прикидывая, сможет ли он их прикончить одним выстрелом,

американец сменил ракурс, быстро заняв другую позицию. Затем прилег у стены, прицелился в поясницу ближнего часового и спустил курок. Винтовка тихонько ткнулась в плечо, когда из ствола вырвалась пуля. Мужчины грузно упали, брызгая кишками от гидростатического удара. Он выстрелил еще раз по каждому из них, чтобы убить наверняка. Прятать тела было необязательно — курили они и так в уединенном месте.

Теперь пришло время разобраться со снайперами на крышах. Первого застрелить было проще всего. Он расположился ниже остальных и в их поле зрения не попадал. Их-то убрать будет сложнее: они видели друг друга, находясь всего в ста метрах друг от друга. Гил подумал, что может убить первого, не меняя позиции, но задача снайпера напоминает игру в бильярд. Игрок забивает в лузу шар таким образом, чтобы вывести биток на ударную позицию. Если Гил прикончит первого снайпера, то можно быстро перебежать в другое место, выжидая секунду-другую перед следующим выстрелом. Но он бы предпочел избежать такой задержки: без нее эффективней и безопасней.

Он перепрыгнул через стену и обошел земельный участок с восточной стороны, двигаясь на север и отходя все дальше от реки, пока не остановился у ржавого танка Т-34/85. Оба дальних снайпера теперь находились на юге от него, по правую и по левую руке. Втроем они образовывали равнобедренный треугольник, в котором ближний к Гилу стрелок находился на остром углу в пятидесяти метрах, а дальние — в ста. Гил навел сетку прицела в область грудины ближнего стрелка и спустил курок. Винтовка неслышно выстрелила.

Как осел, которого пнули в грудь, снайпер рухнул с крыши, свалившись на спину. Гил увидел, как отлетела в сторону винтовка Драгунова, и спрятался за танк, выжидая, когда же в ответ в его сторону полетят пули, означающие, что его засекли. Но ничего не происходило, и после минутной тишины он поднялся, проверяя оставшихся снайперов. Казалось, они даже не догадывались о случившемся; и Гил направил винтовку так, чтобы между часовыми была дуга в сорок пять градусов.

План действий был следующим: убить одного, когда второй отвернется, и перенаправить винтовку на другого скорее, чем тот поймет, что его товарищ уже отдал концы в ста метрах от деревни. Снайпер справа казался Гилу менее бдительным, но технически лучше бы было начать с его соратника слева. Впрочем, Гил предпочитал стрелять справа налево, а не слева направо, даже если угол между мишенями превышает двадцать градусов. Так и для тела естественней, и из винтовки легче стрелять.

Он дождался момента, когда часовой слева не смотрел на товарища, и, прицелившись в правого стрелка, выстрелил в точку по центру спины, прямо над сердцем. Затем, открыв затвор, провел винтовку по дуге, не отрывая глаз от прицела, и обнаружил, что последний снайпер исчез с крыши. Гил сохранил положение, выискивая беглеца в прицел. Неужели тот спустился по лестнице, когда Гил убивал его соратника? Если так, то тревога может и не подняться. Снайпер мог попросту спустится вниз за чашкой кофе или по нужде.

Еще пять минут американец провел в полной тишине и только потом обнаружил, что снайпер снова появился. Он шел с тарелкой еды, за плечом висела винтовка Драгунова. То, что его дружок лежит мертвым на крыше, по-видимому, его нисколько не волновало и никак на нем не отразилось.

— Что за любительщина в Базараке? — пробормотал Гил, адресуя критику себе. Выпустив пулю снайперу в голову, Гил быстро оставил позицию. Тела могли обнаружить в любой момент, и времени терять не следовало.

Он вновь двинулся на запад, к реке. Поднимаясь по склону между редкими деревьями, он заметил в сорока метрах от себя двух часовых, спускавшихся по избитой каменной дороге. Мгновенно опустившись на землю, он прижал винтовку к плечу. Мужчины шли не спеша и о чем-то беседовали; за плечами у каждого висел автомат. Гил ждал, пока один из них отстанет на пару шагов от товарища, но они двигались в одну линию. Если застрелить одного из них сейчас, то другой может среагировать и поднять тревогу раньше, чем Гил передернет затвор и убьет его.

Тогда он отложил винтовку и вытащил пистолет Kimber 1911, поджидая, пока расстояние между ними сократится до пятнадцати метров. Сфокусировавшись на светящейся мушке пистолета, он выстрелил; первому часовому вышибло мозги. Второй даже успел раскрыть в удивлении рот и повернуть голову, прежде чем Гил пустил ему в ухо свинцовую пулю.

У второго убитого еще не начались судороги, а Гил уже был рядом: схватил за колено и оттащил в сторону от дороги, в место потемнее. Спустя еще несколько мгновений, когда с дороги были убраны уже оба тела, он спрятался за сосной Жерарда и принялся просматривать местность через прикрепленный к шлему монокуляр. В подобных операциях он всегда пользовался монокуляром, чтобы левый глаз привык темноте.

Затем Гил поднялся вверх по тропинке до другого участка земли и опустился на колени у стены, возле которой был сложен дровяник высотой по грудь. Американец собрался двигаться дальше, через загон с небольшим стадом овец, но вдруг,

повинуясь древнему инстинкту, остановился. Кто-то кашлянул в ночи, и, повернув голову, Гил заметил одинокого часового на крыше. Тот сидел, прислонившись к трубе дымохода, с зажатой между коленями винтовкой Драгунова. Охранника трудно было заметить даже в очках ночного видения; его потрепанная зимняя одежда сливалась с каменным дымоходом и не выдавала его.

Гил выстрелил ему прямо в лицо с тридцати метров. Раздался только один звук: звук упавшего на землю тела с винтовкой Драгунова — но и этого оказалось достаточно, чтобы кто-то вышел из дома на шум. Гил увидел чью-то фигуру и приготовился спустить курок, отметив про себя, что это мог быть и местный таджик, который, может статься, союзник американцу. Грудь спецназовца покрылась холодным потом: впервые за всю его службу предстояло убить невинного человека. В эти последние ответственные мгновения, когда необходимо было принять решение, Гил вспомнил отцовские рассказы о войне во Вьетнаме, когда тот служил в «Зеленых беретах». Отец вспоминал, как приходилось убивать десятки невинных жителей — мужчин, женщин, детей — во время выполнения заданий на севере демилитаризованной зоны. Отец так и не смог примириться со своей совестью и, в конечном счете, спился.

Вернись в дом, мысленно попросил Гил.

Мужчина нагнулся проверить тело и тут же в страхе отшатнулся, когда увидел, что у тела не осталось лица. Он прижался к стене и поспешил обратно в дом. Гил выждал три минуты, гадая, появится ли мужчина вновь, чтобы поднять тревогу. Был только один способ убедиться, станет ли мужчина молчать, поэтому американец приблизился к каменной стене, подошел к дому и постучал легонько в дверь, отдавая себе отчет, на какой он идет риск.

Дверь со скрипом отворилась. Держа ее открытой настежь, Гил схватил мужчину за одежду и выволок его на улицу, показывая рукой, что нужно втащить тело в дом. Местный житель спешно подчинился, а Гил отобрал у мертвеца винтовку и вошел следом за мужчиной; на столе в центре комнаты стояла тусклая керосиновая лампа. Американец сурово глянул на таджика, оценивая его характер. Глаза деревенского мужчины смотрели бесхитростно и ровно, от него не разило тем страхом, который так часто бывает обманчив. Конечно, гарантий никто не давал, но Гилу было достаточно этого взгляда. Он приложил палец к губам, и таджик кивнул один раз, выражая, что он все понял.

Плащ горца висел на гвоздике у двери. Гил указал на него, потом на себя, спрашивая глазами, можно ли забрать одежду. Мужчина кивнул и жестом разрешил ему взять плащ. Гил

позволил винтовке свеситься с ремня и нырнул в тяжелый плащ. Таджик показал ему, как надеть капюшон, чтобы шлем оказался под ним, а монокуляр снаружи, затем потянулся к стоявшей у стены винтовке Драгунова, подавая ее Гилу двумя руками.

Гил засунул Remington внутрь плаща и закинул на плечо СВД. Ему не хотелось тащить с собой громоздкое, тяжелое оружие, но таджик был прав: Гилу следовало слиться с обстановкой.

Житель стоял и смотрел на него вполне дружелюбно, криво улыбаясь.

Помня, что в Афганистане считается невежливым пожимать руки в рукавицах, Гил снял свои тактические перчатки Oakley и протянул правую руку таджику. Тот пожал ее уверенно и твердо. Гил кивнул в знак признательности и осторожно вышел из дома.

47
Афганистан

Кабул, центральное командование

В темноте комнаты генерал Кутюр встал из-за стола и протянул руку полусонному капитану Меткалфу, который только что вошел.

— Спасибо, что пришли, Глен. Извините, что разбудил вас.

— Не стоит беспокоиться, генерал. — Меткалф покачал головой. — Что случилось?

Кутюр повернулся, указывая на плазменный экран на стене. Вместе со своей командой он следил за операцией в Базараке через беспилотник в режиме реального времени.

— Что вы думаете об этом маяке на крыше?

Меткалф подошел ближе, вглядываясь в черно-белый экран инфракрасного видео Панджшерской долины. В центре экрана отчетливо различался инфракрасный маячок, закинутый Фарухом на крышу здания, в котором держали Сандру.

— Можете увеличить?

Кутюр повернулся к лейтенанту ВВС США.

— Синтия, пожалуйста, проинформируйте Крич, что берете управление самолетом на себя, хорошо?

— Да, сэр.

Через несколько секунд они смогли разглядеть на экране модель маячка MS/2000 Firefly: модель, которую использовали американские войска.

Меткалф повернулся.

— Похоже, кто-то что-то задумал, не так ли? Есть ли какие-нибудь признаки того, что враг обнаружил маяк?

Кутюр помотал головой и указал в сторону звуконепроницаемого кабинета в конце комнаты.

— Можно вас на минутку?

— Конечно, сэр.

Меткалф проследовал за Кутюром в кабинет и затворил за собой. Они видели через стекло происходящее на экране, но при этом могли спокойно говорить.

Кутюр присел на край стола.

— Не хотелось спрашивать вас, Глен, но что, черт возьми, происходит? За последние десять дней мы истратили десять миллионов долларов налогоплательщиков, чтобы подготовиться к операции «Стремительный налет», а сейчас что, придется все

отменить?

Хотя генерал сохранял военную выправку, Меткалф ощущал — тот закипает. Всем было известно, что операция «Стремительный налет» должна была стать его первой крупномасштабной операцией за год командования в этом регионе. Учитывая плановый вывод войск из Афганистана, едва ли ему представится другая такая возможность.

— Нет, сэр. Я не знаю, что происходит.

— Но вы знали об операции «Ограбление банка», верно? Не лгите мне, Глен. Я не ищу…

— Да, у меня были подозрения об этой операции, генерал. Но я совсем ничего не знаю о том, что сейчас происходит в долине Панджшер. Собственно говоря, я знаю даже меньше вашего, я же только что пришел.

— Хорошо. Я вам верю. — Кутюр положил руки на пояс и провел языком по внутренней стороне щеки со шрамом. — Черт, SOG уже, наверное, все отследил. Если это еще одна несанкционированная попытка, рассерженный президент всех нас отправит в ссылку на остров Диего Гарсия. И такие сталинские меры еще цветочки по сравнению с тем, что нас ждет!

В этот момент Меткалф понял, что Кутюр опасается за свою карьеру. Должно быть, президент объявил после операции «Ограбление банка», что еще одна такая выходка — и виновные будут жестоко наказаны. Меткалф мог утешить генерала только одним.

— Сэр, если это еще одна несанкционированная операция — повторяю, у меня нет никакой точной информации, — то в наших интересах оказать посильную помощь и посмотреть, что получится.

— Предположим, мы окажем. А дальше что?

Меткалф улыбнулся.

— Ну, очевидно, вы должны будете взять на себя ответственность за операцию — раз уж воля президента для этого смельчака не указ.

У Кутюра сперло дыхание.

— А если операция провалится?

Меткалф пожал плечами и печально покачал головой.

— Я, конечно, сужу по себе, генерал… но меня лично жизнь Сандры заботит больше, чем жалость к себе. А я тоже сделал хорошую карьеру.

— Дерьмо дело, — пробормотал Кутюр. — Я бы подвесил этих собак над костром и медленно жарил, кем бы они ни были.

В окно легонько постучали. Адъютант генерала показывал на экран: там возникло белое изображение солдата, бежавшего

параллельно руслу реки Панджшер.

Мужчины выскользнули из кабинета, сели на стулья и стали смотреть, как Гил готовился устранить двух часовых. За деревьями движений часовых было не различить; но все увидели, как Гил сразил обоих патрульных одной пулей.

— Черт возьми! Это же один из наших людей! — объявил Кутюр, вставая на ноги. — Синтия, дайте увеличение, как в прошлый раз.

Лейтенант ВВС США увеличила изображение Гила, который перепрыгнул через стену и побежал между деревьями к западу от участка.

Беспилотник висел не прямо над целью, а под острым углом к ней, и опознать человека было сложно. Тем не менее, капитану Меткалфу хватило и этого, чтобы удостовериться: на экране был один из «морских котиков». Он перевел взгляд на адъютанта генерала с двумя пистолетами Glock.

— Майор, свяжитесь, пожалуйста, с военной полицией с базы в Джалалабаде, пусть найдут главстаршину Шеннона и главстаршину Стилларда, — попросил Меткалф.

Майор посмотрел на генерала, ожидая его подтверждения.

— Сделайте это, — ответил генерал. — И еще Кроссвайта.

Майор покинул комнату. Кутюр обратился к Меткалфу.

— Военная полиция кого-то из них не найдет, я правильно понимаю?

Меткалф покачал головой.

— Признаться, я точно не знаю, сэр… но есть такое предчувствие.

— Взгляните! — Сотрудник разведки из ЦРУ показал на экран. Гил пристрелил первого снайпера с семидесяти метров.

Они повернулись и наблюдали, как Гил уничтожил еще двоих снайперов. Когда спецназовец выстрелил в голову третьего снайпера, вверх полетела его чашка с едой.

Немного погодя они увидели, как Гил расправился с двумя часовыми, выстрелив с пятнадцати метров из пистолета Kimber 1911 из положения лежа.

Меткалф набрал в грудь воздуха и с шумом выдохнул.

— Да это же главстаршина Шеннон. Извините, генерал. Это один из моих.

Кутюр взглянул на Меткалфа, затем на экран и снова на Меткалфа.

— Это он прыгал в Иране? Как вы догадались?

— Он просто слишком упирался, когда его просили поменять Kimber 1911 на более мощный пистолет.

Кутюр ухмыльнулся и протянул руку к экрану.

— Судя по тому, как он стреляет… ему другой и не нужен.

— Он мне сказал то же самое, — пробормотал Меткалф.

Они продолжали следить за Гилом. Он тем временем убрал с крыши еще одного стрелка. В комнате все затаили дыхание, когда открылась дверь и вышел потревоженный шумом местный житель… только генерал Кутюр схватил суть дела и похвалил солдата:

— Ты сделал это, Шеннон!

Но житель деревни вернулся в дом.

— Он выйдет, — сказал вслух Меткалф. — А затем пойдет за ним.

Случилось так, как и предсказывал Меткалф, и все снова сидели не шевелясь, пока Гил пребывал в доме таджика. Наконец, он появился в тяжелом костюме горца.

— Это еще кто такой? — спросил генерал. — Разве Шеннона убили?

Лейтенант ВВС увеличила изображение, и все заметили торчавший из-под шапки монокуляр.

Кутюр взглянул на Меткалфа и ткнул пальцем в экран.

— Этот сукин сын доведет меня до инфаркта.

Меткалф не смог сдержать саркастической улыбки.

— Может, вам лучше не смотреть генерал?

— Эх, верно, — улыбнулся генерал. — Слушайте, все! Пока мы занимаемся отслеживанием ситуации в Панджшере, всё — а это значит *абсолютно всё, что вы видели и слышали,* — всё это абсолютно секретно. Понятно?

Хоровое «да, сэр» прогремело в комнате.

— Будем считать, что это санкционированная операция по спасению Сандры, — продолжал он, — а значит, нужно запустить в воздух два беспилотника Predator[92] с торпедами «Хеллфайр»[93]. Синтия, свяжитесь с базой в Криче, пусть дадут разрешение.

— Есть, сэр.

Кутюр хитро взглянул на Меткалфа.

— Сказал «торпеды» вместо «ракет». Специально для тебя, капитан: морской термин.

Меткалф ему подмигнул.

— Я так и понял, сэр.

— Майор Миллер!

— Да, генерал.

— Звоните президенту. Если это наш последний парад, ей-богу, мы должны все сделать по правилам.

Тремя минутами позже президент Соединенных Штатов Америки был на линии.

— Господин президент, это генерал Кутюр. Простите за беспокойство, сэр.

— Что случилось? — спросил президент с тревогой в голосе.

— Господин президент, в данный момент мы наблюдаем трансляцию с беспилотников над долиной Панджшер. Хотя у нас еще нет подтверждения, сэр, но мы наблюдаем явление, очень *похожее* на несанкционированную операцию по освобождению уорент-офицера Сандры Брукс.

— Вы издеваетесь надо мной! — возмутился президент.

— Никак нет, сэр, — отчеканил Кутюр.

— Скажите, что конкретно вы видите? — потребовал президент.

Кутюр описал, что происходило на экране до этого и как неизвестный стрелок убил еще одного часового под телегой с ослом.

— И кто же этот смельчак? — поинтересовался президент.

Генерал Кутюр наблюдал за тем, как Гил взвалил на плечи тело, потом бросил в повозку и накрыл брезентом.

— Хотя личность еще не установлена, господин президент, мы думаем, что это тот же боец, который осуществил операцию «Коготь тигра».

На том конце провода возникла пауза, и генерал продолжил:

— Сэр, я отдал приказ, чтобы два вооруженных беспилотника Predator поднялись в воздух для того, чтобы оказать ему посильную помощь в спасении уорент-офицера…

— Вы только что сказали, что даже не знаете, *кто проводит* операцию! — съехидничал президент.

В этот момент Кутюр понял, что президент не может трезво оценить ситуацию.

— Господин президент, позвольте мне прояснить… кредит доверия предельно высок. Это наш боец из DevGru.

— Генерал, вы должны сделать следующее. — В голосе президента звучало явное раздражение. — Первое, не трогайте беспилотники. Второе, следите за ситуацией и докладывайте о происходящем мне. Вы не должны ничего предпринимать. Ясно?

— Да, господин президент.

— Если этот *герой* сможет доставить Сандру живой, мы обратим успех в свою пользу. В противном случае он будет уволен. Нечто подобное было в Иране, не так ли? Эти «морские котики», судя по всему, довольны таким развитием событий. Поэтому пусть судьба нашего героя послужит для них уроком. Ясно?

Кутюр продолжал наблюдать за Гилом: тот нырнул в длинную конюшню, где в каменном загоне стояло двенадцать

лошадей.

— Господин президент, при всем моем уважении… этот боец действительно очень хорош — возможно, это лучшее, что у нас есть. Оказав ему помощь, мы обеспечим ему законный шанс на успех.

— А вы уже знаете его план, генерал?

— Нет, сэр, не совсем.

— Хорошо, предположим, нас впутали в эту операцию, а бедная Сандра все равно умерла?

Кутюр выдержал значительную паузу.

— Я задал вам вопрос, генерал.

Кутюр взглянул на капитан Меткалфа и смиренно покачал головой.

— Я понимаю вашу точку зрения, господин президент.

— Думаю, вы можете понять, — ответил президент. — Генерал, вы в этой операции не участвуете, и я, понятное дело, тоже. Так какого же рожна кто-то из нас должен за это отвечать? А теперь я задам другой вопрос: вы можете остановить этого бойца, но так, чтобы не разбомбить всю деревню?

— На данном этапе — нет, сэр.

— То есть мы не несем ответственности за его действия. Верно?

— Можно и так сказать, сэр.

— Тогда хорошо, — ответил президент. — Держите меня в курсе дела, связывайтесь как обычно.

Линия замерла. Кутюр повесил трубку.

— Плохо дело.

— И что в итоге решили? — осторожно спросил Меткалф.

Кутюр смочил губы и, глядя на экран, где из конюшни вновь показался Гил, проговорил:

— Главстаршина Шеннон — если это за тобой мы сейчас наблюдаем, — знай, что только что мы отреклись от тебя.

48
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Ощутив знакомый запах лошадей и навоза в конюшне, Гил приободрился. Он нашел ту гнедую, которую приметил раньше: крепкие бока, сама на несколько ладоней выше остальных. Чтобы осуществить задуманное, ему нужна была самая сильная лошадь, а днем, понаблюдав за тем, как эта гнедая несла ездока во время изматывающей игры в бузкаши, Гил счел, что она достаточно выносliва. Вся трудность заключалась в том, как провести коня к Сандре незаметно. Понятное дело, Гил не сможет нести ее на плече до лошади, отстреливаясь по пути.

Он стянул голубое шерстяное одеяло со спины зверя и, взяв седло для игры в бузкаши из кучи в углу, надел на лошадь. Седло имело железные стремена и высокие луки, сиденье было достаточно глубоким, чтобы наездник с него не падал.

— Это, конечно, не седло Hamley Formfitter, — пробормотал он про себя, затягивая единственную подпругу, — но мне нужно на чем-то ехать.

С другого конца открылась дверь, и Гил, мгновенно став в угол, вынул Ka-bar из ножен, прикрепленных к бедру. Через монокуляр он увидел человека с автоматом Калашникова за левым плечом. Животные заволновались в стойлах, фыркая и топчась на месте. Гил понял: животные почувствовали его адреналин.

— Ахмед? — позвал незнакомец. — Ахмед!

Гил догадался, что Ахмедом звали того парня, которого он застрелил под телегой, запряженной ослом. Американец хмыкнул и стал покашливать так, словно старался протолкнуть что-то вглубь гортани.

Незнакомец, не видя американца в темноте, а только слабо различая очертания его плаща, приблизился.

— Ахмед, — сказал он, добавляя что-то на сурово звучавшей тарабарщине — что-то, чего Гил понять не мог.

Когда несчастный оказался на расстоянии вытянутой руки, Гил схватил его за плечо и с силой вонзил нож снизу вверх в основание челюсти так, чтобы оружие прошло изнутри лица и дотянулось до мозга, а кончик ножа уткнулся в макушку черепа. Пуштун уже умер, но тело этого еще не осознало, и дергалось в конвульсиях, в то время как Гил опускал его на унавоженный пол.

Боец вытер нож о куртку своей жертвы и вложил Ka-bar обратно в ножны.

Затем поднялся и встал на тело, чтобы лучше взглянуть на дыру между крышей и верхушкой глинобитной стены. Между конюшней и помеченным инфракрасным маячком домом оставалось еще несколько хижин, порядка ста метров. Прежде чем захватить хибару, в которой, предположительно, держали Сандру, он хотел бы внимательно ее исследовать. По меньшей мере, нельзя было отметать вариант, что Фаруха поймали и заставили заманить Гила в ловушку.

«Бог войны — изменчивая бестия, — любил повторять его отец. — Не доверяй ему».

Гил спрятал тело в угол и, прикрыв его седлами, выскользнул из конюшни. Затем снова прошел немного по той же дороге на юг, а после повернул на запад, к реке. Когда Гил смотрел на часовых со склона, он запомнил участки, которые те охраняли, и теперь был уверен, что очистил юго-западный угол деревни. Безусловно, гарантий не было, но шестое чувство подсказывало, что пока он в безопасности. Он прошел вдоль реки пятьдесят метров, взял снова на восток и вышел к задней части дома, у которого он свалил в телегу тело часового. Инфракрасный маячок должен был все еще вспыхивать на крыше, но в монокуляр Гил увидел только жуткую темноту на крыше того дома, где, как он помнил, и был маячок. Он снова поднял глаза на звездное небо, гадая, заметил ли американский беспилотник маячок. Если да, то кого-то ждут крупные неприятности. Гил даже подумал, ищет ли его уже военная полиция или еще нет.

Спецназовец встал на бочку для сбора дождевой воды, а оттуда взобрался на крышу дома, сжимая в руке пистолет. Если к этому дому приблизятся невинные деревенские таджики, Гил будет вынужден стрелять на поражение. Отсюда, с крыши, он видел двери и окна той группы домов, в одном из которых и держали Сандру. Он вскинул винтовку и стал всматриваться в прицел, наведенный на открытую дверь. Четверо мужчин, одетых в простыни, сидели за столом и играли в теку — афганскую карточную игру — при тусклом свете свечи. Или они зажгли ее недавно, или пламя было слишком слабым, но в прицел невозможно было разглядеть, что еще там происходит.

Дверь в дом Сандры внезапно отворилась; вышел Рамеш. Гил сразу узнал в нем палача, отрезавшего американке палец. На мгновение, пока дверь не закрылась, Гил увидел ее саму и почувствовал острое желание ее спасти. Она лежала на кровати, укутанная тяжелыми одеялами, а рядом при свете керосиновой лампы сидели мужчина и женщина. Казалось, они о ней

заботились.

Гил следил за Рамешом в прицел, пока тот шел по направлению к дому-ловушке. В тридцати пяти метрах от склона он остановился и с северной стороны постучал в дверь. Открылась дверь, изнутри выступил Аасиф Кохистани. Запахивая свое пальто поплотнее, он шел быстрым шагом к дому, где держали Сандру, ведя за собой Рамеша.

Кохистани с Рамешом вошли внутрь здания; пробыли там пять минут. Затем, выбравшись, Рамеш взял западнее и направился к тому дому, где играли в карты часовые. Кохистани вернулся в свою хижину. Гил осторожно сполз с крыши, размышляя над тем, чувствует ли лидер хезби, что над ним нависла тень смертельной угрозы.

Бог войны — изменчивая бестия, мистер Кохистани.

49
Афганистан

Кабул, центральное командование

Генерал Кутюр стоял перед экраном. Скрестив на груди руки, он внимательно наблюдал за тем, как Гил спускался с крыши. Капитан Меткалф стоял рядом. На экране неожиданно возник Аасиф Кохистани, и в комнате зашептались убежденные голоса, что Сандру Брукс действительно держат в доме с маячком.

Кутюр наклонился к Меткалфу.

— Если у вас есть кто-нибудь, кого можно позвать на помощь Гилу, — пробормотал он, — сейчас — самое время ему позвонить.

Меткалф смущенно посмотрел на генерала.

— Но президент приказал оставаться на месте.

— То есть вы говорите, вам некому позвонить? — спросил генерал.

Меткалф почесал свою голову.

— Честно признаться, генерал, мы уже послали за ними… и военная полиция не смогла их найти.

Кутюр холодно кивнул, не отрываясь от экрана.

— А что насчет Лэнгли… есть кто-то из SOG?

— Генерал, но президент сказал…

— Послушай, Глен. Я бы с радостью лично надрал Гилу задницу за такую выходку, но Сандра, как ни крути, в этом проклятом доме. И если у тебя найдется в SOG какой-то добрый маг, поверь, никто в этой комнате и слова не скажет.

Капитан ВМС сделал глубокий вдох и, выдержав паузу, сказал:

— Генерал, могу я говорить откровенно?..

Кутюр жестом показал ему не останавливаться.

— Главстаршина Шеннон не строит из себя ниндзя, сэр. Он знает, что проникнуть в деревню и вызволить Сандру из плена без посторонней помощи — невозможно. Я предполагаю, что если Гилу и нужен был волшебный помощник, то он его уже давно нашел.

— Вот почему, полагаю, военная полиция не смогла отыскать Стилларда и Кроссвайта.

— Не знаю, сэр, но что бы эти сумасброды ни задумали… они уж точно не из тех, кто прячется где-нибудь под кроватью, пока не минет опасность.

— Хорошо, — заключил Кутюр. — И мы тоже не из тех. — Он

щелкнул пальцами, привлекая внимание офицера по связи. — Лейтенант, свяжитесь с полковником Морроу.

— Есть, сэр.

Меткалф и Кутюр следили за изображением на экране. Гил шел вдоль русла реки на север.

— Ну, и куда он сейчас идет? — вслух спросил Кутюр.

Меткалф заскрипел зубами.

— Уверен, он задумал убить Кохистани.

— Хватай девчонку и беги, — тихо скомандовал Кутюр. — Ради Бога, она же там!

— Мы не можем видеть ту же картинку, что и он. Он видит то, чего не видим мы.

Кутюр посмотрел на него.

— Ей-богу, вы хуже моей жены, капитан. Разрешите дальше посмотреть, а?

Меткалф усмехнулся.

— Конечно, сэр.

— Синтия, пожалуйста, увеличьте немного угол обзора.

Изображение Гила ушло вбок, и на экране возникла часть деревни величиной с футбольное поле.

— Черт, а это еще кто? — Кутюр ткнул в верхнюю часть экрана. — Синтия, увеличьте изображение.

На экране появилось шестеро вооруженных мужчин, направлявшихся вдоль реки с севера деревни. У каждого был гранатомет и пулемет Калашникова 7,62 с ленточным питанием. И хотя лишь один из них держал оружие наготове, вскоре все шестеро должны были столкнуться с Гилом.

— Это бойцы, сидевшие в засаде в горах, — пояснил Меткалф. Он потирал шею на спине, когда начинал напрягаться. — Они спустились с Гиндукуша по приказу Кохистани. Наверное, шли всю ночь.

Когда мужчины приблизились к нему на семьдесят метров, Гил замер, потом быстро повалился на землю, вытягивая перед собой винтовку Remington.

— Стреляй! — проговорил Кутюр. — Стреляй же!

Дыши, подумал про себя Меткалф. *Дыши.*

Через несколько секунд боевик с оружием наготове дернулся, словно ужаленный осой. Меньше чем через секунду упал замертво и его товарищ, стоявший рядом.

Поняв, что они под обстрелом, остальные четверо сняли с плеча пулеметы. Еще один упал, потом еще. Из всей шестерки осталось двое. Один из них упал на колени, ударяя ребром ладони по затвору пулемета.

— Шеннон, стреляй в затвор! — волновался Меткалф.

Не успел Меткалф закончить свою фразу, как в живых остался только один-единственный боевик — с неисправным пулеметом. Он отбросил бесполезное оружие в сторону и попытался спастись бегством, однако еще до того, как он успел сделать полный шаг, пуля пробила ему голову, и он упал.

— Боже! — ахнул кто-то. — Сколько это длилось?

— Чуть больше десяти секунд, — ответил генерал, поворачиваясь к Меткалфу. — Кстати: вот что вы пропустили, когда не смогли наблюдать за Гилом в Иране.

Меткалф кивнул, губы его сузились: он переживал за своего человека, рисковавшего жизнью там, на земле Базарака. Образованный, одаренный тактик Кутюр был хорошим генералом. Еще в его бытность генерал-майором ему в лицо стреляли из гранатомета. Он выжил, заработав себе уродливый шрам и еще две звезды, но… но он никогда никого не убивал. Меткалф, в свою очередь, как ветеран Холодной войны, имеющий на личном счету семь смертей, отлично понимал, что происходит на экране, и ему все это не казалось зрелищным спортом. Майор украдкой взглянул на секундомер на часах. Гил Шеннон застрелил шестерых хорошо вооруженных мужчин за девять секунд из винтовки со скользящим затвором с расстояния в восемьдесят метров, и, судя по тому, что в деревне по-прежнему тихо, боевики не успели ответить.

— Генерал, на линии полковник Морроу.

Полковник Мак Морроу командовал 24-й специальной тактической эскадрильей ВВС США, еще одним подразделением специального назначения, находившимся под эгидой Объединенного командования специальных операций.

Кутюр прошел к своему кабинету в конце комнаты и поднял трубку.

— Мак, извини, что разбудил тебя. Послушай, мне нужна пара «Черных ястребов». Они должны быть вооружены и готовы к проведению срочной эвакуации, и прошу поскорее. Может, они мне и не пригодятся, но если вдруг что, потребуются они сразу, ждать не получится. Они полетят в долину Панджшер, но это секретная информация. И еще подготовь пару ударных вертолетов «Кобра»[94].

Он вышел из кабинета и подошел к Меткалфу.

— Все готово, генерал?

— Да, — ответил Кутюр. — Я так все устроил, что к концу недели мы с вами точно станем безработными.

— Вы должны признать, генерал, операция «Стремительный налет» — смертельный приговор для Сандры.

Кутюр хмыкнул.

— Как бы то ни было, я пытался сказать президенту, что надо использовать DevGru… не слишком усердно, но пытался.

50
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Как только последний из шестерки упал замертво, Гил поспешил к телам. Они лежали в семидесяти метрах от него. Один еще дышал, кровь хлестала из открытой раны размером с кокос в правом боку. Гил добил раненого ножом. Сбросив, на всякий случай, винтовку Драгунова в канаву, он снял с трупов шесть гранатометов и поспешил с ними в деревню. Он не собирался использовать их сейчас, но оставлять их не следовало: неприятель мог подобрать их и подстрелить Гила, когда он будет выбираться отсюда. До зоны эвакуации было целых три километра на север, и ему не хотелось лишних проблем по пути.

Он спрятал гранатометы за проржавевшим кузовом джипа, который кто-то поставил к задней стене одинокого дома, и направился к дому Кохистани. Одинокий часовой спускался по холму, проходя мимо окна дома, откуда струился свет, освещая дорогу. Мужчина поднял руку и помахал. Гил помахал в ответ и остановился, ожидая, пока тот не подойдет ближе. Он почувствовал, что может спокойно и безнаказанно находиться среди этих людей. Охранник приблизился еще на три метра, и Гил выпустил ему в глаз пулю 45-го калибра. Затем, затащив тело в зазор между домом Кохистани и соседней с ним хижиной, он проскользнул под навесом и заглянул в окно. На столе горела свеча, рядом стояла кровать, на которой спал лидер хезби, развернув на груди Коран.

Гил проскользнул через заднюю дверь и, прокравшись в комнату Кохистани, присел на стул возле его кровати. Пальцами он затушил пламя свечи и стал смотреть на мучителя Сандры через очки ночного видения. Потом убрал Коран на стол и тихонько тронул спящего за плечо.

Кохистани мгновенно проснулся и сел в темноте.

— Что такое? — спросил он по-пуштунски. Сидящий рядом Гил в своем тяжелом горном плаще напоминал Аасифу во мраке Грима Рипера. Он достал спички, чтобы заново зажечь свечу.

— Ты должна была постучаться, прежде чем войти.

Гил не понял ни слова. Он знал, что лидер хезби неплохо говорит по-английски, но Гил не позволил ему произнести еще что-то — Кохистани мог позвать на помощь, да и что можно сказать в такой момент? Американец вынул удавку из своей

сумки на ремне и зажал в кулаке деревянные крючки. Удавка — оружие совсем не боевое, она действует тихо и безжалостно. Это орудие казни человека, который совершил политическое преступление. И Гил был уверен, что Кохистани заслужил право быть казненным по идейным мотивам.

Боевик чиркнул спичкой, и Гил по-кошачьи проворно затянул вокруг его горла петлю из куска рояльной струны, жестким рывком мгновенно перекрывая поток крови и кислорода в мозг. Кохистани схватился за удавку, выронив спички. Он отчаянно царапался, но бесполезно. Удавка впилась в горло, подобно яйцерезке. Гил уперся коленом о край кровати и продолжал сдавливать горло, но уже не так робко.

Пока лидер хезби медленно умирал в мучительной, сдавленной тишине, Гил прошептал ему на ухо:

— Меня послал муж Сандры, чтобы убить тебя. Я хочу, чтобы ты узнал это перед смертью.

В жестокой смертельной агонии Кохистани неистово дергался, его ноги бешено колотили по шерстяному одеялу. Гил резко потянул концы удавки с обеих сторон на себя, и рояльная струна прорезала горло прямо до позвоночника. Кишечник исламского лидера опорожнился, и комнату наполнила едкая вонь непереваренного дерьма.

Наконец, американец отпустил Кохистани, и тот свалился на кровать, сейчас же с ней свешиваясь. Из его разрезанной шеи хлестала кровь. Это было самое интимное убийство за все годы его службы, и даже когда он выскользнул ночным призраком из дома, Гил чувствовал: в нем что-то изменилось. Сердце наполнилось сжигающей ненавистью, не похожей на ту, что он испытывал раньше. К своему удивлению, он понял, что хочет уничтожить всех до единого в этой деревне. Он вспомнил об РПГ и отправился за гранатометами.

Гил оттолкнул от стены джип и стал вытаскивать гранату за гранатой, чтобы убедиться в их пригодности. Ему понадобится один гранатомет. Реактивные гранаты можно перенести на плече, если завернуть их в плащ. Гил оставил бы пепелище на месте деревни. В такие минуты никто не мог бы его остановить — он знал это и чувствовал, как закипает адреналин в крови. Эти фанатики-ослы — не настоящие солдаты. Это неумелые самозванцы, которые вляпались в современную войну, масштаб которой не могли себе даже вообразить. Как у них фантазии хватило хотя бы приблизиться к нему, если он всем им объявил войну? Он был сама Смерть, которая бродила среди них, даже не желая их убивать в наказание за грехи против человечества.

Война ли это в привычном смысле слова или же приступ

жестокого и жгучего желания убивать всех без разбора, какое испытывал его отец во время войны во Вьетнаме, где жизнь превратилась в один непрекращающийся кошмар, сотканный из крови, смерти и разрушения? *Убивайте всех, Бог признает своих!* [95] Были ли это игры разума, которые позволили обычно доброму и мягкому человеку стать безумным палачом женщин и детей?

Если так оно было, то Гил понял это сейчас на наиболее примитивном уровне из всех возможных. Ему еще не доводилось испытать чувство сильнее этого — *жажды крови!* Спецназовец сбросил плащ и собрался разрезать подкладку ножом Ka-Bar, как вдруг подумал о жене, о Мари. Внезапно он увидел ее дремлющей в кровати с легкой улыбкой на лице, какая обычно была у нее после занятия любовью. Его глаза наполнились слезами, и разум стал проясняться. Ненависть рассеялась, оставляя легкий налет стыда; он снова сконцентрировался на операции.

— Господи, — пробормотал он. Затем затолкал гранаты обратно под машину и поднялся на ноги. До конца операции ему предстояло убить море людей.

51
Афганистан

Кабул, Центральное командование

В командном центре все вздохнули с облегчением, когда Гил выскользнул из дома Кохистани и направился к реке.

— Я думаю, можно с уверенностью предположить, что Кохистани нас больше не побеспокоит, — бросил генерал Кутюр. — Черт, а парень-то не из робких. Глядя на него, можно подумать, что вся паршивая деревня у него в руках.

— Пока так оно и есть, — пробормотал Меткалф, усаживаясь на стул. Много лет назад из-за прыжка с парашютом он получил травму позвоночника, и боль в пояснице по сей день его мучила. — Простите, генерал, я присяду. Старые кости…

— Кости воина, — ответил Кутюр. — Хоть ноги на стол кладите, если хотите.

Меткалф покачал головой:

— И так хорошо, сэр. Благодарю.

Они увидели, как спецназовец вернулся к дому.

— Что он собрался делать с этими снарядами от гранатомета? — поинтересовался Кутюр. — Боже, этот парень меня вгонит в гроб! Хватай женщину и беги, сынок!

Меткалф уставился на экран, лоб его нахмурился.

— Похоже, он что-то задумал, сэр. — Впервые Гил заставил капитана нервничать. Сейчас снайпер терял время. Воспользоваться РПГ незаметно не удалось бы; а это значило, что боевики, сидевшие в засаде в горах, непременно вернулись бы в деревню. Может быть, он так и планировал? Вряд ли это было разумно.

Они видели, как Гил замер, казалось, заново обдумывая свое решение. Наконец он убрал ракеты с глаз долой и натянул громоздкий плащ поверх своей камуфляжной куртки ACU multicam.

— Передумал, — пробормотал Кутюр, — что бы то ни было… слава Богу!

Гил побежал на юг вниз по реке, повернул на восток там, где заканчивался ряд домов, и незаметно проскользнул в здание возле каменного загона. Несколько минут спустя он снова вышел, ведя оседланную лошадь.

Меткалф раскачивался в кресле, пялясь на экран.

— Ох, ты, должно быть, издеваешься надо мной, — произнес

Кутюр, поворачиваясь к Меткалфу. — Он что, шутит? Издевается надо мной?

— Вовсе нет, — ответил Меткалф, почесав голову. — Полагаю, теперь мы знаем, как он будет выбираться.

— Черт, — сказал Кутюр, поставив руки на пояс. — Лучше бы он ушел со снарядами РПГ. По крайней мере, тогда он бы завалил еще пару ублюдков.

На этот раз минуя дома с их лицевой стороны, Гил повел лошадь по тропинке на север, туда, где прятали Сандру.

— Жаль, не узнаем, что такого особенного он там видит, чего не видим мы, — проворчал Кутюр. — Кто-нибудь, дайте закурить.

Никто не отозвался.

— Вот черт.

В тот момент, когда Гил проходил по тропинке мимо последнего дома, из дома вышел крестьянин. Мужчина направился прямо к нему, удивленно размахивая руками.

— Должно быть, хозяин дома, — заметил кто-то в комнате.

Гил приставил глушитель пистолета к его лбу и повел его обратно в дом. Казалось, прошла вечность, пока он снова не появился на экране.

— Вот так-то! — прошептал Кутюр. — Сержант Беккер! Найдите мне пачку сигарет. Мне наплевать, кого вы ограбите и какой марки будут сигареты, главное — достаньте.

— Есть, сэр! — Сержант ВВС вскочил и быстро вышел из комнаты, явно желая поскорее вернуться, чтобы ничего не пропустить.

Теперь Гил вел лошадь прямо через дорогу к жилищу Сандры, вел бесстрашно и самоуверенно.

— Только посмотрите, какой дерзкий парень, — Кутюр покосился в угол комнаты, где темнокожая лейтенант ВВС сидела за пультом управления беспилотника. — Ты слышала, Синтия?

— Слышала что, сэр? — спросила она, не отрываясь от своего монитора.

Вернулся сержант с упаковкой Pall Mall.

— Бросай их сюда, сержант.

— Есть, сэр. — Сержант перекинул пачку сигарет через пульт, и генерал поймал их обеими руками. К пачке прилагалась зеленая упаковка спичек, завернутая в целлофан.

— Молодец, сержант. Беру назад все грязные и нехорошие слова, которые я тебе говорил.

— Сэр!

Минутой позже Кутюр уже стоял в облаке дыма, попыхивая сигаретой.

— Господи, я уже забыл, как это здорово — курить, когда

нервничаешь. А все благодаря этому вот сукиному сыну, — сказал он, указывая на экран. — Теперь буду курить всю оставшуюся жизнь.

Меткалф усмехнулся в ответ. Он не мог сдержаться. В комнате царила слишком напряженная атмосфера.

52
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

К счастью, владелец лошади немного говорил по-английски, в противном случае Гилу бы пришлось его убить. Чтобы спасти мужчине жизнь, он солгал:

— ЦРУ! Внимание, в деревне опасно! Оставайся здесь! Лошадь я верну.

Крестьянин злился из-за лошади, но поверил, что в деревне ЦРУ и что они могут его прикончить, если он станет мешать. На самом деле убедить его не составило труда. ЦРУ, как правило, верны своим угрозам — особенно это касается сумасбродных оперативников, которые жаждут устроить зачистку в деревне, оккупированной вражескими силами.

Он повел лошадь по тропинке и выбрался на открытый участок неподалеку от группы домов, в одном из которых держали Сандру. Через открытую дверь хижины он уже различал охранников, по-прежнему игравших в карты при свечах. В дверном проеме появился Рамеш и остановился, прислонившись плечом к дверному косяку. Он глядел на Гила. Ему не понравилось, что Рамеш загородил дверной проем, поэтому он остановился и стал жестами указывать в ту сторону, откуда пришел сам, призывая силача посмотреть, что случилось. Рамеш что-то бросил через плечо остальным охранникам и проследовал за Гилом.

Отметив, что другие охранники по-прежнему увлечены карточной игрой, Гил развернул лошадь, чтобы увести Рамеша с их глаз. Он направился за угол и остановил животное у дерева, а после быстро привязал его столбу и стащил накидку. Подвесив на ветку плащ за капюшон, американец спрятался за деревом.

Силач возник из-за угла, держа обеими руками «АК-47». Он был бдителен, но недостаточно, поэтому приблизился к лошади и что-то сказал по-пуштунски, обращаясь к накидке. И лишь только он понял, что разговаривает с пустым плащом, как Гил уже набросился на Рамеша из-за спины и воткнул нож Ka-Bar в шею, моментально разрывая трахею, чтобы тот не пискнул. Обхватив жертву за волосы левой рукой, он ударил здоровяка под колени и повалил на землю. Затем выдернул из горла нож, разрывая обе сонные артерии и яремную вену. Кровь била фонтаном. Гил пнул его по лицу.

— Можешь оставить тот палец себе на память. — Он снова натянул плащ и повернулся. — Теперь, — пробормотал он, накидывая капюшон, — если гора не идет к Магомету… то Магомет идет к горе.

Он взял жеребца под уздцы и снова направился к углу, откуда двинулся прямиком к хижине с охранниками. Внутри разгорался спор. Было похоже, что один из игроков недоволен проигрышем. Впрочем, может быть, они всегда так играли? Гил прошел в сторону хижины десять метров, не привлекая внимания, и вдруг возник в дверном проеме с пистолетом 1911 в руке.

Охранники с криком кинулись к оружию, но было поздно. За две секунды Гил выстрелил каждому в область сердца. Потом еще и в голову. Не прошло и четырех секунд, как щелкнул затвор 1911 и последняя гильза звякнула об стол. Он нажал большим пальцем на кнопку фиксатора магазина, и пустая обойма с лязганьем ударилась о каменный пол. Спецназовец заправил обойму и защелкнул затвор. Затем завел лошадь в хижину, намереваясь ее спрятать.

Бросив взгляд в сторону освещенного командного поста, он убедился, что никто не уловил этой недолгой борьбы. На самом деле, выкрики спорящих игроков не сильно отличались от панического крика. Жеребец отшатнулся от резкого запаха крови и дерьма, наполнявшего комнату, но Гил погладил его по шее, успокаивая. Следом снял плащ и, затворив за собой, вышел, направившись теперь к соседней двери.

Внутрь вошел без стука, мигом направив пистолет 1911 на Хана и Бадиру, которые сидели возле кровати. В то же мгновение он увидел во рту Сандры кляп, ее глаза лихорадочно сверкали от страха. Тут он понял, что оплошал: забыл про угол. И не то чтобы забыл, а посчитал лишним проверять… и это была ошибка.

Грудную клетку обожгло холодным лезвием ножа, вонзенного сзади. Гил повернулся, схватил своего юного противника за запястье, жестко скрутил тому руку и, заставив подростка опуститься на пол, ударил по горлу носком ботинка. Юноша потерял сознание, а Гил, наступив на его шею, выдавил ему ствол мозга.

Хан вскочил со стула, пытаясь убежать от Гила, но тот упредил его резким ударом в печень — прием из тайского бокса. Хан стал падать, хватаясь за стену и закрывая голову.

— Не убивай его! — закричала Бадира. — Он не угрожает тебе. Он доктор!

Гил спрятал пистолет в кобуру, вытащил кляп изо рта Сандры и, отдернув одеяла, обнаружил, что ее запястья были наспех связаны обувным шнурком.

— Слава богу! — вздохнула Сандра. — Не верится, что ты настоящий!

— Главстаршина Гил Шеннон. Не знаю, помнишь ли ты меня.

Слезы покатились из ее запавших в глубь лица глаз.

— Ты из Монтаны. Твоя жена разводит лошадей.

Он поправил упавшие на ее глаза волосы, достал из своей сумки радиопередатчик и указал на небо.

— Джон сейчас над нами, за штурвалом Spectre. Он хочет тебя услышать. Помнишь свой персональный код?

Она кивнула, с трудом удерживая слезы. Она все еще солдат, и пришло время это доказать.

— Это несанкционированная операция, — сказал Гил, протягивая ей передатчик. — Скорее всего, от меня отреклись, поэтому они могут не ответить на мой сигнал бедствия. Ты должна сделать это сама. Представь, что меня здесь нет — словно ты пилот, оказавшийся на вражеской территории. Поняла?

Она кивнула.

— Помоги мне сесть.

Он помог ей усесться у стены, а сам вышел проверить обстановку на улице.

Она вздохнула и нажала на кнопку радиопередатчика:

— SOS! SOS! Это Трэк Стар на аварийной частоте. Повторяю! Это Трэк Стар на аварийной частоте. Мой персональный код: Альфа-Один-Браво-Лима-Чарли-Пять. Повторяю! Альфа-Один-Браво-Лима-Чарли-Пять! Слышит меня кто-нибудь? Прием!

Последовал незамедлительный ответ:

— Вас понял, Трэк Стар. Это Биг Тен. Отлично слышу вас на аварийной частоте. Где вы находитесь? Прием.

Когда вернулся Гил, она вопросительно на него взглянула.

— Они уже знают, — сказал он, — но нам нужно, чтобы это прозвучало правильно. Скажи им, что ты в деревне Базарак… прямо под инфракрасным маячком.

Сандра, колеблясь, повторила за Гилом.

— А этого будет достаточно, чтобы?..

— Так было задумано. Не беспокойся, они знают, что делать.

Биг Тен снова вышел на связь.

— Трэк Стар, внимание, мы находимся поблизости и готовы помочь. Как ваше состояние? Прием.

— Скажи им, что тебе помогают местные жители. Они переправят тебя в безопасную зону. Попроси их пока не вмешиваться.

Она нажала на кнопку.

— Биг Тен, внимание… Местные силы проводят меня в безопасную зону. Буду держать вас в курсе. Пожалуйста, не

вмешивайтесь!

На этот раз пауза была длиннее, затем другой голос произнес:

— Трэк Стар, внимание… Биг Тен будет и дальше оставаться на станции.

Сандра мгновенно узнала по интонации и тембру мужа. Она зажала рукой рот, лицо ее исказилось от нахлынувших чувств.

Гил пнул ножку кровати.

— Ты солдат! Отвечай ему.

Она пыталась совладать со своими эмоциями, но безуспешно. Она тряхнула головой и попыталась вернуть Гилу радиопередатчик. Он опять ударил по кровати, в этот раз сильнее.

— Ты солдат, Брукс, я сказал!

Она с трудом сглотнула, нажала на кнопку и ответила сдавленным голосом:

— Вас понял, Биг Тен… Буду иметь в виду.

— Молодец. — Гил вышел из комнаты, а затем вернулся с тяжелым плащом, который бросил Бадире.

— Ты ведь говоришь по-английски, да? Одень ее. Мы сейчас поедем верхом на лошади.

— Гил, я не могу…

— Успокойся, — ответил он, копаясь в своей сумке. — Править буду я. Твое дело — держаться за меня. — Он достал бутылку прозрачной жидкости и шприц. — Сначала мы должны вколоть тебе в ногу достаточно новокаина, чтобы, случись что, ты смогла встать на ноги.

Через минуту она сидела, свесив с кровати ноги. Он сделал первый укол, она вздрогнула.

Хан зашевелился на полу, обращаясь Бадире.

Гил посмотрел на Бадиру.

— И что он хочет?

Ее глаза бесстрашно смотрели из-под бурки.

— Он попросил разрешить ему сделать укол. Он знает, где нервные окончания. Так будет лучше.

Гил посмотрел на Сандру.

— Ты доверяешь этому духу?

Она изможденно улыбнулась Хану.

— Я жива только благодаря ему.

Гил отдал Хану новокаин и шприц, а сам снова вышел на улицу.

— Через час рассвет. Нам нужно уходить.

Сандра впервые заметила, что из его спины торчит нож.

— Господи! У тебя в спине нож!

— Я знаю, — мрачно ответил он, продолжая рассматривать тропинку через дверную щель. — Пока что он должен оставаться там. Если я вытащу его, легкие наполнятся кровью и я задохнусь.

— Разве тебе не больно?

Он взглянул на нее:

— Еще как больно, черт возьми!

Она прыснула со смеху и прикрыла рот тремя оставшимися пальцами левой руки.

— Извини, — сказала она сквозь щель, где должен был находиться безымянный палец. Она снова засмеялась, теперь от облегчения — нога больше не болела. Бадира тем временем что-то обсуждала с Ханом.

— О чем это они болтают? — раздраженно спросил Гил. — Господи, пусть они заткнутся!

Бадира, сидевшая на краю кровати поблизости Сандры, посмотрела на него.

— Хан говорит, что может вытащить нож… что он может сделать дыхательный… дыхательный клапан, если понадобится. Это правильное слово… *клапан?*

— Да. — Гил на минуту задумался над его предложением. Риск был, но он решил, что в случае перестрелки лучше быть с клапаном в легких, чем с ножом. — Хорошо, пусть сделает.

Хан закончил с уколами, и Бадира стала одевать Сандру в плащ.

— Ты действительно здесь один? — спросила Сандра, все еще сомневаясь, что Гил реален.

— Не совсем. — Он сел на стул задом наперед, облокотившись на спинку. Хан разорвал куртку, чтобы осмотреть ножевое ранение. — В соседней комнате нас ждет лошадь.

Сандра почувствовала головокружение, взгляд ее затуманился.

— Ты совсем сумасброд, раз пришел за мной. Твоя жена собирается… — Она снова разрыдалась, тряся головой. — Ты не должен был так рисковать из-за… из-за какой-то блудницы.

Гил, наблюдая ее ужасное состояние и то, что, возможно, она умирает от пневмонии, встревожился. Идти сама она точно не сможет, даже если вколоть ей в ноги обезболивающее. Он едва скрывал собственную боль и только благодаря собственной воле держал эмоции под контролем.

— Я раскрою тебе один секрет, — сказал он ей.

Она уставилась на него остекленевшими глазами, в то время как Бадира помогала ей просунуть руки в рукава плаща.

— Какой?

— Он прямо не сказал, но я почти уверен, что у Джона была

подружка в Маниле… если это тебе сейчас поможет.

— Если это мне сейчас поможет? — сказала она неожиданно четким голосом. — Не могу поверить, что ты рассказал это мне в таком состоянии! — Она засунула руки в рукава и чуть не упала на кровать из-за нехватки сил. — Я должна увидеть этого подонка!

Гил обрадовался тому эффекту, который его фраза произвела.

— Если все пойдет по плану, ты увидишь его скорее, чем думаешь.

Хан крепко схватился за ручку ножа и велел Бадире сказать, чтобы Гил сделал глубокий вдох и задержал дыхание.

Спецназовец сделал, что было велено, и Хан медленно вытащил нож, тут же закрывая рану ладонью, чтобы в грудную клетку не попал воздух.

Доктор снова заговорил с Бадирой.

— Хан говорит, тебе повезло. Он думает, что воздух не проник в полость.

— Хорошо. Теперь наложите повязку, и мы поскачем дальше.

Внезапно донесся дикий крик с перекрестка, со стороны дома Кохистани.

Бадира и Хан переглянулись, глаза их округлились от страха.

— Что, черт возьми, там происходит? — спросил Гил. Он не мог подняться со стула, так как только ладонь Хана прикрывала его грудную полость, чтобы во время дыхания воздух не проник в легкие. Если слишком много воздуха попадет в плевральную полость, то легкое сдуется и скрутит трахею, и тогда от пневмоторакса[96] он задохнется.

Глаза Бадиры все еще были полны ужаса.

— Ты… ты убил Кохистани?

— Черт, а что, его уже нашли?

Сандра присела на кровать, глаза ее бешено вращались.

— Ты убил этого ублюдка?

— Зачем ты сделал это? — спросила Бадира. — Для этих фанатиков он как Бог!

Гил посмотрел на нее и пожал плечами.

— Его нужно было убить…тогда это казалось хорошей идеей.

53
Афганистан

Кабул, Центральное командование

Насколько Кутюр понимал, правила игры изменились, когда от Сандры Брукс был получен аварийный сигнал о помощи. Ему не требовалось разрешения президента, чтобы спасти сбитого пилота.

— А башковитый этот сукин сын Шеннон, капитан. Не оставил нам выбора. Придется ему помочь.

Он повернулся спиной к экрану.

— Итак, внимание! Мне нужно, чтобы два истребителя F-16[97] вылетели из Баграма, немедленно — и не важно, что у них на борту. Узнайте точно, где сейчас находятся наши бомбардировщики B-52[98]. Надо подольше удержать этих ублюдков в горах — пока не ударим по ним напалмом! Приготовьте два вертолета ВВС для спасения и предупредите экипаж, что приземлятся они в горячей точке. Кроме того, поднимите по тревоге 160-й полк специальных операций. Пусть будут готовы на случай, если все полетит к чертям. И, наконец, выясните уже, кто, черт возьми, этот *Биг Тен*, и какого рода поддержку он предоставляет.

— Сэр, я уже нашел Биг Тен в реестре полетов!

— Докладывайте, сержант.

Сержант выглянул из-за экрана своего компьютера.

— Похоже, что это мог быть самолет ЦРУ Spectre, сэр, но… тут все запутано. Я сопоставил ссылки на бортовой номер и обнаружил, что этот самолет был списан в 1998 году. Но это ничего не объясняет, так как уже на следующей странице говорится, что в настоящий момент он находится на военной базе на острове Диего Гарсия. Поэтому я даже не знаю, что с этим делать, сэр. *Думаю*, смело можно предположить, что вчера рано утром он приземлился в Джалалабаде для восстановительных ремонтных работ… но я не могу это гарантировать, сэр.

— Где он может быть сейчас, сержант?

— Тут говорится, что он покинул Джалалабад сорок пять минут назад и направился в Кабул.

Кутюр повернулся к Меткалфу, уперев руки о пояс.

— Для восстановительных ремонтных работ, — эхом повторил он. — И поскольку никто в Джалалабаде никогда и *думать* не смел сунуться в дела ЦРУ…

Меткалф поднял брови и посмотрел в сторону пульта.

— Сержант, а какова конфигурация самолета? Мы говорим об обычном Spectre?

Сержант застучал по клавиатуре.

— Не похоже, капитан. Этот самолет всегда называют по-разному. Каждый раз меняются обозначения… Combat Talon I, Combat Talon II, Dragon Spear, Spectre…. Combat Shadow, Commando II — и так далее, сэр. Я понятия не имею, какой он сейчас конфигурации. Прошу прощения, но сейчас он может быть чем угодно.

Меткалф поймал и выдержал взгляд генерала, и бросил через плечо:

— Была ли на нем установлена система STAR, сержант?

Тот перелистнул страницу.

— Да, сэр. Система STAR была дважды на нем установлена — согласно этому документу — но сейчас ее нет.

Меткалф улыбнулся генералу.

— Ну что, делаем ставки, генерал?

Кутюр покачал головой.

— Все это смахивает на Боба Поупа из Лэнгли… и я никогда не спорю, когда в деле замешан этот сукин сын.

— А по-моему, верная ставка: денег точно не потеряете, сэр.

Генерал вытряхнул из пачки Pall Mall одну сигарету без фильтра, предлагая ее Меткалфу. Тот покачал головой. Кутюр зажал сигарету зубами и зажег спичку.

— А неплохо, — сказал он, затушив спичку и бросив ее на стол.

— Президент лично приказал Стилларду и Кроссвайту взять этого сумасброда под стражу. В Конгрессе ходят слухи, что Поуп на каждого завел дело… по крайней мере, все боятся, что он накопил компромата.

Меткалф посмотрел на экран, гадая, почему Гил так долго вызволяет Сандру из здания.

— Он задерживается в доме, генерал. По-моему, что-то идет не так.

Затем они увидели мужчину, вошедшего в дом Кохистани. Через несколько минут он выбежал из дома и ринулся вверх по тропе. Несколькими секундами позже люди с оружием повыскакивали из командного поста и отправились к жилищу Сандры.

Кутюр задумчиво затягивался, не отрывая глаз от экрана.

— Похоже, что дерьмо все-таки бросили на вентилятор…

Он перевел взгляд в другой конец комнаты.

— Сколько времени еще нужно тем F-16?

— Сейчас выруливают на взлетную полосу, генерал. Взлет через десять минут.

— А где мои бомбардировщики?

— Будут через двадцать минут, сэр. Они собираются заправиться перед авиаударом.

Кутюр сплюнул крупинку табака с нижней губы.

— Хорошо, что не через двадцать дней.

54
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Хан густо намазал вазелином повязку и наложил ее на спину, на рану от ножа, перевязанную ремнем Гила. Времени накладывать швы не было.

Гил вскочил и схватил автомат «М-4».

— Сандра, прикажи держать курс один-ноль-пять.

Он выглянул за дверь, проверяя улицу. К их хижине бежала толпа людей; они мчались по дороге сверху и были всего в полусотне метров.

— Вызывай огонь на себя!

Сандра снова села на край кровати и включила радиопередатчик:

— Биг Тен! Биг Тен! Это Трэк Стар. Внимание, я все еще под маячком. Держите курс один-ноль-пять на наш дом! Вызываю огонь на себя!

— Вас понял, Трэк Стар. Мы их видим. Прячьтесь!

— Пригнитесь! — закричал Бадире и Хану Гил и, схватив Сандру, бросился с кровати в угол, где накрыл ее своим телом.

Мгновение — и первый снаряд 105 мм из гаубицы M102[99] Spectre AC-130 J разорвался так близко от них, что осколками пробило дыру в стене, разнесло вдребезги керосиновую лампу и уничтожило атакующие силы противника, уже подступавшего к дому.

Спустя шесть секунд другой снаряд лег в пятнадцати метрах от первого, отправив на тот свет еще семерых. Оставшиеся в живых боевики застыли на месте. Они не могли слышать, как в трех километрах над ними разворачивался Spectre, стреляя из гаубицы на максимальной скорости.

Снаряды взрывались каждые шесть секунд. Бортовая цифровая система управления огнем создала на дороге море огня, в котором исчезли командный пункт и атакующие силы противника.

Гил активировал инфракрасный маячок на шлеме и рванул из здания с Сандрой на плече.

— Биг Тен! Биг Тен! Это Трэк Стар Два, — прокричал он на аварийной частоте. — Внимание! Мы двигаемся. Верхом на лошадях скачем на север. Следуйте за моим маячком!

— Вас понял, Трэк Стар, мы вас видим. Будьте начеку — они

лезут из своих нор. У нас много тепловых сигналов. Это значит, вы почти окружены, не считая прохода на севере. Постараемся сделать все возможное, чтобы сохранить его для вас. Прием!

— Вас понял.

Хан и Бадира выскочили из дома и кинулись в темноту.

— Vayan con Dios[100], — сказал Гил парочке вслед. Распахнув ногой дверь хижины охранников, он усадил Сандру в седло задом наперед.

Сам он забрался позади нее и повелел Сандре обхватить его руками.

— Держи руку поверх моей повязки. И пригни голову. Мы выходим через дверь.

Послушный жеребец был напуган артиллерийским налетом и встал на дыбы, едва они покинули хижину. Гил ударил коня шпорами и с усилием его развернул.

— Пошел! — закричал он. — Шевелись!

Жеребец помчался на север, к горному перевалу в трех километрах от них. Гил видел, как вспыхивали по пути оранжевые всплески огня. Пятиствольная 25-мм пушка Spectre расчищала им путь, а прибывавшие моджахеды упорно старались его преградить. Но было достаточно одной короткой очереди из сверхточного орудия, находившегося так далеко, что нельзя было услышать стрельбу, чтобы человеческое тело лопалось, как переспелый арбуз.

При такой плотной огневой завесе верилось, что у них все получится, но Гил понимал: инфракрасное око Spectre не всевидяще, оно не может заглянуть во все пещеры долины. Он надеялся, что самолет Spectre сможет хотя бы удержать боевиков в засаде подольше, чтобы они с Сандрой успели проскользнуть к горному перевалу на севере, где их защитил бы Фарух со своими родными.

Чтобы выполнить сложный маневр для спасения Сандры, Spectre должен был остановить атаку и пролететь точно с юга на север. Весь маневр занял бы несколько минут, но огневая поддержка прекратилась бы. Жеребец был сильным и резвым и легко нес их на себе, а Гил все гнал и гнал его усерднее, глядя в монокуляр одним глазом, отслеживая ямы и камни, о которые животное могло споткнуться.

Он подумал о родной лошади Тико, представив ее в конюшне в Монтане. Ее-то вовек не заставили бы так стремительно мчаться в ночи, как этого жеребца. Едва Гил об этом подумал, как почувствовал, будто сзади их настигает привидение. Он внезапно понял, что уже не вернется, что уже исчерпан лимит дозволенного и Бог войны повернулся к нему спиной.

— Не имеет значения, — произнес он в ночи. — Я всегда мало тебе доверял.

— Мне? — сказала Сандра ему прямо в ухо, крепко обхватывая его обеими руками и прижимая на его ране повязку. Лицом она уткнулась ему в шею.

— Нет, я разговаривал сам с собой.

— Мне стало не по себе, когда ты произнес это.

Он рассмеялся.

— Ну, это нехорошо, мне и самому было не по себе.

— Только не отдавай им меня, Гил.

— Не беспокойся.

Он обхватил ее рукой за талию, крепко удерживая в седле.

— Джон обещал, что не позволит этому случиться и обрушит огонь один-ноль-пять[101] на нас.

55
Вашингтон

Белый дом

После обеда прошло немного времени. Президент стоял в коридоре, разговаривая с министром торговли, когда подошел Тим Хаген. Он по обыкновению прокашлялся и, стреляя глазами, сказал:

— У нас появилась проблема.

— Извините, я на одну минуту, хорошо, Майк?

— Конечно, сэр, — ответил министр торговли.

Президент провел Хагена в Овальный кабинет и запер дверь.

— Вы же знаете, я не люблю, когда вы себя так ведете, — пожурил Хагена президент. — Можете просто сказать, как все: «Прошу прощения, господин президент».

— Извините, сэр, — ответил Хаген, — но за Сандрой Брукс отправляют в Панджшерское ущелье целую аварийно-спасательную бригаду. Генерал Кутюр мобилизовал 24-й специальный тактический эскадрон, 160-й авиационный полк специальных операций, пару B-52 из экспедиционной бомбардировочной эскадрильи и все 391-е экспедиционное истребительное авиакрыло. И все это — ради эвакуации Сандры. Было объявлено, что за ней ухаживает кто-то из местных, и, насколько я понял, сэр, самолет ЦРУ — Spectre также готов оказать огневую поддержку.

Президент помрачнел.

— Это довольно странно. Полчаса назад я отдал приказ не предпринимать никаких боевых действий. А сейчас там готовятся к Третьей мировой!

— Да, сэр, но… Кутюр не сможет проигнорировать сигнал пропавшего пилота в том районе. Его ждет трибунал, господин президент.

— Отлично! А этот сбитый летчик — он тоже из «морских котиков»?

— Никто точно не знает, сэр. Ситуация переменчивая, подробностей мало… но я не знаю, как еще руки Сандры Брукс очутились на этом проклятом один-двенадцати.

Президент скривил лицо.

— На *чем*?

— Извините, сэр. PRC-112 — портативная радиостанция, которую используют для обнаружения пропавших пилотов. Они

так его и называют: один-двенадцать.

Президент вонзил в Хагена суровый взгляд и, пересев за стол, вытащил трубку из среднего ящика. Затем зажал ее между зубами и, не зажигая, просто жевал мундштук.

— Хорошо, поправляйте меня, если я ошибаюсь. — Он вынул трубку изо рта. — Но я думаю, что настал час, когда мы должны молиться за героя, чтобы у него все получилось.

— Боюсь, это еще хуже, господин президент. На дворе век Wikileaks. Вам необходимо самому поддержать эту операцию. Иначе, в случае утечки, все узнают, что изначально вы были против.

Терпению президента настал предел.

— Это несанкционированная операция, Тим! Я *должен* был быть против!

Хаген стоял на своем.

— При всем уважении, господин президент, сейчас это не имеет никакого значения… особенно в глазах народа. Все вылилось в полноценную военную операцию по спасению женщины-пилота — привлекательной женщины-пилота! — которую насиловали и мучили враги, *снимая на камеру*. Если операция пройдет успешно и просочится информация, что вы не поддержали военное вмешательство… или *хуже того*, если все *закончится провалом* и тоже всплывет, что вы ее не поддержали…

— Хорошо, я понял! — Президент стряхнул пепел из трубки в хрустальную пепельницу на краю стола. — Я — самый могущественный человек на земле, — с отвращением пробормотал он. — И вот я завишу от какого-то сумасшедшего одиночки, который бегает по деревне вопреки приказам, и если у него получится освободить Сандру, я должен буду чествовать его как героя, будь он проклят! Но если он провалит операцию, только *я* буду выглядеть дураком!

— Именно поэтому и говорят: фишка дальше не идет[102], господин президент.

— Я никогда этого не говорил, — резко отрезал президент. — *Эту* идиотскую фразу любил Трумэн! — Он бросил трубку обратно в ящик и громко его захлопнул, потом схватился за телефон. — Соедините меня с главой администрации президента, — приказал он. — Передайте ему, что я хочу видеть его — прямо сейчас! Пусть устроит мне встречу с комитетом начальников штабов.

Он повесил трубку телефона и, откинувшись на стул, указал пальцем на Хагена.

— А сейчас, мой юный друг, *ты* придумаешь, как остановить этого проклятого героя, *любым путем*. Я ясно выразился?

Хаген замялся.

— Что, Тим?

— Если операция провалиться, ликвидировать героя будет несложно. Его и так, скорее всего, убьют, если уже не убили. Но если у него все получится, сэр… фото, где вы вручаете медаль за отвагу герою, который спас новоиспеченную любимицу Америки, облетит все газеты.

Взгляд президента стал суровым.

— Но тогда мы уже не уничтожим его.

— Прошу прощения, сэр, но это примерно *то же самое*. Весь цивилизованный мир запомнит его лицо, уже через неделю его будут узнавать на улицах. Они узнают о нем все, что нужно. А для такого элитного бойца из ВВС США, господин президент, особенно для такого наивного солдата, как этот… нет ничего хуже.

На лице президента проступила улыбка.

— Вот это отлично. Да, это со всех сторон выгодно. Напомни мне, чтобы я не забывал тебе присылать открытки с поздравлениями на Рождество. А ты бессердечная скотина. А что с Поупом? Он все еще держит SOG под контролем?

Хаген стоял, поджав нижнюю губу, и выдерживал паузу, продумывая ответ.

— Если честно, сэр, Поуп та еще лошадка. Он… лучше не связываться с Поупом. Никто точно не знает, на что он способен. Я бы порекомендовал подумать о нем попозже: через четыре года — при условии, что мы выиграем на выборах, — он будет уже чьей-то чужой головной болью.

— А что там *с фишкой, которая дальше не идет*?

— Ну, как вы сказали, сэр… это всего лишь дурацкая фраза.

56
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Гил осадил жеребца, сбавляя скорость. Местность стала слишком неровной для галопа, и вокруг было слишком много деревьев: там вполне мог укрыться какой-нибудь стрелок. Он знал, что сверху за ним следит самолет Spectre, но у пехоты были свои способы маскировки от тепловизора, и афганские боевики тоже отлично их знали. Гил пустил коня рысью по сухому руслу реки, стараясь просматривать расстояние между деревьями.

— Сейчас будешь держаться сама, — сказал он Сандре, отпуская ее и перекидывая поводья в левую руку, чтобы вытащить пистолет 1911. Он почувствовал, как крепко она обхватила его руками, а он тем временем заставил жеребца ускориться — земля, вымощенная дорожным камнем, стала заметно ровнее. Всадник открутил от пистолета глушитель и опустил его в карман. Волосы на его затылке стали шевелиться. Ему не нужно было триста лишних грамм железа на пистолете, раз уж все равно пришло время его бросить.

Повсюду были боевики ХИК — на востоке, на западе, на юге, — многие двигались в их направлении, но экипаж Spectre пока берег боеприпасы на тот случай, если перед Сандрой и Гилом появится реальная угроза.

— Включи за меня радио, — попросил он.

Сандра приподняла RPC-112, который висел у него на шнурке, и включила микрофон.

— Биг Тен, это Трэк Стар, вы видите наших союзников на севере? Прием?

— Вас понял, Трэк Стар. Они располагаются в тысяче двухстах метрах к северу от вас. Мы насчитали двадцать человек, они стоят на юге выбранной зоны эвакуации. Также мы насчитали больше двадцати лошадей, спрятанных между деревьями. Прием.

— Вас понял, Биг Тен.

Дальше Гил заставил коня покинуть сухое русло и пустил его вверх по склону через миндальный сад. Земля здесь была сухая, утрамбованная копытами коз и овец, которые проходили здесь каждый день. Было нелегко продираться через низко свисавшие ветки, но так было быстрее, чем если бы они скакали, огибая сад. Вдруг им показалось, что давление воздуха вокруг увеличилось. Над головами прогремели звуковые удары, в небе послышался

давивший на мозг рев двух турбореактивных двигателей с форсажной камерой сгорания Pratt & Whitney. Жеребец встал на дыбы, и Гил едва не выпал из седла, пытаясь удержать животное.

— Вот сукин сын! — прошипел он. — А я-то думал, это кавалерия.

— Бесшабашные летчики, — ответила Сандра, касаясь губами его шеи.

Они слышали отдаленные звуки взрывов, но за деревьями нельзя было ничего различить.

— Это должно загнать их обратно в свои щели на минуту-другую, — предположил Гил.

Когда они выбрались из сада, F-16 уже закончил бомбардировку и разворачивался, готовясь умчать обратно на военно-воздушную базу Баграма. До Фаруха и его людей оставалось метров девятьсот, как вдруг перед ними появилось два замаскированных снайперских окопа. Оттуда показались молодые «духи», пытающиеся хоть мельком взглянуть на реактивный истребитель, пока тот совсем не испарился в воздухе. Похоже, они совсем не ожидали увидеть Гила, как, впрочем, и он их. Американец правил конем левой рукой — правой было удобнее стрелять — и двумя пулями прикончил обоих.

Внезапно открылось еще четыре паучьих норы, и оттуда поднялась стрельба. Гил, выстрелив, сразил двоих наповал. Сейчас же впился каблуками в бока жеребца, приказывая тому скакать в горный проход. Двое оставшихся стрелков в окопах продолжали усиленно стрелять им вслед. Раненое несколько раз животное кружилось на месте, хрипя от ужаса и боли. Гил старался их подстрелить, когда они останавливались, перезаряжая оружие. Сандра вцепилась в Гила мертвой хваткой, но конь кружился, и из-за центробежной силы она не удержалась и слетела с седла.

«Вот, — подумал Гил, пытаясь удержать коня, чтобы тот не свалился на нее, — похоже, это конец. И такой хреновый».

Гаубица 105 мм ударила по стрелкам, не оставляя от них даже мокрого места. Осколок снаряда угодил в голову животного, мгновенно его убив. Конь падал прямо на то место, где лежала Сандра. Вместо того, чтобы спрыгнуть, Гил туже натянул поводья, стараясь отвести коня на другую сторону, не понимая еще, что животное мертво. Труп лошади упал на правую сторону, придавив ногу Гила.

Гил собрал все свои силы, пытаясь освободить ногу, но не удалось: туша не сдвинулась ни на дюйм.

— Сандра! — закричал он, хватая ту за запястье.

Она подняла голову и подтянулась к нему.

Он снял со спины «М-4» и вложил ей в руки.

— Следи за обстановкой позади лошади.

Он отстегнул Remington с лямки и, установив его на сошке прямо на грудной клетке животного, стал смотреть в прицел, разглядывая местность. Теперь враг приближался к ним и с востока и запада.

— Они идут, — сообщил Гил. — Самое время тебе убраться отсюда.

— А ты?

Гил включил радио.

— Биг Тен! Биг Тен! Это Тайфун! Вам придется развернуться и забрать Сандру с точки, где мы сейчас находимся. Я зажат трупом лошади и не могу двигаться к зоне эвакуации! Нет времени прикрывать нас огнем! Будьте готовы подобрать объект прямо сейчас. Я буду держать неприятеля на расстоянии! Прием!

— Вас понял, Тайфун. Готовимся подобрать объект. Через три минуты будем готовы. Прием.

— Я не понимаю, — сказала Сандра. — Что такое «подобрать объект»?

— Спасение человека — когда его подхватывают с земли, — пояснил Гил, меняя дозвуковые пули на винтовке Remington на магазин из десяти охотничьих патронов.308 Lapua Naturalis[103]. На кончике пуля Naturalis имеет клапан, благодаря которому она сплющивается при попадании в тело жертвы, но не разваливается при ударе о кость. Гил снова прицелился, остановив сетку оптического прицела на ближайшем к нему боевике в четырехстах пятидесяти метрах, и выстрелил. Противник схватился за горло и откинулся назад, подобно мешку, сбитому с перекладины.

Гил оторвался от прицела и погладил Сандру по лицу.

— Дорогуша, сейчас тебя отсюда заберет Skyhook.

— Нет, — она замотала головой и разрыдалась. — Я не могу бросить тебя здесь. Мы не бросаем своих.

— Северный альянс придет за мной, — успокоил он ее. — Правда, сейчас они уже так себя не называют, но не волнуйся, они придут.

— И где же они? — спросила она, озираясь вокруг. — Почему они еще не здесь? Они же даже не знают, что лошадь мертва!

— Их слишком мало, чтобы сражаться вблизи деревни, но они увидят, как снизится самолет, и все поймут. Они увидят, что тебя забирают, и придут. Не волнуйся. Операция почти закончена… эй, а это еще что такое? — Через открытый плащ виднелось окровавленное платье. Он схватил ее за живот. — Да ты ранена в живот, Сэнди!

— Не хотела тебя пугать, — смущенно произнесла она. —

Меня ранили, когда я еще была на лошади.

Гил схватился за радио.

— Биг Тен! Быстро! Быстро! У Трэк Стар ранение. Повторяю! Трэк Стар ранена. Ранение в живот. Повторяю! Ранение в живот!

57
AC-130 J, самолет огневой поддержки Spectre

В небе над Панджшерским ущельем

Джон Брукс расстегнул ремень и вышел из кабины пилота.

— Господи, Дейв, ее ранили в живот!

— И куда ты, черт возьми, собрался? — прокричал ему через плечо второй пилот. — Я же никогда этого не делал, Джон!

— Я сейчас вернусь! Выруливай пока!

Брукс отыскал мастер-старшину Стилларда и капитана Дэниела Кроссвайта в грузовом отсеке. Они стояли внутри, помогая лоуд-мастеру приготовить сбрасываемый с самолета комплект системы STAR. Бруксу пришлось напрячь голос, чтобы перекричать и сильный ветер, и рев турбореактивных двигателей T-56.

— Ее ранили!

— Сандру? — переспросил в ответ Стиллард. — Сильно?

— Ранили в живот. А Шеннона придавило лошадью. Он хочет отправить ее одну, но если Сандра ранена…

— Если она ранена, мы не сможем долго держаться в небе, прикрывая Гила, пока не появится конница!

— Вот именно! — прокричал Брукс. — Центральное командование тоже подключится, но они вылетают только через двадцать минут. А эти парни из Северного альянса не заметят Гила с его нынешней позиции, а у него осталась только одна винтовка!

Стиллард повернулся и, схватив с перекладины спасательный парашют для экипажа, кинул его Кроссвайту.

— Надевай давай, мы тоже отправляемся!

Кроссвайт усмехнулся и стал затягивать ремни. Стиллард взял себе парашют.

— Что значит «мы отправляемся»? — заорал Брукс, не веря услышанному. — Ради бога, старшина! Мы же сбрасываем комплект с двухсот семидесяти метров!

— Это называется E-LALO! — засмеялся Стиллард. — Прыжок с малой высоты. *С предельно малой!*

Брукс решительно замотал головой.

— Вы не сможете этого сделать. Вам не удастся. Это же старые парашюты C-9! Они не предназначены для прыжков на

малой высоте. Они слишком долго открываются. Вы же разобьетесь в лепешку!

Кроссвайт лихорадочно искал решение проблемы. Он подумал, что можно немного развернуть парашюты уже в отсеке. Таким образом, их могло снести ветром за сбрасываемую спасательную установку, но затея была чересчур рисковая, да и они могли приземлиться где угодно, но только не рядом со спасательной установкой.

— Придумал! — он повернулся к лоуд-мастеру. — Найди нам несколько шнуров 550 — мы приладим к парашютам пару вытяжных строп!

Стиллард взял Брукса под локоть и прокричал тому в ухо:

— Возвращайся в кабину, Джон. Если Гил под лошадью, мы все равно не сможем установить систему STAR. А нам *надо* поторапливаться!

Когда самолет выруливал на площадку, готовясь ко взлету, Кроссвайт со Стиллардом были уже готовы к прыжку с парашютом. Они прикрепили к держателю парашюта С-9 двойной девятиметровый шнур, концы которого закрепили к балкам по обеим сторонам грузового отсека. Вытяжные стропы потянут за держатель парашюта сразу же, как только они спрыгнут, и развернут его практически в ту же секунду.

Кроссвайт стоял рядом со Стиллардом внутри отсека и ждал, пока не подаст сигнал лоуд-мастер.

— Ты когда-нибудь прыгал с такой дерьмовой высоты, да еще с таким парашютом?

Стиллард заулыбался.

— Да, а что, не похоже? Когда-то я был ростом в сто восемьдесят два сантиметра.

Они рассмеялись, а лоуд-мастер поднял вверх большой палец.

— Тридцать секунд до взлета!

Они приготовились, расположившись по обеим сторонам спасательного устройства STAR. Стиллард зажал между зубами незажженную сигару.

— Надеюсь, когда прилетим обратно, они найдут нам пару инвалидных колясок. А то, чувствую, они нам понадобятся.

58
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Сейчас Гилу предстояло хлебнуть лиха: как целиться с ногой, зажатой лошадью? Утешало только то, что приближавшиеся моджахеды с автоматами Калашникова и самозарядными карабинами Симонова не смогут попасть в Гила. Он мог достаточно приподняться, чтобы выстрелить в любого боевика, но увидеть общую картину он не мог — и приходилось часто поворачивать затвор. После каждого выстрела Гил откидывался назад, вставляя новый патрон, а после приподымался и стрелял дальше. На все это уходило драгоценное время, и противник приближался к нему быстрее, чем должен был. Спецназовец поражал цели на расстоянии в девяносто метров и старался не дать противнику подойти ближе.

— Что за черт! — Гил выругался в адрес стрелка, подстреленного в живот. Тот полз сейчас через кустарник в сорока пяти метрах от него, и американец выстрелил снова, на этот раз в голову.

— В прошлый раз я видел этого ублюдка во-он там!

— Может, я все-таки помогу тебе? — в третий раз спросила Сандра, которая лежала, свернувшись в клубок, позади него.

— Ты будешь следить за нашим прикрытием. Самолет может появиться над нами в любой момент. — Он снял шлем IBH и подал ей. — Смотри в монокуляр, чтобы не пропустить сигнал, когда они станут сбрасывать спасательное снаряжение. Ты должна подбежать, притащить его сюда, и тогда я помогу надеть его на тебя.

— Гил, я не уверена, что смогу даже идти.

— Ну, в таком случае тебе придется быстро бежать.

Про себя Гил думал, как же он сможет помогать Сандре надевать снаряжение и одновременно отстреливаться от неприятеля, прикрывая ее и себя? Он надеялся, что Spectre обстреляет боевиков по пути, на подлете, прежде чем спустить снаряжение для Сандры, но даже шестьдесят секунд для Гила — отдаленное будущее, о котором не стоит беспокоиться. Гил приподнялся с винтовкой Remington над лошадью; сразу бросилась в глаза тройка головорезов, которые сменили свои позиции и теперь сломя голову мчались на него.

— Да откуда, твою мать, они вылезли? — ругался он,

хватаясь за седло левой рукой, чтобы хоть как-то держаться прямо. Гил выхватил из рук Сандры «М-4». Держась за седло, выждал, пока тройка не окажется всего в сорока метрах от него. Он уже видел их левым глазом без очков ночного видения. Гил выстрелил, перемещая автомат справа налево, — один раз, два, три… каждого ранило в живот… и все равно они продолжали двигаться.

— Эй вы, *ублюдки*! — прошипел он, выхватывая с ремня пистолет 1911. — Давайте, подходите ближе! — Гил схватил оружие обеими руками и вытянул и без того напряженные мышцы спины, пытаясь держаться прямо.

Сфокусировавшись на мушке, он спустил курок. Раз… два… три. Последний сорвиголова упал в шести метрах от него, напоследок бросив гранату по направлению Гила. Та, ударившись о живот лошади, отскочила назад.

— Граната! — заорал Гил, притягивая Сандру к себе.

Граната разорвалась в метре от них, в воздух полетели части лошадиного трупа, которые потом обрушились на Сандру и Гила дождем из кишок, мочи, крови и навоза.

— Ты ранена? — спросил он, стирая рукой эту жижу с лица.

— Вроде нет.

Гил выдернул ногу из-под того, что прежде было конем, и обнаружил, что нога либо сильно ушиблена, либо сломана.

— Ну, это нам не в новинку, — сказал он и стал высматривать, что осталось от оружия. Автомат «М-4» куда-то пропал, зато в трех метрах лежала винтовка Remington, оптический прицел которой разбило ударной волной. Гил вырвал затвор и всунул в карман, где уже лежал глушитель от пистолета, затем встал и заковылял, решив забрать «АК-47», оставшийся у боевика, который метнул гранату. Тот был все еще жив и мучился сейчас в агонии.

— В жизни и не такого горя хлебнешь, приятель, да? — сказал Гил и, вытаскивая автомат из-под боевика, наступил тому на горло. Также Гил собрал магазины с двух других и прихрамывая пошел к Сандре, которая до сих пор пряталась за останками лошади.

— Думаю, пора уходить, — предложила она. — Спасибо, что пришел освободить меня.

Гил стянул с нее шлем и, просмотрев местность в монокуляр, обнаружил множество новых целей, которые двигались к ним.

— Вчера — самый легкий день, — пробормотал он, вспоминая в сотый раз одно из расхожих выражений «морских котиков». Он пригнулся к земле и коснулся окровавленных спутанных волос Сандры. — Тебе пока не за что меня

благодарить. Надо только дождаться. Самолет сейчас прилетит.

Он встал с колен и открыл огонь по вставшим «духам», которые стали снизу обстреливать летевший на низкой высоте самолет. И тут же врага окатило продольным залпом с левого борта, где была установлена и 25-мм пятиствольная пушка Гатлинга, и 40-мм пушка L-60 Bofors[104].

Гил открыл огонь по группе мужчин, которые палили по беззащитному правому борту самолета Spectre. Из-за рева двигателей они ничего не слышали, а когда осознали, что их обстреливают, Гил уже уничтожил одиннадцать из них, стреляя с расстояния в сто восемьдесят метров через открытый прицел.

Spectre проревел над головой, и Гил увидел, как закружились в темноте три парашюта, быстро опускаясь на землю. Самолет тем временем делал круг над долиной.

Гил выпустил остатки магазина во врага, а потом повернулся, чтобы увидеть, куда летит спасательное снаряжение, гадая, почему вместо одного парашюта приземлилось три. Ответ нашелся, когда снаряжение ударилось о землю вместе с двумя жестко приземлившимися парашютистами.

Гил поковылял вперед, узнав горе-парашютистов.

— Какого лешего вы тут делаете?

Стиллард присел, стягивая с плеч ремни парашюта.

— Как что?! Спасаем твою задницу, Гиллиган. А теперь помоги мне! А то я сломаю к чертям малую берцовую кость!

Гил подал руку Стилларду, а сам перевел взгляд на хромающего Кроссвайта, который шел, держась за бедро.

— Как ты узнал, что оно сломано, старшина?

— Потому что кость торчит из бока, *старшина*! — Стиллард взглянул на Кроссвайта. — А ты как, отродье «Дельты»? Что-нибудь сломал?

Кроссвайт кивнул.

— Задницу, по-моему. А ну, вы двое, соберите снаряжение. А то мне надо пострелять. — Он криво побежал в том направлении, где за развороченной гранатой лошадиной тушей пряталась Сандра. Только он встал на колени и подал руку лежащей Сандре, как тут же пришлось стрелять.

Гил со Стиллардом взломали алюминиевый ящик, в котором находились части для Fulton Skyhook STAR — спасательного снаряжения для подхвата с земли. В ящике обнаружились ремень, стальной цилиндр с гелием, спущенный надувной шар маскировочной расцветки и, наконец, клубок высокопрочных нейлоновых ниток длиной сто пятьдесят метров. Гил нажал на клапан спущенного шара, а Стиллард отвинтил крышку цилиндра с гелием. Шар мгновенно наполнился воздухом. К нему

прикреплялось два инфракрасных маячка, видных только пилотам.

Кроссвайт обстрелял машину, в которой было десять человек. Капитан заметил, что та объезжает скалы на востоке. Он бросил пустой магазин и быстро достал другой.

— Они загружаются в грузовик за деревней, — сказал он Сандре. — Дорогая, выясни, сможет ли Биг Тен обстрелять под углом этих уродов на востоке.

— Биг Тен, — объявила по радио Сандра, стараясь удержаться в сознании. — Вы видите грузовики на востоке? Прием?

— Вас понял, Трэк Стар. У нас не тот угол обзора. Мы разворачиваемся для последнего захода. Ждите.

Когда шар поднялся в небо, Гил, хромая, поднял Сандру с земли. В его руках она потеряла сознание, и PRC-112 упал на землю.

— Подними радио, Дэн. Нам надо подвесить Сандру.

— Вас понял. — Кроссвайт продолжал стрелять в неприятеля. — Черт, эти гребаные грузовики прибывают, Гил.

Гил взглянул через плечо и увидел в монокуляр, как из деревни, полутора тысячами метров южнее их, выехало три полных грузовика-пикапа. Гил опустил Сандру на землю, и они вдвоем со Стиллардом закрепили ее ремнями.

— Хорошо еще, что нет ветра, — произнес Стиллард, глядя на шар, который спокойно покачивался на конце троса, в ста пятидесяти метрах от самолета. — Брукс должен все сделать с первой попытки, иначе он ее потеряет.

— Садись с ней, старшина. — Гил схватился за «АК-47». — Мне надо помочь Дэну.

— Я — за тобой. Сейчас запущу ее и приду, Гиллиган.

Гил наблюдал, как в глубине долины Spectre на предельно малой скорости мчался на деревню. Он едва язык не проглотил, когда увидел, как в небо взвились две ракеты, пущенные из гранатомета. Один из снарядов угодил прямо в двигатель, расположенный на правом крыле. Тот моментально загорелся.

AC-130 J отклонился от курса вправо и стал снижаться.

— Господи, что же это, — выдавил Кроссвайт. — Нам крышка.

59
Самолет огневой поддержки AC-130 J Spectre

В небе над Панджшерским ущельем

Брукс и второй пилот изо всех сил потянули на себя штурвал, чтобы хоть как-то выровнять самолет на высоте в шестьдесят метров. Брукс вырубил подачу топлива во внешний правый двигатель и зафлюгировал воздушный винт, чтобы не сработала противопожарная система.

— Нам надо зайти на второй круг! — прокричал второй пилот, борясь со штурвалом в попытке развернуть самолет.

— Нет! — запротестовал Брукс. — Это рискованно!

— Джон, нам не хватает высоты. Мы летим слишком низко!

— Просто держись прямо по курсу! У нас есть время сделать вираж по чертовой оси.

— Боже! — прокричал Дейв, разглядев, как во время виража над ними поднялся шар. — Да под нами нет высоты. Она же расшибется о днище самолета, Джон!

Брукс обрубил дроссели, и вдвоем с Дейвом они потянули штурвал, выиграв еще пятнадцать метров высоты.

— Мы промахнемся! — прокричал Дэйв.

— А вот и нет! — Брукс ударил по рулю управления и развернул самолет, приводя систему Skyhook в рабочее положение. Из-под носа самолета поднялись и раздвинулись в стороны стальные штанги, образуя букву V. Вскоре они снова сошлись, как только о левую штангу зацепился нейлоновый трос. Канат, зафиксировавшись между штанг, разорвался, и шар-аэростат отсекло. Трос хлопнул по лобовому стеклу и, натягиваясь, ударил по фюзеляжу.

Сандру, уже потерявшую сознание, унесло в небо с перегрузками меньшими, чем при прыжке с парашютом. Она исчезла в ночи. Наконец, самолет AC-130 J выровнялся, и канат, тащивший Сандру за ремни, распрямился и натянулся параллельно земле. Уорент-офицер летела в двадцати метрах от самолета, слегка поворачиваясь на ветру. Тем временем лоуд-мастер спустился с трапа, держа длинный шест с крюком на конце, и поддел им канат. Затем все вместе стали наматывать трос на блок, приделанный к трапу, и с помощью лебедки втащили Сандру внутрь самолета.

Всего три минуты назад ее оторвало от земли, а она уже лежала в самолете и медик определил, что необходимо переливание крови — группа четвертая, отрицательная.

Минутой позже появился Джон Брукс, опустился на колени и взял ее за руку. Жена была вся покрыта грязью. Он присмотрелся к ее лицу и подумал, что она уже умирает.

— Она выживет? — спросил он, потрясенный увиденным.

Доктор кивнул.

— Важные органы задеты, но не настолько, чтобы она умерла. Если мы помчимся на полной скорости, она выживет. По-другому пока помочь ей нельзя.

Брукс кивнул, потрясенный до глубины души, когда увидел, что у Сандры нет безымянного пальца.

— Вас понял. Мне надо вести самолет.

Он вдруг почувствовал, что Сандра сжала его руку. Джон нагнулся, всматриваясь и пытаясь понять, глядит ли она на него при красном тусклом свете грузового отсека.

— Малыш, прости меня за все!

Его лицо скривилось от нахлынувших чувств. Борясь с эмоциями, которые могли его дезорганизовать, он нагнулся и поцеловал покрытое грязью лицо жены.

— Я люблю тебя! А теперь мне нужно вести самолет.

— Хорошо, — сказала она. — Я тоже люблю тебя.

Он вернулся в кабину и пристегнулся в кресле. Приняв штурвал, отер плечом слезы.

— Она в порядке? — спросил Дэйв.

— Сейчас да, — сдавленно проговорил Брукс, проверяя периферийные двигатели, чтобы убедиться, что ничего не горит. — Господи, Дэйв, она всмятку. Я едва ее узнал.

Дэйв протянул руку и схватил его за плечо.

— Эй, ты сделал это, старик. Ты забрал ее отсюда. Что еще тебя держит?

— Да? А как же они там? — Брукс указал большим пальцем через плечо. — Мы улетаем, оставляем их, а поддержка с воздуха прибудет только через десять минут.

Дэйв покачал головой.

— Мы не должны за них тревожиться. Они сами вызвались, как ты и я… как и все в самолете. Они там из-за Сандры. Возьми же рацию, наконец!

Брукс схватил ее и проговорил:

— Биг Тен вызывает Тайфун. Биг Тен вызывает Тайфун. Вы слышите? Прием.

— Вас понял, Биг Тен. Она наверху, с вами? Прием.

— Вас понял, Тайфун. Внимание… внимание, мы вынуждены

улететь. Она потеряла слишком много крови. Прием.

— Вас понял, Биг Тен. Мы это знаем. Бог в помощь!

Брукса душили слезы, и он передал рацию Дэйву.

— Тайфун, внимание, Биг Тен очень благодарен за вашу помощь. Прием.

— Мы благодарны вам за помощь, Биг Тен! Но мы должны идти в бой. Конец связи.

60
Афганистан

Кабул, центральное командование

Тем временем Кутюр вместе с центральным командованием наблюдал за происходящим не только через беспилотник, но еще и через спутник: так лучше просматривалась долина. Люди приходили и уходили, работали, как пчелы в улье, предоставляя коммюнике из Вашингтона, Лэнгли и других мест с территории афганского театра военных действий.

Кутюр внимательно глядел на экран, где Гил с товарищами прятались за грузовиком-пикапом, остановленным гранатой Кроссвайта. По тому, как двигались эти трое бойцов, можно было понять, что они ранены и их перестреляют поодиночке. Они оказались в гибельном положении, которое, ко всему прочему, стремительно ухудшалось. Толпа хезби, примерно человек восемьдесят, собралась на западе от них, на противоположном берегу реки, и было очевидно, что ни Гил, ни остальные не ожидали смертоносного перекрестного огня. Троицу обстреливало около ста человек, град пуль летел на них с расстояния в восемьдесят метров с юго-востока. Никто не понимал, что мешает такому количеству хезби окружить троицу, но Кутюр предположил, что боевики не знают, что еще задумали американцы.

— Хорошо еще, что у этих людей нет нормального командования, — сказал сам себе генерал. — Когда там уже «B-52» прилетят в долину, майор?

— Через пять минут, генерал.

Из грузовика раздался выстрел из гранатомета, и экран погрузился в темноту.

Кутюр проверил изображение с беспилотника: тоже глухо.

— Синтия, верните камеру.

Лейтенант ВВС уменьшила изображение камеры, и они увидели горящий грузовик. Гил, Стиллард и Кроссвайт отступали прыжками, перекатами через скалы и деревья, направляясь прямо к трупу лошади, где совсем негде было укрыться. Из деревни прибыло еще два грузовика, полных мужчин. С крыш грузовиков стреляли, пока те криво ехали по пересеченной местности.

Кутюр поймал взгляд Меткалфа.

— Похоже, это конец, Глен. Сожалею.

— Да, сэр. — Меткалф вытер лоб платком цвета хаки.

Комната погрузилась в гробовое молчание, и в то же мгновение в Биг Тен попала реактивная граната. Все затаили дыхание. Огромный самолет временно вышел из-под контроля, задрал нос кверху и накренился влево, как истребитель. Воздушный шар сделал петлю, и спасенная из цепких лап смерти Сандра оказалась в самолете, уносившем ее из адовой долины. Немного погодя пришло подтверждение: Сандра наконец в безопасности, на борту самолета. Комната тут же наполнилась ликующими возгласами: люди кричали, били в ладоши и хлопали друг друга по спине.

Меткалф вынужден был признать, что это был самый воодушевляющий момент в его жизни.

Но вскоре, уже спустя три минуты, капитан почувствовал, что наступили самые черные минуты за все годы его службы. Ему предстояло увидеть воочию, как расстреливают троих героев на открытой местности, где негде спрятаться. И самое невеселое в этом то, что это отнюдь не первая такая потеря в элитных войсках. Храбрецов вроде Шона Бордо и его рейнджеров нередко окружали и расстреливали — куда чаще, чем сообщают американскому народу; но на этот раз Меткалф терял своего самого близкого друга.

Меткалф знал Стилларда еще со времен Холодной войны — они оба оказались в гуще этого дерьма. Стиллард спас ему жизнь во время войны в Персидском заливе, когда с Меткалфом на плечах, у которого были прострелены обе ноги, он пробежал больше километра по пустыне до своих войск. Капитана жгло чувство стыда, он мучился от бессилия, что остается только сидеть в центре Кабула в безопасной комнате с климат-контролем и смотреть, как гибнет лучший друг, смотреть так, словно перед тобой какой-то фильм по Тому Клэнси!

— По крайней мере, они умрут, зная, что Сандра спасена, — обратился он скорее сам к себе, нежели к генералу Кутюру.

Грузовики стремительно приближались к троице; с запада враги переходили реку вброд и штурмовали подъем с фисташковыми деревьями. На экране стреляли не переставая. Через несколько секунд наступит конец.

Генерал отвернулся от экрана.

— Честно, не думаю, что стоит смотреть.

Меткалф, не отрывая глаз от экрана, без дрожи в голосе произнес:

— При всем моем уважении, генерал, вы должны… мы в долгу перед ними.

61
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Фарух с родными услышали, как стреляют в километре от них, выше по дороге. Когда лесорубы увидели, как шар поднялся вверх, Фарух подбежал к коню и велел всем сделать то же самое. Они должны были теперь обеспечить американцам укрытие.

Но Орзу запротестовал. Он не хотел позволить своим людям приблизиться к бою.

— Мы не можем рисковать и подходить ближе, — сказал он. — Там же негде укрыться. Если хезби узнают, что мы помогаем американцам, нам крышка. Мы уже никогда не вернемся домой. Ты сказал, что американец должен встретиться с нами здесь, на краю леса. Что изменилось?

Фарух пожал плечами и покачал головой.

— Ты же знаешь, что такое война, дядя. Иногда что-то идет не так. Прислушайся к стрельбе. Им нужна наша помощь!

Орзу все еще не хотел подвергать своих людей опасности. Он приказал им оседлать лошадей и приготовиться. Когда они расселись, стрельба все еще не смолкала. Внезапно над головами снова проревел самолет, унося за собой привязанную на веревке женщину.

— Вон, посмотри! — перекрикивая рев двигателей, проорал Орзу. — Ее увозят. Ему больше не нужна наша помощь. Мы свободны.

Стрельба усиливалась, и заслышались звуки гранатомета.

Фарух неистово водил лошадь по кругу.

— Только послушай!

Орзу вцепился в узду лошади Фаруха.

— Оставайся на месте, племянник. Если ты пойдешь туда, тебя убьют.

— Это моя жизнь! Отпусти мою лошадь!

— Но зачем? — недоумевал Орзу, отпуская узду. — Зачем рисковать жизнью ради человека, которому ты ничего не должен?

Фарух принес свое седло и даже седло дяди и, посмотрев в глаза Орзу, где отражались первые лучи восходящего солнца, сказал:

— Потому что он бы рискнул жизнью ради меня! А теперь… что бы сделал на моем месте Масуд?

62
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Гил взял Стилларда под одну руку, Кроссвайт — под вторую, и они быстро потащили его через деревья к проходу, где лежал труп лошади.

Стилларда серьезно ранили в живот, слегка выпадали кишки.

— Бросьте меня! — крикнул он в агонии. — Я покойник.

Они его проигнорировали и ускорили движение. Кровь хлестала из раненой ноги Гила, и он уже ощущал, как стало сдуваться его легкое. Он видел, что Кроссвайту еще больнее — тот-то хромал, еще когда только приземлился.

— Что, перелом бедра? — спросил он, тяжело дыша из-за коллапса легкого.

— Клянусь твоей задницей, так и есть, — проворчал Кроссвайт. — Сам удивляюсь, как еще держусь на ногах. Хотя недолго осталось терпеть. Как по-твоему, достаточно далеко отбежали?

Гил глянул через плечо.

— А нам уже везде сойдет. В любой момент появятся грузовики — и крышка.

Они остановились и усадили Стилларда между собой рядом с последним оставшимся деревом на пустыре.

— Понимаю тебя, Джон Уэйн. — Кроссвайт вложил в руки Стилларда свой пистолет Heckler&Koch 45 мм. — Эй, Гил, думаешь, Кастер испытывал то же самое?

Гил засмеялся и улегся на живот вблизи дерева, обстреливая боевика с автоматом «АК-47». Монокуляр уже не работал, почему — не было ясно. Спецназовец предположил, что, вероятно, тот задело пулей, но проверять не было времени. Горит ли еще инфракрасный маячок на шлеме, Гил тоже не знал, да это и не имело сейчас никакого значения. Они умрут раньше, чем прилетит самолет, который их эвакуирует… если он вообще прилетит.

Кроссвайт с автоматом «М-4» опустился по другую сторону от дерева.

Группа из восьми человек минула фисташковый сад и бежала, стреляя по ним. Гил швырнул в них гранату; от взрыва всех сбило с ног. Двое из них снова вскочили, но Стиллард поднялся на колено с пистолетом в руках. Одного убил он, второго —

Кроссвайт. На них обрушился град пуль — неприятель занимал сад. Стилларда ранили в плечо, и он откинулся назад. Гил и Кроссвайт ничего не смогли для него сделать — оставалось только пригнуться и отстреливаться.

— Грузовик! — заорал Гил, переводя огонь на грузовик, как только тот затормозил в пятидесяти метрах от них. Из пикапа стали выпрыгивать мужчины. Один из них присел на колено и пустил гранату из РПГ. Реактивная граната упала на землю прямо за ними, и каждый из троих ощутил боль от осколков. Стиллард повалился Гилу на ноги. Еще два боевика с гранатометами в руках выбежали из-за грузовика и прицелились.

— Перезаряжаемся! — прокричал Кроссвайт.

— Шило мне в жопу!

Кроссвайт, затрясшись в приступе истеричного смеха, стал палить в гранатометчиков. Его смех подействовал на Гила как сильный утренний ветер.

— Вчера — самый легк…

Вдруг все кругом захлестнул жуткий, поглотивший все звуки рев двигателей Pratt&Whitney истребителей F-15 Strike Eagle[105], которые промчались над долиной, сбросив рядом с троицей смесь из напалма и шрапнели, которая уничтожила атакующие силы противника.

Гила и Кроссвайта приподняло с земли, подкинуло, взрывом напалма из легких выбило воздух. От ударной волны полопались кровеносные сосуды в глазах. Их оглушило и засыпало землей.

В огненно-красном свечении, слепившем окровавленные глаза, Гил отползал на четвереньках подальше от пылающего огня, ощущая жгучую боль от ран и невыносимые ожоги на заднице… ощущал он и как скручивается трахея от попадания воздуха в легкие. Кроссвайт вскочил на ноги, но загорелся и упал на землю, тут же с воплями стал кататься, пытаясь погасить огонь. Гил прыгнул, закрывая голову Кроссвайта, чтобы защитить лицо того от ожогов, и стал хлопать руками по форме капитана.

63
Афганистан

Кабул, центральное командование

— Это они? — спрашивал генерал Кутюр. — Они?

Инфракрасная камера с беспилотника из-за свечения горящего напалма передавала плохое изображение, поэтому лейтенант переключилась на спутник, где стояли незакрытые фильтрами линзы, предназначенные для дневного наблюдения. При ярком свете огня они могли различить двух ползающих мужчин. Те старались увернуться от горящих капель напалма, блокировавшего их отступление к перевалу.

Одна фигура вскочила и собралась бежать, но загорелась и упала на землю, стараясь катанием загасить огонь. Вторая фигура прыгнула первой на голову и принялась сбивать хлопками пламя.

— Это они, генерал, — тихо сказал Меткалф, справляясь с тошнотой. Он знал: Стиллард уже мертв. Снаряд гранатомета разорвался позади него. Основной удар пришелся по телу Стилларда, и благодаря этому Гил и Кроссвайт выжили, когда их бомбили свои же.

— Вперед! Двигайтесь! — бормотал Кутюр, наблюдая, как медленно, с усилием двигаются две фигуры на экране. — Вставайте и бегите! Бегите — не сдавайтесь!

Что-то заинтересовало лейтенанта ВВС — она глядела на изображение с инфракрасной камеры беспилотника. Вдруг, не спрашивая разрешения генерала, увеличила картинку. С перевала Хавака двигалось два десятка всадников — на юг, прямо к стене из огня, за которой американцы не видели деревни.

— Теперь еще и эти! — проговорил Кутюр, всплеснув руками. — Кто не успел, тот опоздал. Какого черта вы их ждали?

Майор вставая, позвал из кабинета:

— Генерал! Президент на линии!

Кутюр прошел в кабинет и взял трубку.

— Да, господин президент?

Тот не стал терять времени и перешел прямо к делу.

— Что случилось, генерал? Мы спасли Сандру или нет?

— Да, сэр. В данный момент она на борту самолета «AC-130 J», который летит на авиабазу Баграма. У нее пулевое ранение, но наши лучшие врачи встретят ее на площадке. Медик на борту самолета оценивает ее состояние как тяжелое, но без признаков ухудшения. Это значит, что она должна выжить, господин

президент. Вот и вся информация, которой я на настоящий момент располагаю.

Перед ответом президент выдержал длительную паузу.

— Хорошо, — сказал он, безропотно вздохнув. — Если она выживет, генерал, мы вот что с вами сделаем… для общего блага. В течение дня вы подготовите оперативную сводку, которая детально разъяснит план операции. Операцию назовем «Решительная попытка». Все ясно?

— Да, господин президент. — Кутюр все еще не сводил глаз с экрана. Всадники приближались к Гилу и Кроссвайту, лежавшим, не двигаясь, в пылающем кругу. Что-то определенно было не так. Все-таки что за конница спускалась с севера долины, с перевала Хавак?

Президент продолжал:

— Вы предоставите сводку вначале моему военному советнику Тиму Хагену, а он уже покажет ее мне, чтобы я ее одобрил. Все должно выглядеть так, будто я дал разрешение провести операцию сутки назад. Это будет официальной версией операции. Понятно, генерал?

— Синтия! — прокричал Кутюр из кабинету в комнату. — Покажи правый верхний угол, сдвинь на юг, покажи грузовики! Все-таки кто же эти люди?

— Генерал Кутюр, — доносился из трубки голос президента. — Вы поняли, что я…

— Попрошу вас подождать немного, господин президент. У нас тут разворачивается баталия. — Он положил трубку и ринулся в комнату, когда на экране возник кадр с колонной из более чем двадцати автомобилей, направлявшейся из Гиндукуша в долину Панджшер.

— Ох, боже.

64
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Гил почувствовал, как его подняли, отрывая от земли, чьи-то руки. Где-то вдалеке кричали мужчины. Нет, кричали не так далеко. Близко… но слышал их он словно из-под воды. Из ушей текла кровь, но он отчетливо различил голоса, переговаривавшиеся на незнакомом языке. Враги поймали его и, победно ликуя, сейчас пронесут его над головами, как военный трофей.

Он попытался вытащить пистолет, но его запястье схватили. Жаркое оранжевое марево пропало, и все накрыло темнотой. Участки кожи, просвечивавшие сквозь обгорелую униформу, успокоило прохладой. Потом его опустили на землю. Плеснули холодной водой в лицо, чтобы смыть с глаз кровь.

— Гил! — кто-то прокричал ему в лицо. — Гил, ты слышишь меня?

Поначалу ему показалось, что в ухо засунули колокол и заколотили по нему, но потом он понял — это чей-то голос. Неясные черты лица стали отчетливей. Фарух склонился над ним и затряс его за плечо, показывая радиоприемник PRC-112.

— Гил! Нужен твой позывной! Времени мало! Твои люди сейчас перебьют нас!

Гил открыл рот, но понял, что может говорить только шепотом из-за поврежденной трахеи.

— Поверни, где плохо, — прохрипел он.

Фарух приложил ухо к его губам.

— Повтори, Гил.

— Поверни на бок, где рана. Я не могу дышать.

Фарух быстро оглядел Гила и определил, что нижняя часть спины американца вся в крови. Он повернул раненого на правый бок, чтобы кровь не попала в здоровое легкое.

Гил почувствовал облегчение и смог чуть громче проговорить:

— Тайфун Малый — позывной, — начал он. — Код доступа… Whiskey-Whiskey-X-ray-5-0-5.

— Понял, — сказал Фарух и стал настраивать радио.

— Найди Стилларда, — прохрипел Гил. — Стиллард!

— Мы нашли его, Гил. Сожалею… он умер.

Фарух прокричал в передатчик.

— Привет! Я за Тайфуна Малого… Whiskey-Whiskey-X-ray-5-0-5!.. Я его переводчик! Тайфун серьезно ранен, нуждается в эвакуации! Прием!

Над долиной пронесся другой истребитель F-15. Горы потонули в бурлящих черно-оранжевых огненных облаках, эхо от взрывов напоминало громовые раскаты.

Фарух снова пытался связаться по радио, но никто не ответил.

Появился его дядя Орзу — вел под уздцы лошадь. Остальные тем временем обороняли периметр.

— Надо уходить, — сказал дядя. — Здесь небезопасно. Американцы могут по ошибке принять нас за врагов.

— Но мы должны их предупредить! — настаивал Фарух. Ему бросился в глаза алюминиевый ящик от системы STAR. Выронив PRC-112, он помчался через огонь. Внутри ящика нашелся сигнальный пистолет и простой инфракрасный маячок. Он снова вернулся к дяде.

— Этого будет достаточно.

Орзу приказал, чтобы троих американцев усадили на лошадей.

Фарух сел на коня.

— Усади этого ко мне, — сказал он, указывая на Гила.

Кроссвайт застонал от боли, когда его пытались посадить на лошадь — сломанное бедро не сгибалось. Поэтому он повис на плечах лошади так же, как висел Стиллард, и все поскакали галопом на север, к запланированной зоне эвакуации.

Прибыв на место, они опустили американцев на землю, и Фарух запустил маячок.

— Мы свою работу выполнили, — произнес дядя. — Больше я не могу рисковать людьми.

— Спасибо, дядя, — Фарух протянул ему руку.

— Ты доверяешь им? — спросил дядя, указав подбородком в сторону долины, где последний американский самолет летел на юг.

Фарух пожал плечами.

— Я в руках Аллаха. Я доверяю ему.

Дядя кивнул, пожал руку и, повернувшись к коннице, велел двигаться на север, в горы. В этот момент оба — Фарух и Орзу — увидели колонну автомобилей, полную людей, вооруженных винтовками и гранатометами, которая неслась с юга в сторону перевала. С выключенными фарами, невидимые при свете утренней зари, грузовики были всего в ста метрах от них. Неприятель зажал Фаруха и его родственников с севера и юга. Оставался единственный путь — на запад, где находился

небольшой каньон с вертикальными стенами.

— Аллах, смилуйся над нами, — пробормотал Фарух.

— Нет времени ждать милостей, племянник. — Орзу повернулся в седле и прокричал клану: — Скачем! Была — не была! Посмотрим, американцы все еще на стороне таджиков?

Больше двадцати лошадей понеслось через речку в каньон. Грузовики мчались к ним наперерез, пули визжали и рикошетом отскакивали от скал. Снаряд гранатомета взорвался за валуном, и один из братьев Фаруха свалился с лошади замертво.

Сидя, ссутулившись, за Фарухом, Гил тяжело вдыхал воздух. Он вытащил пистолет 1911, с усилием открыл глаза и повернулся, приготовившись стрелять в неприятеля.

Всадники въехали в каньон и спешились за камнями. Стрельба на минуту прекратилась: грузовики остановились на противоположной стороне реки Панджшер, и хезби стали выгружаться. Люди Кохистани заняли позицию и энергично двинулись к каньону.

Орзу командовал отрядом, расставляя бойцов по позициям. Наконец, когда все укрытия были заняты, он приказал всадникам выстроиться в две линии по двенадцать человек в каждой и стрелять в одном направлении.

Гил кричал и стучал кулаком по земле, задыхаясь от напряжения в груди, его окровавленное лицо стало синеть, губы распухли.

Кроссвайт и Фарух оттащили его к каньону и поставили его на колени у трупа животного.

— Ты умираешь! — произнес Кроссвайт, вытаскивая трубку из гидратора Camelback. — Надо прочистить легкое. Фарух, держи его за задницу!

В устье каньона в ста метрах от них опять полетели пули, снаряды гранатомета взрывались среди валунов.

— А ты знаешь, как осушить легкое? — спросил Фарух, дрожа, как собачий хвостик.

— Я видел однажды в мультфильме, — ответил Кроссвайт и сморщился от боли в тазу.

Он вытащил свой Ka-Bar и разрезал куртку Гила, чтобы обнажить пропотевшую кожу.

— Потерпи! — Он кольнул кончиком ножа поясницу и провел лезвие вверх под углом, где, как ему казалось, должна находится плевральная полость.

Гил задергался, как рыба, пойманная гарпуном, захаркал кровью, не в силах выкрикнуть или хотя бы вдохнуть. В устье каньона тем временем шел ожесточенный бой. «Духи» перебьют их всех раньше, чем американцы нанесут очередной авиаудар. В

середину каньона упала граната и взорвалась возле первого ряда стрелков с мертвыми лошадьми. Кроссвайт вытащил нож и, засунув палец глубоко в рану, протащил туда пластиковую трубку. Он ощутил, как трубка попала в пустое пространство плевральной полости, на что он и надеялся, и несколько секунд спустя красноватая жидкость начала наполнять трубку, вытекая из тела.

— Сделано! — обрадовался Кроссвайт, хлопая Фаруха по плечу. — Представь себе, а?

Через сорок-пятьдесят секунд Гил снова стал дышать.

— Дай мне винтовку, — прохрипел он. Окровавленное лицо Гила сморщилось от боли.

Фарух протянул ему «АК-47», Кроссвайт взял пистолет Гила и все оставшиеся патроны. Фарух, перепрыгивая через камни, прибежал к своим: у них должно было найтись оружие.

Кроссвайту потребовалось несколько минут, чтобы удобно уложить Гила возле ключицы мертвой лошади. При этом один раненый бок Гила находился ниже другого.

— Ну, и что дальше?

Гил сорвал с ремня последнюю гранату и подал ее Кроссвайту.

— Сбереги это для нас.

— Хорошо, — улыбнулся тот, засунув гладкий зеленый шар в карман куртки. — Все равно бежать я уже не могу.

65
Афганистан

Кабул, Центральное командование

Кутюр вернулся в кабинет и поднял трубку.

— Да, господин президент?

— Какого черта там происходит? — возмутился президент, раздраженный тем, что его заставили ждать.

— Господин президент, один из наших людей погиб в долине. На данный момент в каньоне, за долиной Панджшер, южнее перевала Хавак, в Гиндукуше, заперто два выживших бойца и около двадцати таджиков — наших союзников. Их окружили вооруженные силы талибов и хезби, больше ста человек. У нас два «B-52», которые сбросят управляемые бомбы (JDAM)[106], но это сдержит натиск противника только минут на десять-пятнадцать. Еще у нас есть два вертолета, которые должны забрать наших ребят — оба они серьезно ранены. Чего у нас нет, господин президент, так это самолетов, которые могли бы эвакуировать таджиков, которые рискуют своими жизнями ради наших солдат.

Президент выругался про себя.

— И что вы конкретно предлагаете, генерал?

— Господин президент, я прошу вашего разрешения объявить Винчестер.

Президент замешкался. Ему неловко было признаться, что он не знает, что такое Винчестер.

— Господин президент, объявить Винчестер — значит, что я намерен задействовать все силы авиации, какие только потребуются, пока не будут уничтожены все силы ХИК и Талибан в долине Панджшер… но деревня Базарак задета не будет. Это означает не только позволить устранить противника, угрожающего нашим бойцам и союзникам на земле, но и уничтожить увеличивающиеся войска противника в долине Панджшер.

Кутюр взглянул на майора и, прикрыв трубку рукой, разрешил бомбардировщикам начать авиаудары.

— Вы отдаете себе отчет, генерал, — спросил президент, — что подобные авиаудары повлекут за собой необратимые изменения в отношениях между ХИК и Карзаем в парламенте Афганистана?

— При всем уважении, господин президент, политические

трудности президента Карзая — не моя забота. Меня сейчас беспокоит жизнь наших солдат и союзников, которые помогли спасти уорент-офицера Брукс. Каким будет ваш приказ, сэр?

Кутюр ждал ответа президента, задумчиво глядя на экран, где «B-52» бомбили устье каньона. Взрывами бомб по долине разбрасывало части грузовиков и людей. На месте снарядов оставались черные зияющие кратеры.

— Генерал Кутюр, — ответил наконец президент. — Я даю вам полномочия использовать любую боевую единицу ВВС, которой мы располагаем на этом полушарии — от Диего Гарсии до Лондона. Более того, я звоню председателю комитета начальников штабов предупредить, что у вас есть все основания использовать любую поддержку — пехоту, ВВС и ВМФ. Но поймите меня, генерал: если вы решили поднять операцию до такого уровня, вы должны быть уверены, что сможете вытащить оттуда союзников и бойцов живыми. Если не сможете, я не приму извинений. Понятно? Я дал вам все, что вы просили.

— Спасибо, господин президент. А теперь извините, мне нужно командовать сражением.

— Хорошо, генерал. Удачи.

Кутюр повесил трубку и повернулся к остальным.

— Объявлен Винчестер! Сейчас в воздух поднимутся «A-10»[107]. Приготовьтесь отправить «B-1»[108] с Диего Гарсия — я хочу угостить нашу цель сверхзвуковыми бомбардировщиками! — Он ткнул пальцем в экран. — Наша задача — сохранить союзникам жизнь. Понятно? Все до единого должны выжить! А теперь за работу — связывайтесь с экипажами, пилотами, командирами! Со всеми! Все должно пойти по плану! Мы забираем этих местных жителей из долины Панджшер!

Все схватились за телефоны.

Кутюр присел на край стола неподалеку от капитана Меткалфа.

— Я чуть не расплакался, когда они убили всех лошадей, Глен. Это напомнило мне времена моего дедушки в битве за Коррехидор[109] в 1942 году.

Меткалф задумчиво потер подбородок.

— Ваш дедушка был кавалеристом?

Кутюр кивнул.

— И ему пришлось однажды съесть лошадь… он помнил об этом до самой смерти.

66
Афганистан

Панджшерское ущелье, Базарак

Гил стрелял одиночными из автомата «АК-47», когда каньон стали бомбить. Ударные волны, пронизывая стенки каньона, отражались, прокатывались в стороны. Гил с Кроссвайтом спрятались за трупами лошадей, спасаясь от несшихся валунов размером с ананас. Пилоты бомбардировщика «B-52» вели себя грамотно: снаряды сбрасывали внимательно и осторожно, стараясь не задевать своих. Хотя авиаудары уничтожили бóльшую часть боевиков ХИК и Талибан, пришедших с севера, некоторые все еще сопротивлялись и вели перестрелку с таджиками.

— Не уверен, что смогу идти! — прокричал сквозь грохот Кроссвайт. — У меня вывихнут тазовый сустав.

Гил вспоминал «адскую неделю», которую он пережил, будучи новичком. Это было пять с половиной дней унижения и боли во время тренировок в холодной воде. Это необходимо было пройти на начальном этапе обучения в SEAL, чтобы доказать, что ты способен выдержать такие испытания. Гил угадал по взгляду Кроссвайта, что тот начинает сдавать. А время шло. У каждого человека есть предел. Он был и у Гила. И хотя Кроссвайт по сравнению с ним был не так сильно ранен, Гил видел, что Кроссвайт достиг своего предела. И в этом не было ничего постыдного. Если бы не Кроссвайт, Гил бы давно погиб. Предел человеческих сил не зависит от того, лучше человек или хуже. Он просто зависит от запаса воли. И Шеннон знал: ему придется навязать эту волю Кроссвайту, чтобы тот не сдался у финишной черты.

Гил глубоко, болезненно вдохнул, наполняя воздухом пораженное легкое, и с усилием поднялся на ноги. Кроссвайт вытаращил глаза, когда тот шагнул к нему и протянул руку. Они оба истекали кровью от многочисленных ран, кровь и грязь так раскрасили их лица, что и матери их не узнали бы.

— Нет, дружище, в колокол бить я тебе не дам, — сказал Гил, напоминая о позорном латунном колоколе, до боли знакомом каждому «котику» по тренировкам. Бить в колокол означало то же, что и бросить полотенце: признать в себе слабака. — Дай руку, братишка. Пойдем, посмотрим, чем окончится бой.

Кроссвайт ощутил прилив сил, передавшийся ему от Гила, схватился за руку товарища и вскочил на ноги. Таз пронзила

острая боль, и он громко вскрикнул. Сустав был сильно вывихнут, и Гил поддерживал его с левой стороны, пока они ковыляли мимо второго ряда мертвых лошадей, направляясь к устью каньона, где Фарух и его дяди все еще отстреливались от неприятеля.

— Черт, сколько ж мяса полегло, — пробормотал с раздражением Гил.

Кроссвайт снова вскрикнул, пытаясь освободиться из-под руки Гила, но тот не дал ему упасть.

— Оставь меня! А ну, к черту все!

— Они не смогут посадить здесь вертолет. Идем!

— Какой еще, на хрен, вертолет?! — взвыл Кроссвайт.

Гил сделал вид, что не услышал, и дальше тащил капитана, вынуждая того шагать здоровой ногой.

Над каньоном пронеслись два ударных вертолета Cobra, выпустившие ракеты и обстрелявшие из многоствольных пушек остатки войск противника, спрятавшихся среди камней. В небо взметнулись искры, полетели обломки скал вперемежку с фрагментами взорванных тел, кто-то в агонии закричал. Таджики в ужасе прижались к земле, опасаясь, что на них тоже сбросят бомбу, но вертолеты Cobra внезапно отделились от остальной авиации и, не прекращая обстреливать бог знает кого, покинули долину.

Штурмовики A-10 Thunderbolt II стремительно пролетели над головой, пушечные установки, разрезая воздух и извергая огненные искры, ревели подобно электропиле.

— Винчестер, — с пыхтением парового двигателя произнес Гил. — Видимо, они потеряли терпение. Мы должны выжить!

— Отпусти меня! — задыхаясь, крикнул Кроссвайт. — Пусть принесут мне костыль.

Они вышли к линии фронта. Враг все еще обстреливал каньон, скрываясь в саду в ста метрах от них, в безопасности от вертолета. Гил и Кроссвайт присели за валуном, досадуя из-за неработающего радиопередатчика.

— Слава богу! — сказал Кроссвайт, ощущая облегчение в теле.

Гил заметил, что Орзу смотрит на них.

— Мне жаль, ваши лошади… — сказал он по-английски и, указав на мертвых животных, всплеснул руками.

Орзу подошел к нему и, развернув того, увидел, что из поясницы торчит пластиковая трубка. Он в удивлении вскинул брови и, похлопав Гила по плечу, сказал что-то по-таджикски. Гил не понял, но по глазам старика догадался, что тот не беспокоился о лошадях — это жизнь, а жизнь подчас очень жестока.

Фарух присоединился к ним.

— Мой дядя спрашивает, что им делать? Мы можем вырваться из окружения, но куда мы пойдем пешком?

— Мы дождемся вертолетов, — ответил Гил.

Фарух поговорил с Орзу, то и дело качая головой и пожимая плечами.

— Дядя спрашивает, что будет с нами? В долине все еще много хезби.

Они стояли, слушая, как ревут за горами двигатели.

— Думаю, они недалеко, — сказал Гил.

— Но они не смогут перестрелять их всех. Пещеры глубокие. Хезби подождут, пока…

Гил схватил Фаруха за руку.

— Не волнуйся. Скажи дяде, что вы все пойдете с нами, я буду с вами. — Он посмотрел на старика и улыбнулся. — Понятно, дядя?

Фарух перевел слова Гила, и старик заулыбался.

— Он говорит, что понятно, племянник.

Они подняли винтовки и поспешили, укрываясь за валунами, обстрелять фисташковый сад.

Через пять минут в небе появилась пара «черных ястребов» с «ночными сталкерами». Из-за деревьев выскочили три гранатометчика. Только благодаря мастерскому маневру пилота удалось избежать катастрофы. Вертолет накренился, набрал высоту, и из открытых дверей на сад обрушился огненный дождь.

Гил тронул Фаруха за плечо.

— Скажи дяде, что сейчас лучше отступить. Вертолеты сейчас спалят сад и поджарят всех, кто там окажется.

Пока он это говорил, из посадки в ста метрах от реки выбежало больше полусотни боевиков, желающих расправиться с предателями-таджиками. Каждый из этих отчаянных пуштунов стремился погибнуть в этой великой битве во славу Аллаха ради того, чтобы спасти душу Афганистана. Снаряды РПГ взрывались между скал, рядом с таджиками. Лишенные другого выбора, они отступили в каньон и попадали на землю.

Карабкаясь по каменистой земле, Фарух вместе с Орзу затащили орущего Кроссвайта обратно в глубь каньона, где, укрывшись за вторым рядом мертвых лошадей, стали бить неприятеля одиночными выстрелами из полуавтоматических винтовок. Оставался последний магазин. Если бы не они, вертолеты «ночных сталкеров» давно были бы сбиты гранатометами.

Гил ощутил, как вибрирует земля в каньоне, и только потом услышал рев турбодвигателей F101 General Electric.

— Ложись! — прокричал он, показывая руками, что нужно

упасть на землю.

Два сверхзвуковых бомбардировщика B-1B Lancer пронеслись над долиной, затем над устьем каньона, да так низко, что прежде чем зарыться лицом в землю за трупом лошади, Гил разглядел каждый винтик на фюзеляже. Взрывались бомбы, дрожала почва, и казалось, сама земля трещит по швам. В каньон посыпались камни, таджики заорали что есть мочи, и вдруг взрывной волной из их легких выбило воздух. Гил и Кроссвайт оказались в лучшем положении: они знали, что перед взрывом бомбы следует хорошенько выпустить воздух из легких.

Когда бомбежка закончилась и рев «лансеров» утих, Гил приподнялся и увидел перед собой совершенно незнакомую местность. Больше не было речки и камней — только воронки, напоминавшие лунные кратеры, и грязный ручей. Много таджиков пострадало от взрывной волны, некоторых слегка засыпало камнями, но удивительным образом погибли только пятеро из них.

Гил встал на ноги и, пошатываясь, прошел вперед, чтобы помочь другим. Тем временем в устье каньона, в ста метрах от них, приземлились вертолеты «ночных сталкеров». Вновь возникли вертолеты Cobra; «черные ястребы» кружились, ожидая очереди на приземление.

Первым из членов экипажа до Гила добежал мастер-сержант Уотерс. Шеннон хорошо знал этого мускулистого афроамериканца с ослепительной улыбкой и ровными белыми зубами.

— Главстаршина, мне приказано доставить вас и капитана Кроссвайта в первый вертолет.

Гил покачал головой.

— Забирайте капитана Кроссвайта. А я останусь здесь, пока не погрузят в вертолет всех до единого таджиков.

Уотерс шагнул к Гилу и взял его под руку, но не сдвинул его, а только поддержал, чтобы тот не свалился от бессилия.

— Их тоже заберут, мастер-старшина. Их погрузят в «черные ястребы». Где главстаршина Стиллард?

В последний раз Гил видел тело Стилларда между валунами за каньоном. Он показал на воронку возле устья каньона.

— Он ушел, сержант… недавно ушел.

Четверо врачей шли по каньону, склоняясь перед таджиками, которым нужна была помощь. Еще два санитара волокли носилки с Кроссвайтом. До сих пор было слышно, как взрываются бомбы в долине перед горами.

— Мы в безопасности? — спросил Гил, пошатываясь.

— Да, — терпеливо ответил Уотерс. Он все еще держал Гила,

чтобы тот не повалился на землю. — Сюда больше никто не вернется. Пойдемте со мной, главстаршина. Вы слабы. Не хотелось бы, чтобы вы умерли на моих руках.

Гил посмотрел на него.

— Пусть приземлятся эти вертолеты, сержант. Это мои люди, и я не хочу их покидать. — Гил понимал, что, если Уотерс решит взять его на руки и вынести на плечах через каньон, он ничего не сможет сделать. Но настроен он был решительно и намеревался использовать всю оставшуюся силу, чтобы его волю исполнили.

Уотерс достал рацию и потребовал, чтобы все вертолеты ВВС США приземлились.

Перепачканный кровью Фарух сел на землю, у валуна. Его щека зияла открытой раной, на которую еще придется наложить пятнадцать швов. Его дядя Орзу лежал рядом с ним и бил себя в грудь двумя руками — легкие повредило взрывной волной. Гил хотел было им улыбнуться, но не смог. Зато заулыбались они.

— Мой дядя благодарит тебя, — сказал Фарух.

На глазах Гила проступили слезы.

— За что? — прохрипел он.

— Он говорит, что об этом сражении будут веками вспоминать в Панджшере. Ты сделал из нашего рода легенду… и еще он гордится, что повстречался с таким воином, как ты. Для него ты навсегда останешься американским племянником.

Ноги Гила подкосились, но Уотерс поймал его и опустил на землю, крикнув:

— Еще одни носилки сюда!

67
Вашингтон

Белый дом

После операции по спасению Сандры Брукс Гил провел пять недель в военно-морском госпитале Бетесды, оправляясь от ран: сломанная лодыжка, пулевое ранение в ногу, ножевое ранение в легкое. Мари, его жена, прилетела в штат Мериленд, чтобы ухаживать за ним в госпитале, где к нему относились как к обычному ветерану войны. С ним не беседовал никто выше лейтенанта, из кабинета начальника военно-юридической службы также не беспокоили. Сразу по выписке из госпиталя его направили в Центр обеспечения боевой подготовки в Хэмптон-Роудс, в город Вирджиния Бич, штат Вирджиния.

По прибытии туда Гилу поручили проводить базовую подготовку новобранцев. Новый командир приказал ни при каких обстоятельствах не рассказывать никому, что он участвовал в несанкционированной спасательной операции, и ни под каким предлогом не пытаться связаться с Дэниелом Кроссвайтом. Следующие три месяца он проторчал в учебном центре, помирая со скуки.

Новости о спасении Сандры Брукс облетели всю Америку, хотя детали операции не разглашались. По поводу назначения Гила в Хэмптон-Роудс ходило множество слухов, но все вокруг были настолько недальновидны, что предпочитали молчать и не спрашивать.

Однажды днем, когда шел третий месяц его пребывания в Хэмптон-Роудс, произошло нечто особенное. Его вызвал командир и объявил, что ему, равно как и Дэниелу Кроссвайту, вручают Медаль почета[110]. Посмертно наградили и Халлигана Стилларда. На конец месяца была назначена церемония в Белом доме; награды должен был вручить лично сам президент. Гил ощутил, что закипает, но благодаря военной выдержке и стойке «смирно» сдержался, объявив, что намерен отказаться от награды.

— Да, разумеется, вы можете отказаться, — сказал командир, — но вы должны учесть, что президент готовится ко второму сроку. Вы же не хотите плюнуть ему в лицо второй раз? Вы не пошли под трибунал только потому, что он лично просил за вас.

Это решило дело. Гилу не оставалось ничего, кроме как принять Медаль почета и позволить президенту использовать его

в качестве реквизита для своей политической клоунады.

Главстаршина Шеннон, одетый в белую парадно-выходную форму ВМФ США, позировал рядом с капитаном Дэниелом Кроссвайтом перед толпой фотографов в Белом доме. Мари сидела рядом с Сандрой, которая впервые появилась на публике. С другой стороны сидел ее муж Джон. Оба были в парадно-выходной форме, и оба улыбались. Они не знали, что все это — бессмыслица и маскарад. Гил с Кроссвайтом были для них героями, которые заслуженно получают одну из высших военных наград Америки.

Сандра подмигнула Гилу, он кивнул в ответ. Его грызли угрызения совести за то, что он готовился принять награду, между тем как убили его лучшего друга, а с ним и семерых таджиков.

Кроссвайт, тем не менее, принимал все с радостью. Он тоже понимал, что вокруг театр, но не придавал этому такого значения, как Гил. Насколько он мог судить, они трое — Шеннон, Стиллард, Кроссвайт — заслужили эту паршивую медаль.

— Почему это тебя так волнует? — спросил он перед церемонией, в один из редких моментов, когда они остались наедине. — Единственное, что меня злит, так это что обделили Сандру. Почему бы не наградить и ее, после всего что она пережила?

Гил старался думать о хорошем. Он все еще числился в DevGru, и, насколько знал, он был единственным из «морских котиков» там… в Иране. Кто знал, насколько пригодится его бесценный опыт работы в SOG в будущем? Еще и эта медаль. Хорошо это или плохо, правильно или нет, но те, кого отмечали медалью, приобретали определенный статус в Вооруженных силах США. И Гил смекнул, что этот статус вполне можно использовать в собственных целях.

Тем не менее в SOG ему придется соперничать с завистливыми конкурентами, которые сейчас пожелают выкинуть его из игры. Только время покажет, как через месяцы к нему будут относиться коллеги. И только время покажет, захочет ли комитет начальников штабов снова отправить обладателя медали на рискованные задания.

Президент Соединенных Штатов Америки вошел в зал и встал за трибуну оратора.

— Добрый день. — Он улыбнулся. — Сегодня мы с вами собрались, чтобы вручить награду…

Прошла короткая речь, завершившаяся словами, что «среди американцев есть такие отважные военные, как Шеннон и

Кроссвайт». Затем он покинул трибуну, чтобы принять медали от министра обороны.

Он уже приготовился перекинуть голубую ленту через голову Гила, но остановился.

— А знаете что? — обратился он к почетным гостям. — У меня есть идея получше. Сандра, не желаете вручить награды героям?

Это был небывалый случай, но ни Гил, ни Кроссвайт не поверили, что все это было чистой импровизацией, как хотел представить свою выходку президент.

Сандра улыбаясь встала со стула.

— С удовольствием, господин президент.

Она взяла медаль и шагнула к Гилу. Впервые с того момента, как она улетела в ночи на самолете «AC-130 J», их взгляды встретились, и Гил почувствовал, как что-то екнуло внутри. Она подмигнула ему и расплылась в улыбке, затем накинула ленту, достаточно громко пробормотав ему в ухо «вот черт» и коснулась губами его щеки. Камеры засверкали вспышками, и раздались аплодисменты.

Гил взглянул на Мари и закатил глаза, чувствуя, что краснеет. Мари была горда, она тоже улыбалась и хлопала.

Сандра получила из рук президента вторую медаль, накинула ленту на Кроссвайта и так же поцеловала его в щеку, затем отступила назад, присоединяясь к аплодисментам. В эти мгновения, когда камеры были заняты героями, президент казался абсолютно другим человеком. Гил уловил выражение глаз главнокомандующего, который смотрел из-под полуприкрытых век… с таким выражением…оно было мимолетным, но ясным… самодовольная ухмылка.

Эпилог
Монтана

После церемонии награждения Гила отправили в трехмесячный отпуск, пока не утрясутся последствия операции «Решительная попытка». Президенту Карзаю по-прежнему досаждала партия ХИК, но его президентству это не угрожало. ВВС США хорошо поработали в долине Панджшер, и «Хезб-и-Ислами» были сильно ослаблены. И многие сомневались, что те вновь наберут былую силу и обретут власть в районе Гиндукуша. Они слишком многое потеряли, когда позволили Сандре спастись и превратиться в национальную героиню. Более того, в результате ослабления ХИК начала возрождаться группировка Талибан.

Гила не заботил вопрос, какая из этих псевдополитических группировок была сильнее. Для него они обе были одинаково жестокими и опасными для народа Афганистана. Он надеялся, что обстановка в стране станет спокойнее, а из разумных союзов исключат горных полевых командиров, чтобы те не попадались к талибам на крючок, но надежды было немного.

Сегодня Новый год, и Гил ехал верхом на Тико по глубокому снегу, укрывавшему пастбища долины Фергюсон, и мысленно возвращался к той ночи в долине Панджшер. Вспоминал жеребца, убитого под ним в бою. Он размышлял о смерти Халлигана Стилларда и о десятке счастливых случаев, когда его едва не задели пули. Он вспоминал, и вдруг вдалеке, над ослепительно белоснежной долиной, кто-то протрубил. На мгновение этот звук напомнил Гилу зов трубы в кавалерии, но, оглянувшись через плечо, он приметил самца оленя в двухстах метрах ниже по склону. Американец опустил руку и вытащил из чехла браунинг. Осадив Тико, он вскинул винтовку и в оптический прицел разглядел красавца оленя. Такого превосходного животного ему еще не доводилось наблюдать в перекрестье прицела. На случай, если он убьет зверя, он взял с собой салазки, чтобы довезти тушу до морозильника. Но этот олень был настоящим трофеем, а не просто огромным куском мяса. Не самец, а мечта таксидермиста, и Гилу захотелось такое чучело в полный рост поставить в сарай.

Держа палец на курке, Гил не мог выкинуть из головы убитого под ним коня, как и двадцать четыре лошади, застреленные в каньоне своими собственными хозяевами. Он вспомнил, как Кохистани боролся за жизнь, когда рояльная струна резала ему горло. Разве он сможет рассказать о таких вещах Мари? Сможет ли она жить в браке с человеком, который

так жутко поступил с другим человеком? А что она подумает, если узнает, что ему это даже нравилось?

Он опустил винтовку, потянул затвор, вынул пулю, предназначавшуюся для оленя, и положил в нагрудный карман куртки Carhartt. Больше он не станет убивать ради забавы.

В кармане штанов завибрировал мобильный телефон, и Гил взглянул на долину, где на вершине дальней горы стояла базовая станция. Установили ее год назад на участке Фергюсона, и за аренду тот получал круглую сумму. На экране мобильного телефона высветился незнакомый номер, но Гил все равно ответил.

— Алло.

— В чем дело? — спросил мягкий мужской голос. — Ты не смог этого сделать или это просто не так весело, как раньше?

По плечам и рукам Гила пробежали мурашки.

— Чего не смог сделать?

— Убить оленя.

Гил повернул голову, проверил все четыре стороны света. Затем снова повернул затвор и вложил пулю обратно.

— Да, кто же это, черт возьми?

— Голову подними, — подсказал голос.

Гил задрал голову и посмотрел в кристально-синее небе прямо над головой: никого не было.

— Поуп?

— Я ненадолго, — продолжал голос, — но я хочу тебя предупредить.

— Предупредить?

— Знаешь ты или нет, но медалью тебя не наградили, а наказали. Я пытался сделать все, чтобы этого не допустить, но так захотел президент.

Гил вспомнил ухмылку президента.

— Я должен был догадаться.

— Он хотел использовать тебя в своих целях, — продолжал голос. — Еще он уничтожил твою анонимность, хотя прекрасно понимал, что такое конфиденциальность, особенно для «морского котика». Не думаю, что он целенаправленно поставил на тебя — по крайней мере, я на это надеюсь. Но в мусульманском мире кое-кто знает, что Кохистани удавили удавкой. И они в ярости. Подозревают тебя. Все эти разговоры заставляют меня тревожиться.

— Они хотят отомстить.

— Это не зависит от сект… Талибан, Аль-Каида, ХИК… они все мусульмане… а жестокое убийство исламского духовного лидера приравнивается к прямому унижению ислама.

Гил вложил винтовку в чехол, взял свободной рукой поводья и велел Тико медленно двигаться домой.

— И ты думаешь, они придут сюда за мной.

— Я думаю, это можно предположить — на кону твоя голова. Но не жди, что кто-то из Пентагона или из Белого дома пошевелится и предупредит тебя.

— Другими словами, президент бросил меня на амбразуру.

— Нет, это не он, — ответил голос. — Это финансист президента. Он мало смыслит в мусульманском мире и в том, что называется militaire. К сожалению, он льстивый военный советник президента. Поэтому это был не президент. Это Тим Хаген. Хаген — вот кто подставил тебя, но пока у меня нет никакого на него компромата. Но не переживай. Чужая кошка всегда виновата. Я что-нибудь придумаю.

Об авторах

Скотт Макьюэн — адвокат из Сан-Диего (Калифорния) с правом выступления в суде. Преподавал на факультете юриспруденции в университете им. Томаса Джефферсона. Вырос в горах восточного Орегона, где получил звание Eagle Scout, и с тех пор обожает пешие походы, охоту и рыбалку. Получил степень бакалавра в университете штата Орегон, затем учился и работал преимущественно в Лондоне. Скотт поддерживает благотворительные организации, которые помогают военным, в том числе и Navy SEAL Foundation.

Томас Колониар — автор постапокалиптического романа Cannibal Reign (Царство каннибала). Получил степень бакалавра искусств по английской литературе в университете Акрона (Огайо). Работал в полиции г. Акрон, в настоящее время проживает в Мексике.

notes

Примечания

1

Аппалузы — лошади, выведенные индейским племенем нез-персэ, традиционно населявшим часть территории современных штатов Айдахо, Орегон и Вашингтон, в том числе район реки Палоуз, откуда и пошло название породы. Окрас аппалузов — крапчатый. — *Здесь и далее — примечания переводчика*.

2

«Морские котики» — военнослужащие Сил специальных операций (ССО) ВМС США. Название происходит от аббревиатуры SEAL (англ. Sea, Air and Land), буквально означающей «Тюлени» или «Морские котики».

3

Naval Special Warfare Development Group (DevGru) — Боевая группа быстрого развертывания ССО.

4

Хьюз OH-6 «Кейюс» (англ. Hughes *OH-6* Cayuse) — американский лёгкий 4-местный многоцелевой вертолёт. Обычно используется в качестве разведывательного и вертолета огневой поддержки.

5

«М-21» — самозарядная снайперская винтовка, разработанная на основе автоматической винтовки «М-14» National Match. Широко использовалась в американской армии со времен войны во Вьетнаме.

6

7,62-мм снайперская винтовка Драгунова (СВД).

7

Шемах (куфия) — мужской головной платок, популярный в арабских странах.

8

Автор ошибается. СВД была разработана в 1958 году в рамках конкурса на создание самозарядной снайперской винтовки для Советской Армии. В 1963 г. принята на вооружение.

9

Уорент-офицер (Warrant Officer) — группа званий в англоязычных странах, а также в бывших колониях Великобритании. По статусу уорент-офицер занимает промежуточное положение между сержантами и младшими офицерами и является приблизительным аналогом прапорщика в странах бывшего СССР.

10

Сикорский UH-60 «Блэк Хок» (англ. Sikorsky UH-60 Black Hawk, дословно: «Чёрный ястреб») — американский многоцелевой вертолет. Обычно используется как транспортный и вертолет огневой поддержки.

11

Талибан — исламистское движение, зародившееся в Афганистане среди пуштунов в 1994 году, правило Афганистаном с 1996 по 2001 гг. Признано террористической организацией.

12

Гульбеддин Хекматияр (род. 1947) — афганский полевой командир, премьер-министр Афганистана (в 1993–1994 и 1996), лидер Исламской Партии Афганистана. В 2003 г. Хекматияр объявлен США террористом и внесен в черный список ООН наряду с муллой Омаром и бен Ладеном.

13

«М-4» (Carbine, 5.56mm: M4) — автомат, созданный в США на основе винтовки M16A2. Изначально предназначался для вооружения экипажей боевых машин и расчетов техники. Основные отличия «М-4» от M16A2 — укороченный ствол и выдвижной телескопический приклад.

14

«М-9» — официальное наименование состоящего на вооружении армии США самозарядного пистолета Беретта 92 (Beretta 92F) калибра 9.

15

Джубба — зимняя верхняя одежда с широкими рукавами.

16

Честер Уильям Нимитц (Chester William Nimitz; 1885–1966) — адмирал флота, главнокомандующий Тихоокеанским флотом США во время Второй мировой войны (с середины декабря 1941 года).

17

Аль-Джазира — международная телекомпания со штаб-квартирой в Дохе, столице Катара. Широкую известность получила после того, как стала освещать авиа— и ракетные удары войск коалиции по Афганистану и трансляции заявлений Усамы бен Ладена в эфире телеканала.

18

MACV-SOG (Military Assistance Command, Vietnam — Studies and Observations Group — Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму — Группа изучения и наблюдения) — секретное подразделение спецназа США, созданное для ведения спецопераций во время Вьетнамской войны. Это название было придумано в ЦРУ для отвода глаз, на самом деле речь идет о «Группе по особым операциям» (Special Operation Group)

19

КСО — криминально-следственный отдел (Criminal Investigation Department, CID) Федерального бюро расследований (ФБР). Расследует особо тяжкие преступления.

20

NCIS (Naval Criminal Investigative Service) — служба расследования уголовных преступлений военно-морской полиции США.

21

«Зеленые береты» — собирательное название военнослужащих сил специального назначения армии США.

22

Нуристан — провинция на востоке Афганистана, на границе с Пакистаном.

23

Пакол — мужской головной убор из шерсти, распространенный по всему Афганистану и северному Пакистану. Это длинный цилиндрической формы колпак с плоским верхом, скатанный снизу вверх так, что представляет собой подобие валика с навершием в виде блина.

24

Локхид «С-130» «Геркулес» (Lockheed C-130 Hercules) — военно-транспортный самолёт средней и большой дальности. Основной военно-транспортный самолет США и стран НАТО.

25

SR-25 — самозарядная снайперская винтовка, разработанная в 1990-е годы. Винтовка оказалась довольно удачной и популярной. Вариант этой винтовки с оптическим прицелом и быстросъемным глушителем был принят на вооружение Сил Специальных Операций ВМФ США под обозначением Mark 11.

26

Боинг CH-47 «Чинук» (Boeing CH-47 Chinook) — американский тяжелый военно-транспортный вертолет продольной схемы.

27

Ми-17 — экспортный вариант транспортного вертолета Ми-8.

28

Белл UH-1 «Ирокез» (Bell UH-1 Iroquois) — американский многоцелевой вертолет фирмы Bell Helicopter Textron, также известный как «Хьюи» (Huey). Одна из самых известных и массовых машин в истории вертолетостроения. Серийно производится с 1960 года.

29

HMMWV (сокращение от англ. High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle — «высокомобильное многоцелевое колесное транспортное средство», Humvee (Хамви) — американский армейский вездеход.

30

Хамид Карзай — афганский государственный деятель, премьер-министр Афганистана (2001–2002), президент Афганистана (с 2004).

31

АНБ — Агентство национальной безопасности (National Security Agency/Central Security Service, NSA/CSS) — разведывательная организация Соединенных Штатов. Крупнейшее государственное агентство по сбору разведывательной информации. Отвечает за сбор и анализ зарубежных коммуникаций, а также выполняет высокоспециализированные задачи по получению информации на основании анализа коммуникационного трафика зарубежных стран.

32

SAD (Special Activities Division — отдел специальных операций) — подразделение ЦРУ, отвечающее за проведение секретных операций.

33

CSI: Crime Scene Investigation — американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

34

Куфи — цилиндрическая шапочка, традиционный африканский головной убор

35

Радиологическое оружие — гипотетическая разновидность оружия массового поражения (ОМП), использующая в качестве поражающего элемента ионизирующее излучение радиоактивных материалов.

36

Операция «Орлиный коготь» (Eagle Claw), проведенная 24 апреля 1980 года вооруженными силами США в Иране с целью спасения 52 заложников из посольства США в Тегеране. Операция закончилась полным провалом.

37

Махму́д Ахмединежа́д (род. 1956) — иранский политический и государственный деятель. Президент Исламской Республики Иран с 3 августа 2005 по 3 августа 2013 года.

38

Калаши — небольшой дардский народ, населяющий три долины правых притоков реки Читрал (Кунар) в горах южного Гиндукуша в округе Читрал провинции Хайбер-Пахтунхва (Пакистан). Значительная часть калашей до сих пор исповедует языческую религию.

39

Хезби — член политической партии «Хезб-е Ислами Кали».

40

24 ноября 1971 года преступник, назвавший себя Д. Б. Купер (D.B.Cooper, также Dan Cooper), угнал самолет «Боинг-727», получил выкуп в размере 200 000 долларов и остался непойманным и неизвестным. Он выпустил пассажиров, заставил пилотов взлететь и выпрыгнул с парашютом примерно в 50 километрах к северо-востоку от города Портленд, штат Орегон, США. Тщательное прочесывание местности, где предположительно должен был приземлиться Купер, не дало результатов. Купер найден не был, равно как и его портфель с бомбой, деньги и два парашюта. В 1980 году часть купюр, составлявших выкуп (6 тысяч долларов 20-долларовыми банкнотами), была обнаружена на берегу реки в районе предполагаемого приземления Купера. Последнее обстоятельство дает основания считать, что Купер погиб при прыжке, упав в реку.

41

После случая с Д. Б. Купером самолёты «Боинг-727» были снабжены несложным устройством, которое, отклоняясь под действием набегающего потока воздуха, во время полета препятствует открытию выхода в хвостовой части. Это устройство носит название «лопатка Купера».

42

MIT (Milli Istihbarat Teskilati) — Национальная разведывательная организация Турции. Образована в 1965 г. Основная цель — сбор в государственных интересах любой информации разведывательного и контрразведывательного характера. Одна из сильнейших спецслужб современности.

43

Стиллард обыгрывает полное имя Гила — Гиллиган.

44

ПСО-1 (Прицел снайперский оптический) — один из основных прицелов советского и российского снайперского вооружения. Прицел был разработан в 1963 году специально для винтовки СВД. Конструктивной особенностью прицела стала очень удачная прицельная сетка, позволяющая снайперу быстро определять расстояние и брать необходимые горизонтальные поправки по ходу стрельбы, не вращая маховики. Прицел герметичен, наполнен азотом, что исключает запотевание оптики при перепаде температур, комплектуется сумкой для его переноски на поясном ремне, чехлом, светофильтрами, адаптером питания, запасными лампочками и источником питания. Работоспособен в интервале температур ± 50 °C.

45

Автоматический пистолет Kimber Solo, при проектировании которого были использованы некоторые элементы конструкции M1911.

46

Special Activities Division (SAD) — отдел специальных мероприятий ЦРУ США, специализирующийся на проведении силовых акций.

47

6 апреля 2008 года отряд специальных операций «Альфа 3336» при участии афганского батальона коммандос и бойцов отрядов спецопераций «Альфа 3325», «3312», «3310» осуществил десантную операцию в районе Шок Вали против укрепленного пункта и хорошо известного убежища террористической организации Исламской партии. В задачу спецназа входило уничтожение или захват в плен лидеров террористов. Поставленной цели достичь не удалось. По официальным данным, потери американцев составили 15 раненых и двое убитых.

48

Оби-Ван Кеноби (Obi-Wan Kenobi) — персонаж вымышленной вселенной Звездных войн, мудрый наставник главного героя Люка Скайуокера.

49

6 августа 2010 года в афганской провинции Бадахшан были обнаружены трупы десяти человек, а также поврежденные огнем из стрелкового оружия и гранатами автомобили. Погибшими оказались сотрудники международной благотворительной христианской организации International Assistance Mission, оказывавшие медицинскую помощь афганцам. Ответственность за их убийство взяли на себя талибы.

50

MOLLE (произносится, как женское имя Молли) — Modular Lightweight Load-carrying Equipment (Модульное облегченное снаряжение для переноски грузов). Разгрузочная система, пришедшая на смену IIFS, широко используемой в армии США по сей день. В основу MOLLE положен метод жесткого крепления подсумков, ножен и других аксессуаров к разгрузочным жилетам, боевым ранцам и поясам с помощью нашитых нейлоновых строп. Такая система позволяет в зависимости от выполняемой задачи компоновать и закреплять снаряжение в любом месте и любом порядке.

51

В парапланерном спорте клевантой называют ручку, к которой присоединяют управляющую стропу параплана. На параплане две клеванты, для правой и левой стороны. Когда одну из клевант тянут вниз, задняя кромка этой стороны параплана подгибается и купол поворачивается в эту сторону. Одновременное натяжение двух клевант приводит к уменьшению скорости параплана в горизонтальной и вертикальной плоскостях.

52

Зарату́стра (также Заратуштра и Зороастр) — основатель зороастризма (маздеизма), жрец и пророк, которому было дано Откровение Ахуры Мазды в виде Авесты — Священного Писания зороастризма.

53

Чокеровщик — работник, занятый на лесосечных и лесокультурных работах, специальным приспособлением (чокером) подцепляющий к трактору срубленные деревья-хлысты, которые потом вывозятся на специальную площадку.

54

MP7 A1 PDW — пистолет-пулемет, разработанный в начале 2000-х годов немецкой фирмой Heckler & Koch. Компактное автоматическое оружие, имеющее отличную кучность и бронепробиваемость при невысоком останавливающем действии пули. Темп стрельбы — 950 выстр./мин.

55

Ливенворт — военная тюрьма максимального уровня безопасности. Тюрьма расположена на территории армейской базы Форт-Ливенворт, открылась в 1875 году.

56

РГД-5 (ручная граната, дистанционная) — советская наступательная ручная граната. Дальность разлёта осколков — 30 метров.

57

Неда Ага-Солтан (1983–2009) — иранская девушка, убитая лоялистами во время акции протеста в Иране. Кто-то из протестующих сумел запечатлеть смерть девушки на камеру мобильного телефона, и позже эта видеозапись была опубликована в Интернете, Неда быстро стала символом оппозиции. На языке фарси «неда» значит «голос» или «призыв», это имя во всём мире стало «голосом Ирана» и символом демократической оппозиции, борющейся с исламистским режимом.

58

«Плохой день в Блэк Роке» (Bad Day at Black Rock) — кинофильм режиссера Джона Стерджеса, вышедший на экраны в 1955 году. Экранизация рассказа Говарда Бреслина «Плохой день в Хондо».

59

Juan Valdez — колумбийская сеть кофейных магазинов, специализируется на элитных сортах кофе.

60

Коммерческое наименование рацемата амфетамина, стимулирующее вещество.

61

Гил имеет в виду, что территория Пакистана до 1947 года входила в Британскую Индию.

62

Бронзовая звезда (Bronze Star) — четвертая по значимости боевая награда в Вооружённых силах США, если награждение было произведено с кластером «V» («Valor») за героизм на поле боя, и девятая по порядку старшинства в обычном варианте среди всех наград США.

63

Джессика Дон Линч (Jessica Dawn Lynch; род. 1983) — бывший рядовой первого класса Квартирмейстерского корпуса армии США. Была участником вторжения коалиционных сил в Ирак в 2003 г. 23 марта 2003 года была ранена и пленена иракскими войсками, находилась в плену до 1 апреля 2003 года, когда была освобождена в ходе операции американского спецназа.

64

Защитный шлем IBH (Integrated Ballistic Helmet) разработан компанией ILC Dover в 1995–1996 гг. Всего произведен 741 шлем для подразделений специального назначения и Отдела по спасению заложников ФБР. Шлем позиционируется как легкая баллистическая защита с возможностью ношения переговорных устройств, приборов ночного видения, различных противогазов и другого защитного снаряжения.

65

11,43-мм автоматический пистолет Хеклер-Кох Mk.23 специально разработан для Командования Сил Специальных Операций США. Mk.23 представляет собой несколько увеличенный (боевая масса без глушителя 1,1 кг) и утяжеленный вариант пистолета USP этой же фирмы.

66

McMillan TAC-50 —12,7-мм американская снайперская винтовка разработки McMillan Bros. Состоит на вооружении канадской армии, а также спецподразделений полиции США. Штатным для канадской армии является 16-кратный оптический прицел.

67

Базарак — город в Афганистане, центр провинции Панджшер. В 8 километрах от Базарака находится мавзолей Ахмада Шаха Масуда.

68

Парун — административный центр провинции Нуристан.

69

M18A1 «Клеймор» (Anti-personnel mine M18A1 Claymore) — противопехотная осколочная управляемая мина направленного поражения. Разработана в начале 1950-х годов в США. Состоит на вооружении армии и Корпуса морской пехоты США, а также спецподразделений.

70

7,62-мм самозарядный карабин Симонова (СКС, за рубежом также известен как «СКС-45») — советский самозарядный карабин конструкции Сергея Симонова, принят на вооружение в 1949 году.

71

«М-203»—40-мм однозарядный подствольный гранатомет. Предназначен для поражения живой силы, транспорта и легкобронированной техники противника на дальностях до 400 м.

72

Ka-Bar (USN Mark II) — боевой нож, разработан и производился американской компанией Tidioute Cutlery Company. Принят на вооружение в 1942 году корпусом морской пехоты и ВМС США. В годы Второй мировой войны различными фирмами было произведено около 1 500 000 ножей.

73

«М-134» «Миниган» (Minigun) — название семейства многоствольных скорострельных пулеметов, построенных по схеме Гатлинга. Впервые применен во время Вьетнамской войны, где доказал свою эффективность. Наиболее эффективен против пехоты, легкой и воздушной техники.

74

Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, известный также как «Вьетконг» (сокращение от Việt Nam Cộng Sản — «вьетнамский коммунист»), — военно-политическая организация, противостоявшая совместно с армией Северного Вьетнама американцам и их союзникам в ходе Вьетнамской войны (1957–1975).

75

Крест «За выдающиеся заслуги» (Distinguished Service Cross) — высшая награда армии США, вторая по старшинству в общей системе старшинства военных наград. Основанием для награждения крестом «За выдающиеся заслуги» служит проявленный особо выдающийся героизм.

76

«Глок» (Glock 17) — австрийский пистолет, разработанный фирмой Glock для нужд австрийской армии. Образец оказался довольно удачным и удобным для применения. Благодаря своим боевым качествам и надежности получил широкое распространение.

77

Дэвид Майкл Леттерман (David Michael Letterman, род. 1947) — американский комик, ведущий популярной программы «Вечернее шоу с Дэвидом Леттерманом» на телеканале CBS.

78

Ахма́д Шах Масу́д (1953–2001) — афганский полевой командир, министр обороны Афганистана (1992–1996). Известен также под прозвищем Панджшерский лев. Таджик по национальности.

Имеется в виду штаб-квартира ЦРУ.

80

Lockheed AC-130 Spectre — тяжеловооруженный самолет поддержки на базе транспортного самолёта «C-130». Принимал активное участие во Вьетнамской войне. Вооружение самолёта состоит из нескольких артиллерийских орудий, включая 105-мм гаубицу. Экипаж — 15 чел., включая 5 офицеров.

81

MC-130H Combat Talon II — модификация самолета C-130 Hercules для сил специального назначения.

82

Система воздушной эвакуации «Skyhook», впервые использованная в 1962 году, позволяющая транспортному самолету «подхватывать» грузы с земли.

83

Диего-Гарсия (Diego Garcia) — крупнейший остров-атолл архипелага Чагос в Индийском океане, находящегося в 1600 км южнее Индостана и 500 км южнее Мальдив. С 1973 года на острове действует крупная американская военная база.

84

За 9 лет советского военного присутствия в Афганистане советские войска девять раз проводили масштабные военные операции в Панджшерском ущелье. Данное 120-километровое ущелье служило главной транспортной артерией для душманов, по которой они вьючными караванами получали помощь вооружением, боеприпасами, амуницией, людскими резервами, медикаментами и многим другим из Пакистана. Помимо этого ущелье, имеющее сложный горный рельеф, служило хорошей базой для сосредоточения и подготовки личного состава незаконных вооруженных формирований. Результатом всех панджшерских операций становилось установление временного контроля со стороны советских войск над Панджшерским ущельем. Однако, по прошествии некоего времени, контроль снова возвращался к Ахмад-Шах Масуду.

85

9 сентября 2001 года два исламских смертника-марокканца под видом журналистов проникли к Ахмад-Шах Масуду в резиденцию и во время интервью привели в действие взрывное устройство.

86

АН-64 «Апач» (англ. Apache) — основной ударный вертолёт Армии США с середины 1980-х годов.

87

Специальная воздушная служба (Special Air Service, SAS) — подразделение вооруженных сил Великобритании, официально учрежденное 31 мая 1950 года. Входит в войска специального назначения Великобритании (UKSF).

88

Снайперская винтовка Remington Modular Sniper Rifle (MSR) разработана специально для конкурса сил специальных операций США (US SOCOM). Remington MSR использует ручную перезарядку с продольно скользящим поворотным затвором. Стволы винтовки — быстросменные, имеются четыре варианта калибров от 7,8 мм (.308) до 8,6 мм (.338).

89

Планка Вивера (Weaver rail) — кронштейн для присоединения дополнительных оружейных аксессуаров и вспомогательных принадлежностей к ручному стрелковому оружию.

90

Телескопические насадки ночного видения PS-22 позволяют превратить обычный дневной оптический прицел в высококачественный прицел ночного видения.

91

Тускенские рейдеры (Песчаные Люди) — вымышленные существа из саги «Звездные войны». Они живут на планете Татуин. Точная физическая форма Тускенов неизвестна, так как они полностью покрывают свое тело одеждой.

92

MQ-1 Predator (Хищник) — американский многоцелевой беспилотный летательный аппарат производства General Atomics.

93

AGM-114 «Хеллфайр» (Hellfire, буквально — адское пламя, сокращение от Helicopter Launched Fire-and-Forget) — американская ракета класса «воздух-поверхность» с полуактивным лазерным наведением, воплощающим принцип «выстрелил и забыл».

94

Белл АН-1 «Кобра» (Bell AH-1 Cobra) — американский ударный вертолет, разработанный фирмой Белл Геликоптер Текстрон в начале 1960-х годов. Первый в мире специально спроектированный боевой вертолет. С большим успехом применялся во Вьетнамской войне и других вооружённых конфликтах. В начале XXI века вертолеты АН-1 продолжают находиться на вооружении Корпуса морской пехоты США.

95

Эта фраза, якобы сказанная после взятия крепости Безье в 1229 году во время Альбигойского крестового похода, приписывается папскому легату Арнольду Амальрику. Взятие крепости сопровождалось поголовным истреблением местного населения (около 20 тысяч чел.).

96

Пневмоторакс — скопление воздуха в плевральной полости.

97

F-16 «Файтинг Фалкон» (General Dynamics F-16 Fighting Falcon, дословно — Бойцовый сокол) — американский многофункциональный легкий истребитель четвертого поколения, разработанный компанией General Dynamics.

98

«Боинг B-52» «Стратофортресс» (Boeing B-52 Stratofortress — Стратосферная крепость) — американский многофункциональный тяжелый сверхдальний межконтинентальный стратегический бомбардировщик-ракетоносец второго поколения, стоящий на вооружении ВВС США с 1955 года.

99

105-мм легкая буксируемая гаубица М102 — американское легкое буксируемое орудие, предназначенное для поддержки пехоты, десантных войск и штурмовых групп. Устанавливается на самолеты огневой поддержки «ганшип».

Ну, с Богом (*исп.*).

101

«Один-ноль-пять» — Гил имеет в виду 105-мм гаубицу.

102

«Фишка дальше не идет» (The buck stops here) — фраза из обихода игроков в покер, получившая более широкое распространение благодаря президенту США Гарри Трумэну, который сделал ее своим девизом. В покере «фишка» (buck) передается по кругу и помещается каждый раз перед игроком, которому подошла очередь сдавать карты. Если игрок не хочет сдавать карты, он передает фишку следующему. В переносном смысле фишка — атрибут человека, ответственного за принятие решений. Говоря, что она «дальше не идет», президент давал понять, что окончательное решение принимает именно он.

103

Цельномедная пуля Lapua Naturalis при ударе о препятствие сплющивается без разрушения, Это обеспечивает максимальный шоковый эффект.

104

Bofors L60 — автоматическое зенитное орудие калибра 40 мм, разработанное в 1929–1932 годах шведской фирмой «Bofors». Широко применялось в ходе Второй мировой войны, как в сухопутном, так и в корабельном вариантах, состояло на вооружении многих стран мира.

105

F-15E «Страйк Игл» (McDonnell Douglas F-15E Strike Eagle) — американский двухместный истребитель-бомбардировщик, созданный на базе истребителя F-15.

106

Joint Direct Attack Munition (JDAM) — комплект оборудования на основе технологии GPS, преобразующий свободнопадающие бомбы («тупые» бомбы, «dumb bombs») во всепогодные корректируемые («умные», «smart») боеприпасы.

107

A-10 «Тандерболт» II (Fairchild-Republic A-10 Thunderbolt II) — американский бронированный одноместный двухдвигательный штурмовик, разработанный для уничтожения танков, бронемашин и прочих наземных целей.

108

B-1 «Лансер» (Rockwell International B-1 Lancer) — американский сверхзвуковой стратегический бомбардировщик с крылом изменяемой стреловидности.

109

Битва за Коррехидор (5 мая — 6 мая 1942 года) — одно из решающих сражений Филиппинской операции. Остров Коррехидор, превращенный в крепость, преграждал вход в Манильский залив. Захват острова стал завершающим этапом покорения японцами северных Филиппин. После капитуляции американо-филиппинской армии на полуострове Батаан, японцы сосредоточили силы на захвате острова. 5 мая, после недельной артиллерийской подготовки, японские войска штурмовали Коррехидор. На следующий день гарнизон Коррехидора капитулировал.

110

Медаль Почета (США) (Medal of Honor) — высшая военная награда США.